

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

О. В. Игнатьева

АНТРОПОЛОГИЯ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

О. В. Игнатьева

АНТРОПОЛОГИЯ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

*Допущено методическим советом
Пермского государственного национального
исследовательского университета в качестве
учебно-методического пособия для студентов,
обучающихся по направлению подготовки магистров
«Культурология»*

Пермь 2021

УДК 7.074(075.8)

ББК 79.18я73

И266

Игнатъева О. В.

И266 Антропология коллекционирования [Электронный ресурс] : учебно-методическое пособие / О. В. Игнатъева ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2021. – 2,0 Мб ; 150 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/ignateva-antropologiya-kollekcionirovaniya.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-3647-1

Изложение материала в учебном пособии строится по определенной схеме, соответствующей историческим периодам истории частного коллекционирования в России с XVIII века до настоящего времени. Содержится описание антропологических типов коллекционирования, приводятся тексты (исторические источники), а также учебные задания.

Пособие предназначено для бакалавров и магистров, обучающихся по направлению «Культурология». Может представлять интерес для студентов других гуманитарных направлений подготовки.

УДК 7.074(075.8)

ББК 79.18я73

*Издается по решению ученого совета философско-социологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензенты: кафедра культурологии, музыковедения и музыкального образования Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (и.о. зав. кафедрой, д-р искусствоведения, профессор **М. Е. Пылаев**);

проректор по научной и международной деятельности Пермского государственного института культуры, доцент кафедры социально-культурных технологий и туризма, канд. культурологии **А. А. Лисенкова**

ISBN 978-5-7944-3647-1

© ПГНИУ, 2021

© Игнатъева О. В., 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Часть 1. Императорское коллекционирование в России.....	10
Часть 2. Аристократическое коллекционирование в России.....	37
Часть 3. Коллекционирование в России во второй половине XIX – начале XX в.....	50
Часть 4. Особенности женского коллекционирования	75
Часть 5. Коллекционирование в советский период	82
Часть 6. Пермские коллекционеры.....	98
Часть 7. Образ коллекционера в литературе	117
Заключение	142
Список источников и литературы	144

ВВЕДЕНИЕ

История частных коллекций стала объектом изучения практически с момента их появления. Главным жанром представления частных собраний в дореволюционное время в России был каталог, позволявший вводить в публичное пространство как само собрание, так и личность коллекционера. Особое внимание обращалось на коллекционеров, стремившихся сделать свои собрания открытыми, доступными широкой публике, создававших музеи или передававших свои коллекции в дар музеям.

В конце XIX – начале XX в. публикуется большое количество описаний коллекций, статей, посвященных собирателям и их коллекциям, появляются журналы, специализирующиеся на описании художественной жизни и частных коллекций. Эстетизация прошлых исторических эпох, характерная для стиля модерн, способствовала возникновению интереса к частным коллекциям и позволяла вписать новые страницы в историю русского искусства. Достаточно вспомнить Историко-художественную выставку в Таврическом дворце (1905), открывшую русский портрет XVIII в. из собраний русских усадеб.

В советское время вместе с «растворением» частных коллекций в государственном музейном фонде исчезла из научного исследования тема коллекционеров и их собраний. Однако работы С.А. Овсянниковой, относящиеся к 1960-х гг. и посвященные истории частного коллекционирования в России, вернули в научное и культурное пространство многие имена и собрания. Она выделяет два основных периода в истории русского коллекционирования, определяя их как дворянский (XVIII в. – 1861 г.) и буржуазный (с 1861 по начало XX в.).

С конца 1980-х гг. по настоящее время вышло в свет большое количество работ, посвященных частным коллекциям, особенно дореволюционного периода. Частное коллекционирование рассматривается большинством авторов как этап, предшествующий появлению музеев. Статус коллекционеров оценивается согласно их вкладу в создание и сохранение культурного фонда.

Вместе с тем частное коллекционирование практически не рассматривается в контексте социально-культурных изменений, происходивших в России в XVIII – начале XX в. Не устанавливается взаимосвязь коллекционирования и других форм культуры, культурных практик и образа жизни определенных социальных слоев. Во многих работах первый период коллекционирования вслед за С.А. Овсянниковой обозначается как дворянский. Но то, каким образом коллекционирование вписывалось в дворянскую культуру и повседневную жизнь, какие функции выполняло, остается, как правило, без внимания исследователей. Эволюция частного коллекционирования прослеживается через приобщение к собирательству новых социальных слоев, через специализацию собраний, сте-

пень раскрепощения собраний. Этот процесс оказывается вне сравнения с историей европейского коллекционирования, хотя частное собирательство появляется в России именно на волне европеизации.

Проблема европеизации, обозначенная в русской философской традиции в первой половине XIX в. в контексте дискуссии о национальной идентичности России, до сих пор остается актуальной. Из последних работ, посвященных проблеме европеизации России, можно отметить исследования Т.В. Черниковой, Т.П. Баженовой, С.В. Литвинова, Е.Е. Вахрамеевой и др.

Процесс европеизации принято рассматривать в соответствии с теорией модернизации как необходимое условие, предпосылку модернизации, как процесс насаждения или приобщения к европейским институтам, образу жизни, ценностям, необходимой для поиска исторической формы модернизации в России.

Поскольку именно в Европе появляется новый тип общества, которому суждено было стать глобальным, то она становится образцом для многих стран, вставших позднее на путь модернизации. Россия выбирает этот путь по инициативе государства, что налагает печать как на характер модернизации, так и на процесс европеизации, инициированный прежде всего властью.

Приобщение к европейским ценностям и образу жизни происходило неравномерно – раньше всех оно охватило дворянство, что привело к расколу русского общества. Роль дворянства в обеспечении модернизации общества была связана с ориентацией на определенную культурную традицию, в том числе в повседневной культуре, что привело к распространению новых моделей частного и публичного поведения, к выделению досуга как своего рода маркера социального статуса в обществе.

Одной из культурных практик, пришедших в Россию в процессе европеизации, стало частное и государственное коллекционирование. Коллекционирование в этой связи можно рассматривать и как процесс, и как результат европеизации. Коллекционирование в процессе европеизации выступало одним из коммуникационных каналов продвижения европейских ценностей и образа жизни, итогом развития практики частного коллекционирования становилась адаптация к российскому обществу новых форм культуры, прежде всего музеев и научных обществ.

В Европе частное коллекционирование начинает активно развиваться с эпохи Великих географических открытий и Возрождения. Интерес к собирательству был вызван увлечением античностью, которая воспринималась итальянскими гуманистами как основа культуры и искусства. Новое отношение к искусству проявлялось в том, что знатные итальянские собиратели выступали заказчиками искусства Возрождения, пополняя собственные художественные коллекции.

Интерес к античным предметам, их коллекционирование характерны и для XVII – XVIII вв., в это время в европейском искусстве доминирует стиль классицизм. Античность становится символом истоков европейской истории - до открытия первобытности во второй половине XIX в. отсутствие античных памятников по сути приравнивалось к отсутствию самобытной истории.

Открытие Нового света, географические путешествия порождали интерес к коллекционированию, как естественнонаучному, так и этнографическому. Модель кунсткамеры характерна для коллекционирования XVII – XVIII вв.

В XVII в. коллекционирование становится распространенной культурной практикой в разных социальных слоях, в это же время открываются первые публичные музеи в европейских странах. Появление буржуазии, ориентированной на аристократическую элиту, вело за собой расширение круга коллекционеров. Подражая дворянской аристократии в образе жизни, европейская буржуазия перенимала и увлечение коллекционированием. До сих пор в Европе коллекционирование, в большей степени художественное, воспринимается как обязательная составляющая образа жизни потомственной аристократии.

Таким образом, в Европе художественное, научное, историческое коллекционирование было частью того образа жизни и новых культурных практик, которые появляются в процессе модернизации.

В России процесс европеизации был инициирован государством в лице прежде всего Петра I и проявлялся во всех его начинаниях. Это и новая столица, новая элита в лице сподвижников Петра, развитие светских форм культуры, это и коллекционирование. В поле зрения Петра I оказалось коллекционирование как на государственном, так и частном уровне. Появились первый государственный музей и первые частные собрания. Инициированный Петром I процесс частного и государственного коллекционирования был поддержан Елизаветой и Екатериной II. Государство в лице монарха выступает ведущим коллекционером главным образом художественных собраний, демонстрируя просвещенность власти и экономическое превосходство России над европейскими странами. В первой половине XVIII в. частное коллекционирование охватывает, прежде всего, придворный круг, аристократию, которая вслед за монархами копирует европейский аристократический образ жизни.

Таким образом, первый этап в истории частного коллекционирования в России можно обозначить как этап придворного коллекционирования с соответствующим ведущим типом коллекционера – придворного аристократа. Собираательство в это время редко носило целенаправленный и системный характер, часто проявлялось на уровне коллекционирования «курьезов».

Ускоренный темп европеизации хорошо заметен на примере истории коллекционирования в России. Так, если в европейской культуре, начиная с периода Возрождения, существовала целая эпоха кунсткамер (XV–XVII вв.), ко-

торую сменил период художественного и специализированного коллекционирования, то в России вместо трех веков этот процесс занимает столетие.

Вторая половина XVIII–первая половина XIX в. связана с расцветом русской дворянской культуры, в это время европейские новации приспосабливаются к российским культурным традициям. Самый яркий пример такой модификации можно обнаружить в мире дворянской усадьбы. В это время процесс европеизации происходил на более глубоком уровне, через усвоение языков и знакомство с литературой и философией (дворянские кабинеты и библиотеки), через обучение у иностранных учителей и получение образования в Европе, через путешествия и военные походы, через моду и искусство. Частное коллекционирование вполне укладывалось в паттерн дворянской культуры как занятие для избранных, связанное с интеллектуальными формами досуга. Определенная часть русского дворянства переходила от бытового собирательства к коллекционированию, прежде всего художественному и историческому. В отличие от бытового собирательства коллекционирование представляет собой целенаправленную деятельность по собиранию, как правило, однородных предметов, имеющих художественную или научную ценность, и их изучению. Коллекционирование становится каналом коммуникации как в дворянской среде, так и с более широкими социальными кругами, в том числе в Европе (художники, ученые, коллекционеры и т.д.).

Таким образом, вторую половину XVIII–первую половину XIX в. – второй период в истории частного коллекционирования в России – можно определить как имеющего аристократический характер.

Увлечение романтизмом, Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии заставили по-новому посмотреть на Европу и собственную национальную миссию. Следствием этого в начале XIX в. явился интерес к отечественным древностям и искусству, возникновение идеи национального музея. Стремление доказать, что в России тоже была своя древность приводило к переориентации коллекционеров на собирание отечественных древностей. В столичных городах произошло разделение коллекционеров по объектам собирания. Так, московское купечество, промышленники были приверженцами русской старины и инициаторами создания первого русского музея. Вместе с тем возможность получения титулов, дворянства для купечества была связана только с благотворительностью и меценатством, а коллекционирование и дарение своих коллекций обществу вписывалось в рамки благотворительности, общественного блага.

Этап модификации российского общества не закончился к середине XIX в., так как европеизация охватила, главным образом, дворянскую культуру и близкие к дворянству круги. Со второй половины XIX в. дворянская культура постепенно приходит в упадок, усадьбы, особняки и коллекции переходят новым

экономическим агентам. Начинается второй, после дворянской культуры, круг модификации, который не был завершен к 1917 г. Промышленники и купцы, осваивая через паттерн дворянской культуры европейские, прежде всего аристократические, ценности, получают образование в Европе, путешествуют и ведут дела с европейскими партнерами, в том числе подражая и увлекаясь, начинают собирать коллекции. Европа одновременно и притягивала, и отталкивала русское общество: она являлась источником страхов и опасений и с нею же связывались идеи прогресса и новаций. Частное коллекционирование, как зеркало, отражало эти тенденции сложного и неоднозначного процесса европеизации. Не случайно исследователи разделяют Москву и Петербург как два противоположных по предмету коллекционирования города. Москва окончательно стала центром коллекционирования национальных древностей и искусства, именно здесь появятся первые общедоступные музеи. Петербург остался европейским городом в плане собирательских интересов коллекционеров и характера их собраний.

Со второй половины XIX в. в процесс европеизации и коллекционирования активно включается провинциальная Россия. Местные элиты ориентировались уже не столько на сугубо частное коллекционирование, сколько на укрепление собраний, создание музеев, научных обществ. Частное коллекционирование для многих в провинции становилось формой освоения европейских ценностей. Конечно, процесс европеизации провинции был неравномерным. Там, где были катализаторы этого процесса в лице, например, университетов, быстрее появлялись частные коллекционеры, научные общества, а затем и музеи. Так, провинция первой открыла первобытную историю России, что служило доказательством того, что она прошла в своем развитии те же эпохи, что и европейские страны. Для провинциальных коллекционеров частное коллекционирование открывало возможность попасть в круг не только московских и петербургских коллекционеров, ученых, но и европейских.

Таким образом, вторая половина XIX в.–1917 г. – третий период в истории частного коллекционирования в России. Для этого периода характерен публичный характер: коллекции собираются не столько для себя, сколько с ориентацией на общественность. Публичное коллекционирование рассматривается как общественно полезное и благородное занятие, которое дает еще возможность изменить свой социальный статус, получив дворянство. В конце XIX – начале XX в. появляется новое поколение русских коллекционеров (например, С.И. Щукин), ориентированных на европейские ценности и помогающих состояться новому искусству, авангарду, противопоставляющему себя традиции.

Переключка культурных эпох видится в итальянском Возрождении и Серебряном веке русской культуры. Эти взлеты в развитии культуры и искусства оказались возможны только при определенном заказе со стороны меценатов,

коллекционеров, ценителей искусства. Но если европейское Возрождение стало основой процессов модернизации, то расцвет русской культуры начала XX в. закончился революционными потрясениями.

Таким образом, история частного коллекционирования в России начинается с петровских преобразований и включает три основных этапа. Первую половину XVIII в. можно охарактеризовать как период придворного коллекционирования, когда собирательство было скорее данью моде, чем усвоенной культурной практикой. Круг коллекционеров этого времени был очень узок, включал прежде всего придворную знать, ориентировавшуюся на российских монархов, выступавших в роли крупнейших собирателей в стране. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. – аристократический период. Частное коллекционирование в это время тесным образом связано с образом жизни русского дворянства, с появлением дворянских усадеб, потребностью в интеллектуализации досуга. Вторую половину XIX – начало XX в. характеризуют такие процессы, как расширение социального круга частных коллекционеров, в том числе за пределы столичных российских городов, тенденция к раскрепощению собраний. Это третий, публичный, период в истории частного коллекционирования в России.

Частное коллекционирование может рассматриваться в качестве одного из каналов российской европеизации, наряду с распространением философии и литературы, моды и искусства, образования и путешествий. По расширению социального круга частных коллекционеров, приобщению к собирательству не только столичных городов, но и провинции можно судить о степени и глубине распространения процессов европеизации в России.

Особенности российской европеизации отразились и на истории частного коллекционирования. Государственная власть в лице монархии выступала, с одной стороны, инициатором модернизации, ориентируясь на ведущие европейские страны, с другой стороны, ее ограничителем вследствие страхов перед революционными потрясениями.

Противоречивый и незаконченный характер российской модернизации проявлялся на всех сторонах жизни общества, особенно ярко это заметно на размежевании двух культур, европеизированной дворянской и традиционной народной. Российское дворянство с самого начала своего появления было сориентировано самими монархами на европейскую культуру. Одним из средств объединения и воспитания новой российской элиты и знаком принадлежности к европейской культуре с первых шагов петровских преобразований становится коллекционирование.

ЧАСТЬ 1. ИМПЕРАТОРСКОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В РОССИИ

С Петра I началось в России возведение собирательства в ранг государственной политики. Первым возник интерес к кунсткамерам и естественнонаучным собраниям, которых было много в Европе. Во время Великого посольства 1697–1698 гг. Петр ознакомился с коллекцией древностей амстердамского бургомистра Н.К. Витсена. Интерес к древностям, прежде всего античным, сформировался в Европе в эпоху Возрождения, в XVI–XVII вв. приверженность коллекционированию античных памятников становится знаком аристократической принадлежности. Образование аристократов, как правило, включало в себя посещение Италии, осмотр антиков и их приобретение.

Но в коллекции Витсена были древности и из России, из сибирских курганов. Побывав в молодости в России, он поддерживал с ней разносторонние связи, а книга «Nord – en Oost Tartarien» (1692г.) принесла Витсену известность, современники сравнивали этот труд с «открытием Нового Света Колумбом». Можно только предположить, что рассказы Витсена о варварском отношении к древностям в России, их переплавке кладоискателями были восприняты Петром I как импульс к деятельности. В результате царских указов начинает складываться знаменитая Сибирская коллекция древностей.

В Амстердаме Петр I посещает лекции известного анатома Ф. Рюйша, присутствует на анатомических вскрытиях, осматривает его кабинет. В коллекции Рюйша, кроме многочисленных анатомических препаратов, находились собрания насекомых, птиц, рептилий, гербарии. Петр будет и впоследствии общаться с ученым, которого он считал своим учителем: в 1717 г. за огромную сумму в 30 тыс. гульденов он приобретет кабинет Рюйша. Кабинет Рюйша и купленная коллекция амстердамского аптекаря А. Себы составят основу Кунсткамеры. Кроме того, через своих агентов Петр I приобретает минералогический музей доктора К. Готтвальда из Данцига.

Во время второго заграничного путешествия Петр I знакомится с зарисовками по ботанике и энтомологии Марии Сибиллы Мериан. Художница была известна в Европе благодаря ученым зарисовкам, сделанным в южноамериканских колониях Голландии. Это собрание было приобретено Петром для своей коллекции.

И после открытия Кунсткамеры для посетителей царь продолжает внимательно следить за европейскими собраниями. В 1721 – 22 гг. в Европу для пополнения коллекций бы отправлен библиотекарь И.Д. Шумахер, занимавшийся организацией Кунсткамеры. В своем отчете он обозначает, что основной задачей поездки по странам Европы является осматривать частные и публичные му-

зеи «ученых людей», сравнивать собрания с коллекцией Кунсткамеры, выявлять и покупать недостающие экспонаты.

Кроме того, в 1718 г. издается Указ о покупке присылаемых для Кунсткамеры находок, таким образом, коллекция начинает пополняться и в России. Между тем нужно заметить, что подобных указов о собирательстве в государственном масштабе в европейских странах тогда еще не существовало.

Кунсткамера как тип собрания для Петра I символизировала превосходство Европы в развитии научных знаний. Пользуясь возможностью приобретать целые кабинеты и собрания известных европейских ученых и коллекционеров, создавая первую в России коллекцию подобного масштаба, сделав ее доступной для публики, Петр тем самым вводил новую форму участия «в европеизированном мире, созданном монархом».

Петр I вместе с техническими достижениями, книгами, предметами быта привез из Европы произведения искусства. В Голландии на аукционе в 1717 г. по распоряжению Петра I было куплено 117 картин, в числе прочего полотно Рембрандта «Прощание Давида с Ионафаном». Художественная ценность, эстетическая значимость скупаемых по всей Европе коллекций далеко не сразу начала осознаваться на уровне как императорской власти, так и русского общества. Другие причины, амбиции, мода, желание не отставать от европейских монархов и аристократов, как ни странно, сыграли решающую роль в появлении многих художественных произведений в музеях России. Так, например, в голландской закупке произведений живописи оказалось много морских пейзажей и изображений кораблей А. Силло, которые, не имея особых художественных заслуг, должны были послужить иллюстрацией к навигацкому делу.

Первое купленное Петром собрание живописи предназначалось для Петергофа, большая часть картин была размещена во дворце Монплезира. Посещение царем во время второго заграничного путешествия Франции, королевской резиденции, привело к стремлению создать такой Олимп и для себя. К этому времени из Франции был приглашен в Россию в качестве архитектора Ж.-Б. Леблон, которому и предстояло воплотить новые замыслы Петра I относительно превосходства над Версалем. Для многочисленных садов и парков, возникающих по европейским образцам, нужна была скульптура, воплощающая новый язык аллегорических образов европейского искусства и античного наследия.

Один из агентов Петра Ю.И. Кологривов в 1718 г. приобретает большое собрание античной скульптуры, включая знаменитую Венеру Таврическую. За антиками охотились многие европейские дворы и аристократы, аукционы предоставляли возможность купить большие собрания за относительно небольшие деньги.

Как известно, при Елизавете в России стали появляться картинные галереи, по приказу императрицы галереи живописи создаются в Царском селе и Петербурге. Придворному художнику Г.Х. Гроту было поручено приобрести произведения искусства европейских художников. Отправившись в Прагу, он, на свой страх и риск, покупает более ста полотен, в том числе картины Тициана, Рубенса, Ван де Вельде и других известных мастеров. Но, скорее всего, этими именами не восторгалась публика, собиравшаяся в Царском селе. Картины, которые по моде того времени размещали шпалерной развеской на стенах картинных залов дворца как своего рода декорации, вряд ли по достоинству могли быть оценены на многочисленных приемах для знатных иностранных гостей и придворного круга.

При Екатерине II начнется собирание Эрмитажа как императорского музея (сама императрица называла его «приют отшельника») с помощью приобретения известных европейских собраний.

В 1764 г. в Берлине была куплена коллекция купца И.Э. Гоцковского, которая собиралась для Фридриха II, но в связи с финансовыми трудностями прусский король не смог оплатить картины голландских и фламандских мастеров. В 1767 г. при посредстве маркиза Маруцци были куплены картины в Венеции. В 1768 г. приобретается дрезденская коллекция картин графа Г. Брюля, та, в свою очередь, собиралась саксонским министром, подражавшим в этом увлечении своему королю Августу III. Коллекцию продавали наследники, всего в России оказалось более 600 картин, в том числе знаменитые полотна Рубенса, Рембрандта, Пуссена, Тьеполо и многих других художников.

Большую роль в приобретении собраний по-прежнему играли русские дипломаты, агенты Екатерины II в разных странах Европы. Так, Д.А. Голицын в течение пятнадцати лет содействовал покупке произведений европейских художников.

В 1779 г. в Англии была куплена художественная коллекция первого британского министра, сэра Р. Уолпола, включавшая более двухсот картин, за которыми был отправлен специальный корабль. Екатерина II не считала приобретение этих известных европейских собраний личным предприятием, подчеркивая, что продолжает начатое Петром I дело. То, что европейские монархи и аристократы не могут позволить себе сохранять собрания в своих странах, вынуждены их продавать, скорее рассматривалось как свидетельство состоятельности России, побед не только военных («варварская» страна), но и культурных. Крупнейшие собрания Европы, все национальные школы были собраны в Эрмитаже, и как писала Екатерина II М. Гримму про свои коллекции, «там им любуются только я да мыши».

В практиках коллекционирования Екатерины II происходит разделение на две сферы, публичную и частную, что было характерно в целом для культуры XVIII в. В публичной сфере монарх по-прежнему остается главным символом государства. В этом смысле победы на поприще государственного коллекционирования, появление императорского музея, не только ничем не уступающего европейским королевским музеям, но и превосходящего некоторые из них - это, конечно, репрезентация государственной власти, могущества государства и монарха.

Частное коллекционирование Екатерины II было связано с субъективным, личностным интересом, проявленным в отношении гемм, что обнаруживалось не только в собирательстве антиков, их изучении, но и собственноручной работе по камню. Возможно, что первые шаги в этом направлении и были сделаны под влиянием моды, но чем больше приобреталось предметов, тем быстрее формировался тот «фанатизм», который свойствен поведению настоящего коллекционера.

По примеру европейских империй, в первую очередь Франции, ампир становится ведущим художественным стилем России в первой половине XIX в. Придворное коллекционирование соответствовало новым имперским амбициям, правда, гораздо в меньшей степени, чем армия и военные победы. Из приобретений Александра I для Эрмитажа, главным образом, известна Мальмезонская картинная галерея императрицы Жозефины, приобретенная в какой-то степени случайно.

Гораздо в большей степени известна собирательская деятельность Николая I. Новый Эрмитаж, или «Императорский музей», был открыт в 1852 г. и полностью соответствовал ведущим европейским музеям своего времени. Во время поездки по Германии в 1838 г. Николай I осмотрел новые музеи Мюнхена, Пинакотеку и Глиптотеку, построенные архитектором Лео фон Кленце. Известный архитектор «Баварских Афин» был приглашен для руководства строительством Нового Эрмитажа.

Античное собрание императорского музея пополняется как традиционным способом, покупкой европейских и русских коллекций, так и благодаря археологическим раскопкам. На юге России к этому времени уже проводились археологические исследования античных памятников; кроме того, Николай I приобрел земельный участок в Риме для археологических разысканий, к тому же там была организована специальная археологическая комиссия для покупок античных древностей.

Коллекционирование как форма репрезентации власти не могло не отражать новую официальную идеологию. Александр III считал олицетворением современной национальной культуры творчество передвижников, лично посе-

шал выставки и покупал картины художников. Императорский двор продолжал «выполнять роль личных покровителей искусства», но это влияние не сравнится с прежними временами господства придворного искусства. В этом смысле показательно, что уже не обществом, а Александром III будет выдвинута идея создания Русского музея, но осуществить ее сможет Николай II при финансовой поддержке Ю.С. Нечаева-Мальцева в 1895 г. Сама же идея национального музея, как и пятьдесят лет назад, возникла под европейским влиянием. Посещение Александром III Розенборга, датского музея древностей, привело к желанию учредить нечто подобное у нас.

Тенденция к разделению частного и публичного коллекционирования, проявившаяся в собирательской деятельности Екатерины II, получает окончательное завершение в придворном коллекционировании XIX в. Частные интересы представителей императорской семьи постепенно переходят от аристократического стиля жизни к буржуазному. Своего рода презентацией семейных ценностей становится собрание пасхальных яиц фирмы Фаберже. Начало традиции было положено в 1885 г. Александром III, Николай II продолжал заказывать изделия до 1917 г.

Источники для самостоятельной работы

Указ Петра I от 13 февраля 1718 г. о передаче родившихся монстров в каждом городе коменданту и о назначении за них платы, и о штрафе за утайку ¹

1718. Февраля 13. Именной. – О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей во всех городах к Губернаторам и Комендантам, о даче за принос оных награждения и о штрафе за утайку.

Понеже известно есть, что как в человеческой породе, так в зверской и птичьей случается, что рождаются монстра, то есть уроды, которые всегда во всех Государствах собираются для диковинки, чего для пред несколькими летами уже указ сказан, чтоб такие приносили, обещая платеж за оные, которых несколько уже и принесено, а именно: два младенца, каждый о двух головах, два, которые срослись телами. Однакож в таком великом Государстве может более быть; но таят невежды, чая, что такие уроды рождаются от действия диявольскаго, чрез ведомство и порчу: чему быть невозможно, ибо един Творец всея твари Бог, а не диавол, которому ни над каким созданием власти нет; но от повреждения внутренняго, также от страха и мнения матерняго во время бремени, как тому мно-

¹ Печатается по: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 5. СПб., 1830. С. 541–542. № 3159.

гие есть примеры, чего испужается мать, такие знаки на дитяти бывають; также когда ушибется, или больна будет, и прочее.

Того ради паки сей указ подновляется, дабы конечно такие, как человечьи, так скотские, звериные и птичьи уроды, приносили в каждом городе к Коммендантам своим: и им за то будет давана плата, а именно: за человеческую по 10 рублей, за скотскую и звериную по 5, а за птичью по 3 рубли, за мертвых; а за живыя, за человеческую по 100 рублей, за скотскую и звериную по 15 рублей, за птичью по 7 рублей; а ежели гораздо чудное, то дадут и более, буде же с малою отменою перед обыкновенными, то меньше. Еще ж и сие прилагается, что ежели у нарочитых родятся, и для стыда не захотят принести, и на то такой способ, чтоб те неповинны были сказывать, кто принесет, а Комменданты неповинны их спрашивать: чье, но приняв, тотчас деньги дав, отпустить. А ежели кто против сего указа будет таить, на таких возвещать; а кто обличен будет, на том штрафу брать вдесятеро против платежа за оныя, а те деньги отдавать изветчикам.

Также ежели кто найдет в земле, или в воде какия старыя вещи, а именно: каменя необыкновенные, кости человеческия или скотския, рыбы или птичьи, не такия, какия у нас ныне есть, или и такия, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какия старыя подписи на каменьях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно: також бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи; понеже не видав, положить нельзя цены. Вышепереченные уроды, как человечьи, так и животных, когда умрут, класть в спирты; буде же того нет, то в двойное, а по нужде в простое вино; и закрыть крепко, дабы не испортилось; за которое вино заплачено будет из аптеки, особливо.

**Шумахер И.Д. Отчет, поднесенный Петру Великому
от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии
в 1721–1722 годах²**

& 11. В посещении музеев времени, труда и убытков я не жалел: егда-бо о некотором услышал, то тщился оный смотреть, и весьма мало обрящутся в Немецкой земле, Голландии, Франции и Англии, которые бы ваше императорское величество сами не видели, того ради за излишнее почитаю спецификацию делать, что аз в оных видел, такожде и невозможно оное так кратко совершить. Однакоже теперь вкратцах объявлю, из чего оные состоять:

² Печатается по: Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков: Сб. документов и материалов / Колл. авт.; // Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 30–43.

В Риге господина доктора Мартини кабинет, состоящий из разных натуралиев, наипаче из петрефактис именующихся, однакожде ничего чрезвычайное в оном обретается.

В Королевце имеет молодой доктор Гартманн умершаго отца своего янтарный кабинет, который почитать надлежит, понеже в оном начально всякия статьи янтаря обретаются, вторично – происхождение их аккуратно видеть можно.

В Данциге господина доктора Бреина музеум славен для удивительнаго собрания янтаря и солей и ради славной флоры Японии, которой часть в берлинском кунст-камере показывается.

Берлинский музеум почитается больше ради изрядных, зеркалами и резною работою украшенных покоев, нежели вещей, из которых оный состоит. Натуралиев весьма мало обретается и без порядку; начальнейшия-бо вещи суть: чеканные серебряные и золотые сосуды, в Аугсбурге сделанные.

Зело такожде прославляют еленьи рога, которые из древа исходят, натурально-ли оное или нет, о том от прочих разсуждение требую.

Королевский монетные кабинет и антиквитетов камера, под надзиранием господина библиотекаря де ла Кроза, лучшему почтению достойны; не токмо-бо имеют в великом числе нынешних монет, медалей, каменных и прочих греческих и римских антиквитетов, но и всё зело порядочно расположено есть. Вельми сожаления достойно, яко оный ныне не прибавляется, но ежедневно убавляется, понеже королевское величество больше солдатство содержать тщится, нежели науки производить.

Из частных имеет тайный советник фон-Книпенгаузен кабинет медалей преизрядный, у него ж обретается изрядное собрание эстампов. В Гамбурге удивления достоин г-на синдика Андерсона музеум; удивительныя вещи из ретно минерали невозможно лучше обрести; больше всех других вещей украшают оный во всех землях рожденные мраморы, минералы и петрефакта (в камень преобразенныя вещи), а медали не весьма удивительны суть.

В Лейпциге такожде не имеется публичный музеум, кроме того что в ратс-библиотеке показывается несколько камней, дорогих антиквиев, и старая моисийская работа.

<...> Дрезденская кунст и натуралиев камера превосходит берлинскую многими вещами, но зело жаль, яко оная весьма разделена есть. Натуралиев камера состоит из всяких натуральных вещей; кунст-камера из разных ветхих художественных штук, яко часов, машин, моделей, инструментов разных рукодельных, и токарных штук. Антиквитет камера состоит из греческих и римских монет и антиквиев, при оных же обретаются рисунки эстампов, но в особливои камере.

Казенная королевская камера, зеленая палата именуется.

На чудные вещи Тилингера (у которого ваше императорское величество прежде сего в доме стояли), наипаче дивными и драгими ветхими и нынешними, резанными камнями и чудными медалями украшенная пирамида, азиатская амбада и прочия вещи достойны всем представитися.

<...>

В Касселе кунст и натуралиев камера в доме нарочно к тому изготовленном обретається: натуральные вещи внизу суть, а художественные вверху. Из оных вначале занимают особливую камеру минералы, камень, земли и соли. Вторично анималия (звери). В третьих конхилия (раковины) и морские вещи; в четвертых деревья, травы и прочия к ботанике принадлежащая. Таким же образом художественные вещи разставлены суть.

Инструменты математические особливо лежат, физические особливо, такожде машины и модели – все в таком изрядном порядке, что воистинну сказать могу, яко ни который кунст-камер таков порядочен обретох.

<...>

Себа превосходит в анималиях и минералах. <...>

Вилдский кабинет, ради ветхих монет, в Голландии лучший есть, и понеже оный продается, того ради заблагоразсудил обстоятельнее, что в оном обретається, объявить. <...>

Профессор Рюйш хотя вельми стар и безможен есть, однакожде еще тщится анатомию, с пособием инекциев в совершенство привести, и ныне уже паки четыре кабинета с анатомическими препаратами наполнил; в оных же показывает реее мирабиле, который обретох у человека, продавши уже кабинет. Впрочем нынешние препараты не в полу так хороши суть, яко оные, которые он прежде сего делал. На антропологию не можно ему и думать, ибо такое собрание, какое в вашего императорскаго величества кабинете обретається, ниже он, ниже кто другой в таком полном числе собрати может.

Умершаго господина Бундермакера Атлас, который из 102 книг состоит, весьма дивен, и воистинну сказать можно, яко в Европе ему подобнаго несть. Содержит бо не токмо лучшие генеральные и специальные карты, но и описание начальнейших улиц и городов всякой провинции, такожде и образы державу имеющих господ, и рисунки баталлий, которые в каждой провинции делались. Егда же оный в аукции продать хотели, тогда я о том репортовал, и аукцию пол-года, сверх поставленнаго сроку одержал, но понеже ответствения не получил, того ради достался оный за 10,000 гульденов королю португальскому.

<...>

В Лейдене публичная анатомия и натуралиев камера обретається, и что в оных имеется ваше императорское величество о том известны, ничто же новое

в одну прибыло, и сверх того печатанный каталог о том есть. Но сожаления достойно, яко равеновы препараты анатомические не лучше сберегаются.

Господина де-ла-Курта кабинет живописных вещей изрядный есть. В Гаге господина Грефиера Фагелса монетный кабинет для обретающихся в оном нынешних монет и медалиев славен.

В Делфте видел я преславные микроскопии Левенгуковы; колико он в оных произошел, оказывают его о том публикованныя книги.

<...>

В Антверпене видел я Каноника предивную галерею живописных вещей. Оный имеет штуки от Рубенса, Микель Анжело, фан-Дейка, Пусена, и сим подобных добрых мастеров, наипаче вельми почитает миниатюрныя свои штуки, которых множество имеет.

В Париже, как публичные, так и private кабинеты суть:

Королевская натуралиев и анатомическая камера в королевском медицинском саду обретается; она состоит из натуральных вещей того государства; сия из скелетов, как человеческих, так и звериных.

На обсерватории обретаются модели, инструменты математические и физические; все, которые в мемориях не публикованы суть, срисовать и об оных аккуратное описание, которое здесь с рисунками имеется, я сделать повелел.

Удивляться надлежит, яко тамо больше и лучше вещей не обретается: Тширнгаузена зеркало зажигательное между лучшими вещами из оных поставляется.

В Лувре такожде суть некоторыя машины, рисунки, живописи, о которых всюду описание имеется.

Медалей кабинет в Версале дорогая и старинныя вещи тако имеет, яко в свете оным подобных нет. Из оных же едва не все во разных материях печатанные с собою привез.

<...>

В Лондоне социетет имеет изрядный натуралиев кабинет, но весьма не доходит до кабинета господина Стоанесса и доктора Водварта.

Сверх того, обои не имеют хорошее собрание антиквитетов; последний имеет пред другим славу в камнях и минералах <...>.

В Оксфорте публичная, в доме университетском, натуралиев и антиквиев камера славна есть. Содержит-бо все натуралии из каждого натуре регно, антиквитеты и медали, о которых разныя книги напечатаны суть.

<...>

Внегда же начальнейшие кабинеты в Немецкой земле, в Голландии, Франции и Англии видел, и вашего императорскаго величества кабинет корот-

ко знаю, иже начало возымел от некоторых зверей и лапландских саней, тогда свободно сказать могу, чем оный с прочими разнится и в чем недостаток имеет.

Что к натуралиям, яко камням, минералам и зверям принадлежит, ваше императорское величество хороший запас в оных имеете, однакожде натуральные вещи сего государства недовольно розысканы.

В анатомических вашего императорского величества кабинет себе подобного не имеет.

Добрый порядок такожде в оном содержаться будет, егда только к тому назначенный дом изготовится.

Художественные вещи, живописные, эстампы, физические и математические инструменты, антиквитеты и медали в вельми малом числе в оном обретаются, но весьма потребны суть; того ради я, следуя инструкции моей, тщился оный недостаток исполнить, наипаче о кабинете медалей, которые вашему императорскому величеству весьма потребен.

Оный кабинет, который я с уговором на два или три месяца в Гамбурге у Петра Грева купил, и потом Арист Говерс за оный заплатил, прежде сего славному Люитеру принадлежал; оному, егда кабинет еще в добром и полном состоянии был, королева Христина 80,000 ефимков давала, ибо во истину сказать можно, яко оный в Немецкой земле в то время из славнейших был. Но оным себя разорил, по смерти-бо его не осталось толико, чем-бы долги заплатить, и наследники, не знаяши выправиться, заложили оный кабинет жидам за некоторую сумму; сии же токмо золотые и серебряные медали взяли и, в разные мешки положивши, печатью наследников запечатали, но егда росту за оное зело умножилось, тогда Петр Грeve, наследник же, оная выкупил, и в таком состоянии за 8000 ефимков банку помянутым образом вашему императорскому величеству продал. Оное золото с мешком – весом 2043 червонных, а серебра 3600 лотов. Одно токмо жаль, что понеже монеты между собою весьма смешаны, того ради тому, который оная разбирать будет, много ночей беспокойных учинят.

При моей бытности, вашему императорскому величеству знакомый кабинет господина Шевалиера на аукции <аукционе> продавался, оный же состоял из антиквитетов и старых камней. В сей аукции купил я два зеркала цилиндрические, с некоторыми фигурами. Большие и малые из карниола, лапиде лазури, зардомира, резанные ветхие и новые дорогие камни, числом 66. Старинные лампы и множество старых печатей и перстней, такожде несколько старинных флейт, како о том роспись явствует. Вашему императорскому величеству весьма известно, яко в Голландии зело часто такая аукция бывают, при оных же срок поставляется, и егда оный пройдет, тогда без всякаго разсмотрения начинаются, и того ради не возможно указа своего государя о том ожидать, убо где аз такую аукцию заставал, и видел, что с пользою из оной можно что полу-

чить, то я дерзал и без вашего императорского величества указа то делати, в той надежде, яко оное от вашего императорского величества всемилостивейшее принято будет.

В Амстердам под дирекцию господина де-ла-Курта, преизрядная оранжерея на аукции продавалась, и драгоценный кабинет живописных вещей, деланных от лучших мастеров; и понеже в медицинском огороде моранжереи не имеется и в новую библиотеку и кунсткамеру впредь живописи весьма надобны будут, и оныя вещи не вельми дорого продавались; того ради я оранжереи и несколько живописей чрез господин Ларвода и сына его – оную за 823 гульдена, сии за 8382 гульденов купил; но понеже в медицинском огороде еще к оранжереи места необретається, того ради господин архиатер оную ея величеству государыне императрице отдал, и оныя уже заплачена.

А живописи в кунст-камере суть на время, но еще не заплачены, и плату за оныя Элмсал и Эванс, корреспонденты Ларвода и сына его, ежедневно требуют и мне покоя не дают; для того всеподданнейше прошу ваше императорское величество, дабы всемилостивейше указали, оныя деньги Элмсалу и Эвансу выдать. Инструменты математические и физические в Лейдене от Мусенброка, в Англии от Деана, во Франции от Виньерона и Эслина, в Берлине от Доплера и прочих я купил, которые все в счете объявлю.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом: исследование П. Пекарского³

Кроме путешествий, Витзена занимал и тот предмет, которому так страстно был предан царь, – это мореплавание. Бургомистр известен был ученым исследованием о древней и новой постройке кораблей и об искусстве управлять ими. Ему же голландское законодательство обязано большей частью постановлений о кормщиках, авариях, береговом праве. Наконец, Витзен владел полною коллекцией машин и инструментов для кораблестроения. Витзен взялся за сопровождение Петра в Голландии по просьбе правительства. Между ними и потом была переписка.

<...>

Петр Первый, как это видно из его поденных журналов, не оставлял без внимательного осмотра до самых мелочей ни одного достопримечательного собрания натуральной истории и редкостей, которые ему предоставлялась возможность посещать во время его заграничных поездок.

В первое свое пребывание в Амстердаме Петр не упустил случая побывать в музее Якова Вильде, славившемся в особенности полнотой и сохранно-

³ СПб., 1862. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия.

стью коллекций древних египетских, греческих, македонских и римских монет, также собранием языческих идолов, древних статуй, наконец – камеев и разного рода антиков.

<...>

Еще в первое путешествие свое по Европе Петр приобрел несколько экземпляров птиц, рыб и насекомых. Посылки от Рюйша и Яна Юнга Вуттера. «Составившееся таким образом собрание, вместе с уродами и анатомическими препаратами московской большой аптеки, помещалось сначала в Москве, а потом перевезено в Петербург в летний дворец. В 1714 г., царь прислал на корабле из Копенгагена «всякие раритеты», которые принять и сохранять поручено было Шумахеру. Последний по этому случаю просил кн. Меншикова «отвести две каморки, где оныя вещи убрать, и к ним для береженья, крепкого вина 40 ведер, понеже те вещи без вина состоять не могут».

<...>

Во второе заграничное путешествие, именно в 1716 г., царь сделал несколько серьезных приобретений для своего собрания: в Данциге, он купил у доктора Готвальда коллекцию минералов, раковин и редких камней, а в Амстердаме приобрел за 15 т. голландских флоринов у аптекаря Себы известное в свое время собрание животных, рыб, змей и насекомых, сохранявшихся в спирте.

<...>

Тогда же и там же старик Рюйш являлся засвидетельствовать царю свое почтение. Тот принял его ласково и, пожав ему руку, сказал: «Вы еще мой старинный наставник». После разных переговоров в 1717 г. Петр купил знаменитый анатомический кабинет этого ученого за 50 т. флоринов. Рюйш хотел было сначала продать свой удивительный способ бальзамирования трупов Арескину за 50 т. флоринов. «Не думайте, говорил при этом Рюйш, чтобы мне было легко дойти до открытия моего способа: ежедневно вставал я в четыре часа утра, тратил все, что получал, и перебрал до тысячи трупов, не только людей, недавно умерших, но и таких, которые были уже покрыты червями, отчего мог схватить опасную болезнь». Неизвестно на каких условиях, только Рюйш сообщил Петру Великому о своем способе с тем, чтобы никому не открывать его. Однако царь передал секрет Лаврентию Блюментросту, тот Шумахеру, который, в видах подслужиться лейб-медику Ригеру, рассказал ему о способе Рюйша. Ригер, покинув Россию, опубликовал его в «Notitia rerum naturalium», статья Animal.

Возвратясь в Петербург из заграничного путешествия, Петр посетил свое собрание редкостей, называвшееся тогда кунсткамерой, и привез туда полученную им в Копенгагене половину окаменелого хлеба, которого другая половина осталась там, и род деревянной обуви, которую носили лапландцы.

<...>

Из того же похода (в Персию) кабинет-секретарь Макаров, будучи в Дербенте, писал, что царь «указал отослать в куншт-камеру для куриозите» деревянное блюдо с серебряным ключом города Дербента и одно из медных ядер, которыми стреляли в русских козылбаши. Чтобы угодить царю, частные лица начали делать разные приношения в кунсткамеру. Так, в 1723 г. архиепископ Новгородский Феодосий пожертвовал туда пять ящиков с морскими пауками, «что причитается, писал Макаров же, куриозите», а Феофан Прокопович - модель иерусалимской церкви. Генерал Алларт подарил 150 серебряных позолоченных медалей работы Лауферта, инспектора монетного двора в Майнце, с изображением всех римских пап, начиная с апостола Петра до Иннокентия XI. Петр Великий выкупил для своего собрания за 5 тысяч экю заложенную у жидов коллекцию древних золотых медалей из кабинета Людерса. У известного Мушенброка приобретены были физико-математические инструменты.

<...>

Из рассказов Шумахера Штелину видно, что Петр Великий часто посещал кунсткамеру и раз даже давал там торжественную аудиенцию послу римского императора, несмотря на представление нашего вице-канцлера, что это было бы лучше сделать во дворце. ... Однажды Петру советовал Ягужинский наложить плату за посещение кунсткамеры: но царь заметил, что тогда никто не будет посещать ее, и потому, напротив, определил особенную сумму для угощения посетителей. Шумахеру, сверх жалования, отпускалось на то 400 руб., и Штелин, и при Анне Иоанновне, был часто свидетелем подобных угощений в кунсткамере.

Штелин Я. История картин в России⁴

В древнейшие времена [не было] никаких других [картин], кроме икон и изображений святых. Такие картины, большие и малые, [имелись] во множестве, целые иконостасы и стены церквей [были] заполнены [ими]. Еще до царствования Ивана Васильевича [58] некоторые современные греки писали в Москве царей или великих князей и святых в технике фрески. Голландские и немецкие купцы в Архангел [ьске], Москве и Петербурге привозят в страну различные картины для меблировки своих домов. Еще больше во времена Петра I. Позднее голландские шкиперы постоянно привозят с собой целые коллекции.

Петр I покупает в Амстердаме на аукционе картин большое собрание. Устраивает в Петергофе в увеселительном дворце Монплеизир первую картинную галерею. После смерти оставляет еще другое собрание, о котором вспоми-

⁴ Печатается по: Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков: Сб. документов и материалов / Колл. авт.; Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 86–99.

нает после восшествия на престол его дочь Елизавета, велит отыскать его и, наконец, обнаруживает наполовину погибшим в одной из кладовых (1744). Г-н Пфанцельт должен был несколько лет заниматься их починкой.

Хороший вкус и большая охота до картин императрицы Елизаветы способствуют покупке через придворного живописца Гроота целой галереи в Праге. Устраивает в новом дворце в Сарском Селе порядочную картинную галерею. Также [создает] другую галерею при дворе в Петербурге. Ее вкус и увлечение становятся известными в Европе, и время от времени к ее двору отовсюду доставляют целые собрания картин, например, Морель, Дюбукир, Граальянер, Далольо и др.

Богатые частные лица подражают ее вкусу и составляют коллекции картин, как то: граф Шереметев <...>,

Петр Иванович Шувалов, Воронцов из Италии <...> и т. д. Великий князь Петр Федорович скупает много хороших картин, также его тайный советник Пехлин устраивает в Ораниенбауме галерею.

Амергер Шувалов [Иван Иванович] скупает множество превосходных картин у Лагрене и других. Граф Разумовский <...> и т. д.

Императрица Екатерина II получает после смерти Ротари (1762) целое собрание его картин, также Плацерля и Яннкля из Вены (1766).

1768. Получает изысканные вещи из Италии и Франции (Греза и т. п.). Устраивает галерею в новом здании возле висячего сада. Умножение картин в Санкт-Петербурге и Москве.

В 1743 году по рекомендации придворного живописца Гроота было куплено собрание картин из Праги за 20 000–16 000 рублей и из них устроена галерея. Летом она размещалась на Летнем дворе, а зимой в Зимнем дворце, а именно в соседнем с большим залом покое, в котором во время праздников во дворце имели обыкновение ужинать великий князь и с ним чужестранные министры.

Именно в этом году Его императорское высочество великий князь получил в подарок от голландского адмирала Линслэгера две картины Яна Хейсума (плоды и птичьи гнезда и т. п.) такой красоты и совершенства, какие только когда-либо могло создать искусство. Они помещены в картинном кабинете Его императорского высочества в Ораниенбауме в ящичках из красного дерева, обитых внутри зеленым бархатом.

В это же самое время Ее величество императрица, которая кроме прочего обладает тончайшим и изысканнейшим вкусом как в одеждах, так и в мебелировке, выказала особую любовь к хорошим картинам. Она вспомнила, что ее блаженной памяти отец привез с собой из Голландии несравненно больше картин, чем можно было еще видеть в Петергофе и других императорских дворцах.

Ее величество могла даже подробно описать из них несколько превосходных картин, которые после его смерти никогда больше не попадались ей на глаза.

После многих расспросов Ее величества нашелся наконец в сундуке, гардеробе или кладовой для хранения верхнего платья запас из более чем 300 различных итальянских, голландских и других картин, которые, однако, за давностью времени и полным забвением были столь ужасно испорчены, что превосходный реставратор картин Фанцельт в течение нескольких лет был целиком занят ими. Большинство из них попали затем в Сарское Село, где была устроена пристойная галерея.

<...>

Когда в 1743 году Ее величество переехала в новый Летний дворец и великий князь по местному обычаю хотел сделать на новоселье подарок в новый дом, я купил для этого Его императорскому высочеству у г-на Валериани за 100 дукатов превосходный оригинал Пьетро Корреджо «Бегство Христа в Египет», который Ее величество очень милостиво приняла от великого князя и велела повесить в своем картинном кабинете.

В это же время сюда приехал один человек из Гамбурга с полдюжиной превосходнейших голов Деннера и многими второстепенными его вещами, из которых большинство было куплено при Дворе. За пару лучших голов, а именно молодой и старой женщин, он спрашивал 300 рублей. В 1746 году в Петербурге оказался торговец картинами из Гамбурга г-н Морель с запасом в несколько сот картин всех школ и веков. Поскольку он требовал слишком много, Двор возвратил ему все картины.

Тогда он заказал напечатать их каталог, выставил картины для обозрения в нескольких комнатах в доме купца Риттера и хотел продать их с аукциона. Но предложения были сделаны столь низкие, что он смог отдать за них лишь несколько картин и, следовательно, едва начав аукцион, должен был прекратить его.

Позднее он продал часть из них графам Шереметеву, Шувалову и другим, но большинство увез обратно в Германию. Почти в то же время сюда приехал также итальянец из Венеции синьор Бодиссони с немногими, но среди них довольно хорошими оригиналами. Лучшие из них купил Его императорское высочество великий князь, а именно две большие картины Гвидо Рени и несколько других за 5000 рублей. Другие получил г-н тайный советник фон Пехлин, как то: «Три грации» кавалера Либери, «Портрет Фракасторио» Тициана. Этот господин уже ранее обладал изрядным запасом больших и превосходных картин, которые он велел привезти сюда из Голштинии. Его отец, знаменитый врач, собрал их еще в минувшем веке в Италии. Из них Его императорское высочество великий князь получил несколько в свою галерею в Ораниенбауме. Прочие продавались после смерти этого голштинского министра у его вдовы.

Доменико Далольо, один из первых скрипачей императорского оркестра, почти ежегодно заказывает привозить из своего отечества Падуи и Венеции значительное число супрапортов, большей частью венецианских проспектов в манере Каналетто, как и прочие пейзажи, развалины и т. п., и продает здесь в знатнейшие дома, которые соревнуются между собой быть обставленными на самый современный манер.

Именно через него гетман граф Разумовский заказал написать маслом лучшему ученику Каналетто синьору <...> в Венеции все снятые здесь и гравированные на меди проспекты Петербурга в большом размере.

Он даже помог тому же господину приобрести в том же 1756 году собрание итальянских картин Конки, Либери, Бамбини и других из Венеции за 2000 рублей, которое развешено в загородном доме Его сиятельства на Петергофской дороге.

У г-на вице-канцлера графа Воронцова <...> также можно видеть несколько превосходных итальянских картин, большую часть которых Его сиятельство сам собрал во время своего путешествия по Италии в 1745–47 годах, а именно «Портрет папы» Сублера из Рима, несколько больших венецианских проспектов Каналетто, портреты императора Петра и Екатерины Натье из Парижа, «Христос на горе Елеонской» Пьетро Корреджо и т. п. Также два превосходных плафона, написанных в Венеции великим живописцем Тьеполо.

В загородном доме г-на гофмаршала барона Сиверса на Петергофской дороге также [находится] изысканная галерея.

Императорский камергер и граф Шереметев [Петр Борисович] обладает пристойной галереей итальянских и еще больше французских картин. Плафоны в его особняке написаны большей частью Ле Ереном, местным второстепенным живописцем при императорских дворцах. Он отдал учиться живописи также несколько своих крепостных, среди них один по имени Иван <...> превосходно преуспел, особенно в портретах в лучшем вкусе, и изрядно обогатил графскую галерею.

В 1758 году граф купил у г-на Фанцельта оригинал Моленаара, [изображающий] голландскую крестьянскую игру, вместе с другими картинами и эскизами за 400 флоринов, как и другие картины у Бодисони, а именно «Адам и Ева» в превосходном вкусе Пальма, также «Сусанна и старцы» его же, наряду с несколькими другими картинами за несколько сот рублей, чтобы заменить ими плохие и недостойные картины своей галереи.

Когда в 1753 году по рекомендации римского губернатора графа Бьелке г-н Каспар Преннер был прислан сюда из Рима в качестве придворного живописца, он привез с собой множество превосходных старых итальянских картин, большая часть которых осталась здесь, а именно у Его сиятельства г-на вице-канцлера и других, как и у меня «Купидон» Померанци, два пейзажа на одной

доске, с обеих сторон, падре Порденоне, в ателье которого в Риме она была вставлена в качестве филенки в дверь. Поэтому в ней еще можно было видеть замочную скважину, пока я не заказал вставить ее в верхнюю дверцу специально для этого изготовленного секретера или бюро.

1757 – камергер Иван [Иванович Шувалов] получил несколько красивых картин больших мастеров и среди других две картины [де] Витта из Амстердама, столь превосходно написанные в виде барельефов из гипса и бронзы, что многие считали их настоящими барельефами.

<...>

В том же году [1758] сюда вновь приехал г-н Бодиссони из Венеции с большим запасом прекрасных оригиналов и копий. Их каталог [находится] у меня под лит. В. В. Граф Шереметев купил у него различные прекрасные картины и заполнил ими места в своей галерее, где прежде находились жалкие картины. По предложению директора Академии Штелина Академия художеств [при Академии наук] купила у г-на Бодиссони 10 картин за 800 рублей для обучения воспитанников Академии.

Его брат Григорий также имеет пристойное собрание, составленное, однако, без вкуса и разбора. Три его сына также присылают иногда из своих путешествий некоторые хорошие картины. Среди них – три их портрета в шахтерской одежде на большой картине, написанной в Вене Мейтенсом.

Еще весной этого же года князь Митрий Михайлович Галлицин послал из Парижа г-ну камергеру Шувалову оригинал Полтавской баталии, написанный в присутствии Петра I в Париже в 1716 году по собственным указаниям Его величества и затем там же гравированный наряду с тремя другими баталиями. Их доски находятся здесь, при Академии [наук], и оттиски продаются в книжной лавке.

1758 – Его императорское высочество великий князь заложил в Ораниенбауме картинную галерею, которая полна прекрасных оригиналов Гвидо [Рени], Бамбини, Денера, Тициана и т. п.

<...>

Умножение картин в России

Государственный канцлер Мих[аил] Ларионович Воронцов утверждает, что некоторые драгоценные оригиналы старых итальянских картин, которые владельцы прежде отправили из Москвы в свои поместья, обнаруживаются там и сям в России, хотя большей частью испорченные или по крайней мере плохо сохранившиеся. В доказательство этого Его сиятельство рассказал мне, что он однажды (1744) поехал с императрицей из Москвы в монастырь Новый Иерусалим приблизительно за 60 верст. Там он случайно услышал, что в нескольких верстах отсюда в сторону находится необычайно красивое поместье, которое прежде принадлежало сосланному императрицей Анной сенатору и так называ-

емому российскому Макиавелли князю Дмитрию Голицыну. Однажды утром г-н Воронцов из любопытства поскакал туда и нашел там среди прочего целую комнату, полную превосходных итальянских и брабантских картин, которые, однако, находились все в таком плохом состоянии, что некоторые из самых больших и дорогих картин висели частью покрытые плесенью, частью продырявленные, другие лежали сваленные в кучу.

1761 – весной граф Петр Шувалов купил и подарил камергеру Ивану Ивановичу Шувалову четырнадцать картин, написанных на меди Платцером из Вены (где он умер около двух лет тому назад). Его сиятельство заплатил 5000 рублей.

Первые ставшие здесь известными две картины этой особенно тщательной и блестящей живописи прибыли сюда из Вены в 1746 году и были куплены за 800 рублей гетманом графом Разумовским, который подарил их своему брату обер-егермейстеру. Граф подарил их императрице Екатерине II к остальным.

Живописец Гроот принял на себя запас из приблизительно 30 брабантских, итальянских и французских картин, которые купец Линдеман имел на комиссии, и постепенно продал большинство камергеру Шувалову и другим. Купец Иог[анн] Фридрихе время от времени получал на комиссию из Голландии и Германии запас старых картин, среди них можно было встретить Вингебоома, Хондекутера и других знатнейших мастеров, которые он продавал как с рук, так и с аукциона.

<...>

Умножению картин в России, но большей частью плохих, во многом способствуют голландские корабли, которые обыкновенно привозят с собой на продажу всевозможную старую мебель и среди нее всегда картины. В мае 1762 года я поехал с императором Петром III на биржу на голландский корабль, чтобы осмотреть большую партию голландских картин. Из них Его величество выбрали со мной лучшие и заплатили за 10 или 12 картин 560 рублей. Этот государь вообще очень ценил хорошие картины и, будучи еще великим князем, уже собрал превосходную коллекцию и основал в Ораниенбауме большую картинную галерею. Позднее, когда он стал императором, я должен был устроить ему в новом дворце картинный кабинет и в крепостном дворце картинный зал. В 1764 году, в начале августа, [в Петербург] прибыло превосходное собрание прекрасных итальянских и других картин от банкира Гоцковского из Берлина, которыми он оплатил часть векселей, выданных российскому императорскому генеральному военному комиссариату за купленные склады и вернувшихся из Голландии опротестованными.

1766 – Весной Ее величество осмотрели прибывшие из Вены на комиссию 9 работ Платцера – превосходные картины, среди них крупнейшая, которую, возможно, когда-либо написал Платцерт, а именно «Свадьба короля» из Евангелия.

NB. Эти бесценные картины Платцерта были отданы обратно во время войны 1771 года и вернулись в Вену. Тот же самый [?] летом опять получил по заказу из Вены партию отличных картин и среди них несколько превосходных картин Янека и бесценную голову работы Рубенса, и одну – Рембрандта.

Ее величеству также была доставлена превосходная картина Ереза из Парижа и одна Карла Ванлоо, обе поступили в Кабинет Ее величества (и затем в Академию художеств). <...>

1767 – Ераф Кирилла Еригорьевич Разумовский привез с собой из путешествия по Италии множество отличных картин (Мартинелли – его живописец), 3 картины Помпео Баттони.

1767 – Двор получил собрание превосходных картин из Италии.

1768 – Другое приобретение из Франции через посредство графа Бецкого – «Сусанна и старцы» де Труа.

[Были приобретены] галерея и собрание эстампов графа Брюля.

NB. Большинство картин страшно заплесневели, вероятно, в подвалах во время осады города Дрездена. Пфандцельт несколько лет реставрировал их, и сама императрица (1769) часто целыми часами чистила их. Также [была приобретена] галерея графа Кобенцля из Брюсселя.

Величайшая картина, которую когда-либо написал Рембрандт, – Блудный сын (в полный рост) в объятиях своего отца.

<...>

Как при реставрации вышеупомянутых картин из галереи графа Брюля, так и позднее, при расстановке и приведении в порядок всех картин в новой галерее и Эрмитаже, Ее величество занималась почти ежедневно и часто по несколько часов, и так несколько лет подряд. Через это она приобрела действительно большие знания знатнейших школ и характера знаменитых мастеров и столь тонкий вкус и основательное суждение о картинах, что этой монархине ничего, кроме превосходного, больше не нравится в искусстве, и вот уже несколько лет она выбрасывает многие вещи, которые прежде занимали почетное место в ее картинной галерее, и на их место ставит лучшие.

<...>

1768 – Для Его сиятельства сюда прибыло из Италии и Франции целое собрание старых и новых картин, которые купил граф Кирилла Еригорьевич Разумовский во время своего последнего путешествия, и было развешено Мартинелли в новом графском особняке на Мойке. <...>

Сенатор и тайный советник г-н Теплов, большой любитель картин, который в молодости сам писал маслом, и еще сохранились его различные натюрморты с фруктами и другие картины, издавна собирал хорошие картины и, наконец, в 1770 году устроил в своем новом флигеле во дворе своего особняка на Фонтанке большую галерею.

Тайный советник и кабинет-секретарь Адам Васильевич Олсуфьев устроил в узкой длинной комнате в своем доме галерею из прекрасных итальянских и голландских картин.

<...>

В то же самое время г-н вице-канцлер князь Александр Михайлович Еолицын начал собирать картины и благодаря своей корреспонденции выписывать из разных стран. В 1776 году Его сиятельство уже собрал такую большую коллекцию прекрасных картин знаменитых мастеров, что смог устроить пристойную галерею между своим кабинетом и библиотекой.

За последние годы через придворного банкира Фридрихса в Петербург поступило много прекрасных и драгоценных картин, которые он получил на комиссию из Голландии. Ее величество приобрела различные из них в свою галерею. Граф Григорий Орлов получил от Фридрихса одну картину Нетшера и несколько других. Среди прочих – пейзаж со стадом Берхема, одну из прекраснейших картин, какую когда-либо написал этот превосходный мастер. Камергер граф Андрей Петрович Шувалов решил устроить в своем новом доме на Мойке, построенном в 1770 и 71 годах, картинную галерею и скупил для нее по своему причудливому вкусу картины, понравившиеся ему.

NB. Поздней осенью 1771 года в море недалеко от Або пошел ко дну корабль, направлявшийся в Петербург, и вместе с ним приблизительно на 60 тысяч рублей прекраснейших картин, которые Ее величество повелела купить своему министру в Гааге и камергеру Голицыну из собрания картин покойного банкира Брамбамга. Среди них находилась картина Герарда Доу, за которую одну, говорят, заплатили 20 тысяч. В марте 1772 года узнали, что этот корабль можно видеть под водой на глубине 60 футов. Поэтому Двор послал одного чиновника из Придворной конторы и живописца Пфандцельта в Або попытаться за счет Двора попробовать с помощью местных ныряльщиков, нельзя ли еще спасти ящики с картинами. Когда в апреле сошел лед, в указанном месте не нашлось никаких следов затонувшего и виденного корабля.

1771 – Осенью граф Иван Григорьевич Чернышев получил из Голландии собрание превосходных итальянских и брабантских картин, среди них Самсона в рост Карла Лотти и т. п.

1774 – Французский торговец картинами мосье Фламанд из Парижа приехал со значительным запасом превосходных и посредственных картин. Ее величество приказала доставить их все ко Двору и купила у него на несколько тысяч рублей отменных картин: среди прочих – портрет Петра Великого, поколенный, написанный в Париже Риго, парный к портрету Людовика XIV, который купец имел у себя. Весной он устроил аукцион своих картин и опять продал на 7000–8000 рублей. Граф Панин купил 4 картины <...>.

В мае следующего года венецианский барон Бодиссони также хотел провести аукцион своих картин, полученных в минувшем и нынешнем году из Италии и Швеции. Он заказал напечатать их каталог, в котором 24 мая и последующие дни были назначены для аукциона. Но никто не явился, и он вновь упаковал свои картины. Ранее императрица все их видела и ничего не купила. Это, а также пренебрежение его картинами или подозрение, высказанное в его адрес двумя любителями Тепловым и Шуваловым, стали слишком известны, чтобы явился кто-либо из любителей искусств. Между тем нельзя отрицать, что среди них находятся превосходные оригиналы больших мастеров.

1776 – Новый прирост картин при Дворе: портреты всех правящих королей, королей и принцев крови в рост и в дорогих позолоченных рамах. Все доставлены в загородный дом Кикиреки великого князя в 6 верстах от Петербурга по Царскосельской дороге и развешены в нескольких залах. 16 картин с изображением охот в натуральную величину, на картонах, Рубенса (от герцогини Кингстон из Англии).

<...>

Начиная с 1773–74 года по настоящее время не проходит ни одного лета, чтобы здешним купцам не присылались на комиссию целые собрания итальянских, брабантских, французских, немецких картин, особенно из Голландии, которые они обычно развешивали на несколько дней в зале биржи для обозрения и после того продавали с аукциона. Подобные аукционы проводятся в летнее и осеннее время по меньшей мере ежемесячно. При этом, конечно, можно найти много посредственных и плохих копий, но часто также хорошие оригиналы знаменитых мастеров.

<...>

1778 и 1779 – Время от времени множество превосходных и посредственных картин старых итальянских, французских и нидерландских живописцев пересылались сюда голландским купцам Брауеру и Баке, которые имели обыкновение вывешивать эти взятые на комиссию картины и продавать их на аукционах. Среди них находились несколько превосходных оригиналов больших мастеров и отдавались за бесценок из-за отсутствия любителей, предлагавших наивысшую цену. Его сиятельство голландский резидент г-н Сварт купил среди прочих прекрасных картин две больших картины с изображением травли или охоты, оригиналы Снайдерса, за 12 рублей. Каждая картина была не дешевле 100 рублей. Г-ну обер-шенку Нарышкину была отдана большая подлинная картина Хондекутера за 20 рублей, которую при свободной продаже было бы не получить дешевле чем за 100 рублей (двадцать лет назад не дешевле чем за 200–300 рублей) и т. д. Летом 1779 года там вновь висело большое собрание большей частью превосходных картин, большинство из которых, поскольку предложения были значительно ниже их стоимости, вновь были сняты и, ка-

жется, отправлены обратно в Голландию. Летом императрица получила на борту специально посланного в Англию русского корабля несравненное собрание картин семьи Хоутон, которое Ее величество купила за 62 000 рублей. Знатоки искусства оценивают его по истинной стоимости, по меньшей мере в три раза выше, с тех пор как оно было продано в Россию. Галерея г-на фельдмаршала графа Разумовского и многие прочие превосходные картины в комнатах перед и параллельно с галереей, а также в биллиардном зале и передних нижнего этажа составляют одно из знатнейших собраний в Петербурге.

1781 – Г-н тайный советник камергер граф Строганов вернулся сюда после своего 5 или 6-летнего пребывания в Париже и привез с собой несколько изысканных оригиналов знаменитых итальянских, французских и брабантских мастеров. Уже до путешествия во Францию Его сиятельство обладал многочисленным собранием хороших картин. А теперь этот господин и знаток со вкусом имеет много меньше картин, но каждая совершенно превосходна в своем роде.

Врангель Н.Н. бар. Искусство и государь Николай Павлович⁵

Человек узких мыслей, но широкого их выполнения; ум небольшого кругозора, всегда непреклонный, почти упрямый и никогда и ни в чем не сомневающийся; монарх *par excellence*, смотревший на всю жизнь как на службу; человек, который знал, чего он хотел, хотя хотел иногда слишком многого; мощный властитель, часто с нерусскими мыслями и вкусами, но с размахом всегда чисторусским; непреклонный, повелительный, непомерно честолюбивый, император во всем, что он делал: самодержец в семье, в политике, в военном деле и в искусстве. В последнем он мнил себя особым знатоком, знатоком, «каким должен быть всякий в его положении». Но прежде всего и во всем Император был военным; военный в муштровке, в манерах и вкусах, военный во всех помыслах и делах. Недаром, по воспоминаниям княгини М.А. Волконской, любимым развлечением Императора была игра на барабане. Таков был Николай Павлович – натура необычайно цельная, самостоятельная и независимая, и каждый поступок его пополняет характеристику этого Государя.

Не терпя ничего, что напоминало ему неприятные эпизоды из жизни его или его царственных предков, император изгонял из царских покоев все такого рода воспоминания. Известно, что им преданы были сожжению многие драгоценные рукописи и мемуары членов царской семьи. Не желая видеть ничего, что говорило бы ему о фаворитах его августейшей бабки, Государь приказал унести из Эрмитажа и отдать потомкам все портреты Зубовых, Дмитриева-Мамонова, Александра Ланского. К счастью, все они, по странной случайности,

⁵ Пг., 1915.

пройдя ряд мытарств, через много лет снова заняли подобающие их живописным достоинствам места в Музее императора Александра III и, таким образом, эти портреты кисти Лампи, Шибанова и Левицкого сохранились и донныне. Не менее плачевна была судьба портретов декабристов. Не вынося ничего, что говорило о трагическом эпизоде его вступления на царство, Николай Павлович изгнал из Галереи героев Двенадцатого года всех лиц, участвовавших в декабристском восстании. Но и тут милостию рока эти портреты сохранились в целости в подвалах Зимнего дворца и в 1903 г. были из них извлечены и поставлены обратно.

Столь же безжалостен был Император и к своим семейным драгоценностям, наследованным от нелюбимой им бабки. Все, что было сделано Екатериной II, осуждалось Государем, и он старался смести всякие следы этого, на его взгляд недостойного, прошлого. Безценное сокровище, заказанное Императрицей серебро, не пощадилося ее внуком. Правда, во всей прошлой истории дворцовых сокровищ можно отметить много примеров недостаточно бережливого отношения к наследию предков. Случаи плавления старинного серебра встречаются и при Елизавете, и при Екатерине II, но такого рода вандализмы всегда носили характер случайный. Объясняются они, большей частью, ветхостью, в которую приходили вещи, иногда переменной вкусов и мод. Совсем не то видим мы в царствование Николая Павловича. Плавление старинных драгоценных сервизов – особенно эпохи Екатерины Великой – достигает прямо небывалых, чудовищных размеров. Нижеследующий архивный документ показывает, от кого исходила инициатива губительных приказов.

Справка: «В журнал придворной конторы 7-го апреля прошлого 1847 г. состоявшемся изъяснено, что Государь Император, осматривая лично в концертном зале в том апреле месяце все вообще хранящееся в сервизной должности серебряные сервизы, по одному образцу от каждого, изволил назначить некоторые обратить в сплавку на сделание из слиточного серебра других вещей, некоторые переделать».

Эти примеры уничтожения и «высылки» Эрмитажных сокровищ неоднократно встречаются в эпоху царствования Николая I. Так, Бог весть по какой причине, высылается изумительный, может быть, лучший из всех существующих произведений Рослина, портрет маркизы Зои Маруцци, рожденной кн. Гики, а в 1852 г. предает уничтожению не понравившийся Императору целый ряд портретов.

Этим не ограничивается разрушительная деятельность николаевского царствования. В десятилетний период времени переплавляется свыше девяноста пудов редчайшего серебра времен Екатерины. Так гибнет более четырнадцати пудов знаменитого «Орловского» сервиза, так поступают с другими сервизами, с «Пермским», «Харьковским», «Екатеринославским».

Но не только политика и семейные воспоминания подвергались беспощадному гонению Императора.

Все, что не вполне подходило к его взглядам, все, что шло вразрез с его раз установившимся убеждением, по мнению Государя не имело права на существование. Однажды, идя по Эрмитажу, Николай Павлович остановил свой взгляд на мраморной статуе Вольтера. «Истребить эту обезьяну», - сказал Государь, - и «обезьяна» работы Гудона погибла бы на веки, если бы не заступничество графа Андрея Петровича Шувалова, который тайком приказал перенести Вольтера в подвалы Таврического дворца. Только через много лет, при Александре Освободителе, статуя была выпущена из плена и вновь заняла почетное место среди сокровищ Эрмитажной коллекции. После «вольтерианцев» и декабристов самым больным местом Императора была польская война, и его уязвленное самолюбие не терпело ничего, что напоминало бы об этом. Эрмитажные архивы сохранили поистине драгоценные документы, еще по-новому освещающие этот интересный вопрос.

В середине ноября 1832 г. прибыли из Гродно секвестированные у князя Евстафия Сапеги коллекция.

<...> 17-го декабря последовало уведомление директора Шго отделения Эрмитажа Франца Лабенского о том, что Государь осмотрел все предметы этого собрания и сделал им назначение. Из приложенных описей мы видим, что часть картин – Мут(ш)ерон, С. де-Флигер, Дитрих, Ван дер Меер, Аселейн, Гакерт, Ланфранко и пр. были переданы в Эрмитаж, другие в Академию Художеств, в Театральную дирекцию, а целый ряд портретов польских деятелей отдан в кладовую Эрмитажа. В списке последних мы находим много интереснейших и редчайших оригинальных изображений князей Сапег, Масальских, belle Phanaroite, королей и вельмож польских, и среди них оригиналы Виже-Лебрена и Лампи. Однако недолго пролежали эти сокровища в кладовой. Император, мстя польской революции, приказал уничтожить или продать все эти замечательные историко-художественные сокровища. В реестре, составленном по приказанию Государя, мы видим и расценку этих работ. Портрет князя Сапег Лампи оценивается в один рубль, другой портрет в 25 копеек, изображение княгини Сапег, танцующей с тамбурином, кисти Виже-Лебрена, о котором она говорит в своих воспоминаниях, оценен в 5 рублей. К счастью, некоторые из портретов не попали на рынок и через несколько лет, уже при Александре II, один из Сапег ходатайствовал о получении этих сокровищ обратно, и только благодаря разумной милости нового монарха сохранились в целостности и остались в семье портреты кисти Лампи – Сапег и Замойские...

Император не знал милости в своей мести. Решительно и беспощадно смешал он все следы своих врагов, не видя препятствий ни в чем, не щадя

предметов искусства и науки. Следующий факт еще характернее подтверждает все сказанное.

Секвестрация польских имуществ продолжалась безостановочно. Почти каждый год конфисковались имения, дворцы, предметы художественного убранства домов польской знати.

В 1834 г. огромная партия художественных сокровищ доставляется из Варшавы в Петербург и немедленно же Император решает с ними расправиться по-своему. Отдав кое-что в Царскосельский Арсенал, великому князю Михаилу, в Эрмитаж, в Академию, в министерства путей сообщения и военное, а также в Москву, Государь предаст сожжению все, что сколько-нибудь напоминает ему о Польше. Только благодаря особой близости и влиянию поэту В.А. Жуковскому удастся выпросить для себя живописный портрет знаменитого польского деятеля Юлиана Немцевича, писанный Бродовским, учеником Давида, и таким образом спасти эту историческую драгоценность. Все остальное предано огню при участии и наблюдении специально приглашенных для сего лиц.

<...>

Неустанная, упорная и трогательная забота его об устройстве Эрмитажа и грандиозные суммы, затраченные им для образования и пополнения этого музея, также заслуживают вечной признательности.

Император несомненно любил искусство, любил его по-своему и, если отбросить его личные заблуждения и ошибки, свойственные его эпохе, все же основанный им музей составляет громадного значения вклад в нашу культуру. Устройство Эрмитажа, покупка коллекций и размещение их занимали немало времени у Государя.

Задумав создать общедоступное художественное хранилище, Император принялся за организацию его, лично вникая во все детали исполнения. Вместе с Бруни занимался он разбором Эрмитажных сокровищ и часто, рискуя ошибиться, определял мастеров картин. «Император ежедневно приходил в Эрмитаж и от часу до двух дня, вместе с Бруни и другими, лазил в подвалы, вытаскивал оттуда картины, разбирал, рассматривал, определял и развешивал их. Государь видел на своем веку много картин и определял их иногда весьма правильно. Но, если раз он определил, что картина такой-то школы, его уже мудрено было переубедить.

- Это фламандец!

- Ваше Величество, а мне кажется...

- Нет, уж ты, Бруни, не спорь. Фламандец!»

Васильчиков: «Император Николай I не удовольствовался новыми великолепными приобретениями для Эрмитажа, он возымел высокую мысль исключительно посвятить искусству любимые Екатериною покои. Картины и мраморы, гравюры и оригинальные рисунки, нумизматический кабинет коллекции

камеев, богатейшая библиотека и этрусские вазы теснились без системы и порядка в Екатеринских залах. Для новых предметов не доставало простора. Государь вызвал из Мюнхена знаменитого в то время архитектора Лео фон Кленце и в 1840 году заложено было новое здание, воздвигаемое на развалинах так называемого Шепелевского дома. Здание это огромных размеров заняло пространство от Невы до Миллионной улицы, от Ла-Мотова павильона до Зимней канавки и охватило со всех сторон старый Екатеринский Эрмитаж. Двенадцать почти лет длилась постройка, отовсюду собраны были драгоценные материалы и наконец закончен был великолепный музей с его гранитными кариатидами, яшмовыми колоннами, мраморными лестницами. Не мало труда стоило перенести в новое помещение и привести в систематический порядок всю массу сокровищ Эрмитажа. Особенно плачевно было состояние картинной галереи. Около великолепных оригиналов висели под громкими именами жалкие копии, много хороших холстов забыто было в кладовых. Надлежало всю массу картин осмотреть и подвергнуть критике. По высочайшему повелению учреждена была комиссия, состоявшая из профессоров Бруни и Басина, к которым был еще прикомандирован г. Лахницкий. Комиссии этой поручено было покойным Государем Императором рассмотреть всю массу, разбросанных по разным дворцам, картин и сделать из них строгий выбор для Эрмитажа. Собрано было до 4.000 холстов, все они тщательно были рассмотрены и из них составлены три категории: 1) категория первоклассных картин, около 1.600, которые должны были украсить стены нового музея 2) категория второстепенных картин, которые предполагалось развесить по разным дворцам, и 3) категория вовсе плохих, которые положено было продать. Покойный Государь с особенным участием следил за занятием комиссии. Редкий день проходил без его посещения. Много самозванных картин было развенчано, много забытых оригиналов снова очутилась на стенах Эрмитажа. В то же время стали помышлять о составлении нового каталога, но дела было слишком много и хлопоты о размещении предметов по новым залам не позволили заняться доступной для публики росписью».

<...>

Поразительно то внимание и любовь, которые проявлял Государь при работах по убранству и отделке учрежденного им музея. Переписка строителя Эрмитажа фон Кленце свидетельствует, что ни одна мелочь постройки и работ по украшению не осталась без Высочайшего рассмотрения и утверждения. Идея Императора была создать музей при царских покоях, и Кленце отлично понял эту мысль.

<...>

Аукцион эрмитажных картин, «вследствие которого почти половина сокровищ Эрмитажа, сокровищ из коллекции Брюля и Барбариги, была продана с молотка за гроши».

1219 картин были назначены к продаже «за негодностью»

Каталог эрмитажных картин, составленный знатоком Екатерининской эпохи графом Эрнстом Минихом.

Трудно уразуметь, чем руководились продавцы, оценивая в гроши «Les pelerins d'Émaus» Рембрандта, «un morceau admirable» – по словам Миниха, «Грозу» Рубенса, огромную и по-видимому очень значительную «Аллегорию» Фа Престо, отличный, судя по отзывам – эскиз Тинторетто «Воскресение Христа». Чем объяснить беспощадную продажу мастеров, работ коих нет в Эрмитаже: многих холстов Бранди, Маринари, Фр. Бибиена, А. Пена, Ротари, А. Пеллегрини, Себастьяна Шардена, Челести? Ведь многие из них не только Минихом признавались за подлинники; были оригиналы, воспроизведенные еще в XVIII веке, в гравюрах Odieuvre, Perioleri, Picart и Clement Jonghe.

Кто же явился покупателем этих сокровищ, кому посчастливилось приобрести за несколько рублей полотна, украшавшие собрания Брюля и Барбариго? Вероятнее всего, что большинство было случайными посетителями аукционов, которым нужны «обстановочные» картины для украшения стен. И только через несколько лет наехавшие скупщики из-за границы спасли лучшие картины из сокровищ прежнего Эрмитажа, увезя их туда, где более культурное понимание дает им и соответственную оценку. Несомненно, многое было, таким образом, приобретено известным антикваром Chevalier Meazza, ибо имя его попадает на картинах, помеченных Эрмитажным знаком – красным или серым номером в нижнем углу. Кое-что досталось и петербургским любителям и антикварам. Так, известно, что граф Андрей Павлович Шувалов купил за сто рублей восхитительную бронзовую статуэтку, Гудоновского Вольтера..., за которую граф Морни в 1855 г. предлагал собственнику 50.000 франков. Знаем мы также, что антиквар Кауфман приобрел за тридцать рублей две створки триптиха Лукаса Лейденского. Эти картины при Александре II были куплены обратно Эрмитажем за 8.000 рублей и украшены донныне сохранившейся надписью, что это работа «самого выдающегося художника своего времени».

ЧАСТЬ 2. АРИСТОКРАТИЧЕСКОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В РОССИИ

Частное коллекционирование появляется в России в XVIII в. как один из каналов европеизации и постепенно становится культурной практикой, востребованной образованным обществом. По изменению предметов собирательства можно судить как об эволюции самого коллекционирования, так и изменениях, происходивших в обществе и культуре. В XVIII в. коллекционирование в русском обществе рассматривалось скорее как вельможная прихоть, забава монархов и приближенных к ним аристократов. Но уже в начале XIX в. статус коллекционирования меняется, накапливая смыслы общественной пользы, прагматического или научного интереса.

Собирательство как практика систематизации объектов, будь то произведения искусства, книги, природные экспонаты, одновременно предполагает некое экспонирование, если не для чужих глаз, то хотя бы для самого коллекционера. Поэтому коллекционирование невозможно представить себе вне определенного пространства, которое задает вектор системы, концепции собрания, и представляется важным обратить внимание на варианты этого пространства.

Одним из пространственных локусов частного коллекционирования выступает дворянская усадьба, так как именно в дворянской среде первоначально начинает осваиваться практика собирательства. Как отмечает П. Рузвельт, «Русское дворянство было последним аристократическим обществом в Европе, которому довелось выразить самое себя в усадебной жизни» [Рузвельт, 2008, с. 28].

Вхождение в состав придворного общества требовало от русской аристократии расточительства и «демонстративного потребления», но, с другой стороны, только вхождение в придворный круг, близость к власти могли быть инструментами карьеры и обогащения, получения чинов и званий, земель и крепостных. Социальный статус отражался в архитектурном облике домов, в степени богатства их интерьеров, в ценности художественных коллекций, представленных во дворцах и усадьбах.

Вслед за императорскими дворцами и загородными особняками русские аристократы строили свои городские и загородные усадьбы прежде всего в Петербурге и его окрестностях, а потом и в Москве, и Подмосковье. Эта архитектура соответствовала прежде всего публичной жизни и тем событиям, с которыми была связана жизнь при дворе, – приемы, балы и маскарады, светские обеды и ужины с фейерверками.

Смысл игры в европейскость для небольшого первоначально круга придворной аристократии был связан не только с демонстрацией своего статуса, но

и с необходимостью внимания со стороны царствующих особ. Вслед за императорскими загородными резиденциями появляются усадьбы фаворитов и придворной аристократии. В этом смысле «усадебный комплекс был сценой, на которой можно было выставить напоказ свою славу, могущество и просветительские идеалы екатерининской эпохи» [Рузвельт, 2008, с. 69].

Один из современных исследователей русской усадьбы, П.Рузвельт, первоначальный смысл этой формы культуры определяет как аристократическую забаву. Сложно не согласиться с автором, многие дворянские усадьбы XVIII в. вместе с наспех собираемыми коллекциями европейского искусства скорее служили забавой, праздником, чем постоянным местом жизни.

В исследованиях по русским усадьбам часто можно встретить словосочетания «усадебное собирательство», «усадебные коллекции». В какой мере можно говорить о коллекционировании применительно к усадебной культуре? С одной стороны, дворянская усадьба, как в Европе, так и в России, это целостный текст, включавший в себя природный ландшафт, парки и сады, архитектуру, соответствующую определенному стилю, а также интерьеры. Таким образом, наличие в интерьерах русских усадеб произведений искусства не может служить доказательством практик коллекционирования. Так было принято, это соответствовало престижу, моде и внутреннему единству стиля. Не случайно те из русских дворян, кто не мог себе позволить роскошь покупать подлинные произведения искусства, с легкостью находили другой вариант решения данной задач – творчество крепостных мастеров, копировавших шедевры европейского изобразительного искусства, строивших по планам иностранных архитекторов усадебные комплексы.

Для большинства дворян важным было не собрать коллекцию живописи, скульптуры, фарфора или мебели в соответствии со своими индивидуальными предпочтениями, а продемонстрировать, в том числе и роскошными интерьерами усадьбы, свой статус и степень просвещенности.

На примере Н.Б. Юсупова можно отметить следующие тенденции, характерные для коллекционеров придворного круга. Европейское образование и мода на коллекционирование европейского искусства в придворных кругах формировали первоначальный интерес к собирательской практике. Возможность быть советником императорских особ по вопросам приобретения произведений искусства, переписка и личные встречи, поручения - все это позволяло чувствовать себя в кругу приближенных, избранных. Личная благосклонность монархов, к которой всегда так ревностно стремятся придворные, в том числе давала возможность не только получать чины и звания, но и вести тот образ жизни избранных, который позволял путешествовать по Европе, тратить

огромные средства на покупку произведений искусства, завести в России личный Версаль.

Приобщаясь к европейской культуре, к ее просветительским идеалам и ценностям, Н.Б. Юсупов стремился ее репрезентировать своим образом жизни, в который обязательным атрибутом входило почитание искусства как квинтэссенции красоты, добра и истины и покровительство деятелям искусства, роль мецената.

Первоначально ориентируясь при покупке произведений искусства на придворную моду и императорский вкус, Н.Б. Юсупов сам постепенно становится законодателем мод в области европейского искусства в России, его интерпретатором и проводником, можно сказать, соавтором, как это произошло с французской живописью начала XIX в.

Возможно, идеалом для Юсупова в отношении стиля жизни, совмещавшего и придворную публичность, и некоторую интеллектуальную самоизоляцию, стала именно усадьба Архангельское, которая для многих в России и впоследствии представлялась как чуть ли не единственное поместье европейского типа [Врангель, 1910, с. 61].

Итак, в первый период усадебное собирательство было связано с данью моде, доступной очень небольшому кругу придворной аристократии вблизи столиц, служило созданию атмосферы европейского образа жизни, утонченного и роскошного. Очень немногие из русских аристократов действительно становились ценителями искусства и коллекционерами, избирательно относящимися к приобретаемым произведениям и ценностям.

Второй круг освоения европейских ценностей связан с провинциальным дворянством и усадьбами, П. Рузвельт называет эту форму патриархальным миром. В первой половине XIX в. дворянская усадьба окончательно укореняется в ландшафте русской культуры, не случайно жизнь в усадьбе так воспевалась славянофилами. Именно с этого времени рождается миф о русской усадьбе как родовом гнезде, так широко представленный в русской литературе. Для этого мира характерно подражание столичной аристократии, в том числе в собирательстве и оформлении усадеб. Возможности для приобретения подлинных произведений европейского искусства были далеко не у всех, поэтому копирование крепостными мастерами было широко принято. Правда, оценка творчества крепостных мастеров в исследовательской литературе очень неоднозначная: «Искусство крепостных незначительно в каждом отдельном образце его, неинтересно как индивидуальное проявление творческого духа. Это соборное

искусство, близкое к песням, вышивкам, кружевам, ко всему, что принято называть «художественной промышленностью». ... В комнате красного дерева, среди раскоряченных кресел и диванов-увальней, портреты кисти Прошек, Федек и Гаврил выглядят очень кстати» [Врангель, 1910, с. 30].

Символом усадьбы как родового гнезда становятся портретные галереи предков, распространенные в том числе и в провинции. Масштаб этого явления, русского портрета, стал известен только в начале XX в., когда С.П. Дягилевым была организована Историко-художественная выставка в Таврическом дворце, представившая сотни портретов из русских усадеб, часть которых, оказавшись на выставке, не исчезла в огне крестьянских пожаров 1905 г. Основной задачей выставки было вернуть из забвения русский портрет XVIII – начала XX в. С.П. Дягилев был увлечен русским искусством XVIII в., в 1902 г. получил Уваровскую премию за работу о творчестве Д. Левицкого. Он лично объехал провинциальные усадьбы в поисках старинных портретов.

В конце XVIII – начале XIX в. романтизм открывает сокровища национальной культуры, круг предметов коллекционирования пополняется историческими артефактами, свидетельствами национальной истории. На истории отдельных усадеб видно, как происходит переориентация в коллекционировании от европейского, например, античного искусства, к собирательству «отечественных древностей», как принято было тогда говорить. Так случилось с усадьбой Поречье, где С.С. Уваров (1786–1855) создает «музеум», собрание антиков, картин европейских художников, даже мраморный древнеримский саркофаг. Увлечение античностью, общение с Гете для С.С. Уварова, тем не менее, не значило преклонения перед европейской культурой. Наоборот, как известно, являясь министром народного просвещения, он выступил с официальным принципом «Православие, самодержавие, народность».

Сын С.С. Уварова, Алексей Сергеевич, получив домашнее образование, мог слушать лекции в Поречье известных русских профессоров, М.П. Погодина, Г.И. Спасского, С.П. Шевырева, Т.Н. Грановского. Закончив С.-Петербургский университет, А.С. Уваров служил по дипломатическому ведомству, но карьера дипломата его не устраивала, хотелось вести научные исследования в области отечественных древностей. Он начинает формировать свою коллекцию, которую после смерти отца и выхода в отставку перевозит в Поречье. Коллекция пополнялась покупкой старых рукописей, которых к середине XIX в. было около двух тысяч номеров. Был выпущен сборник «Рукописи графа А.С. Уварова», а самими рукописями пользовались многие известные ученые своего времени, Ф.И. Буслаев, М.П. Погодин, Н.С. Тихонравов, В.О. Ключевский.

Но еще большим увлечением для А.С. Уварова стала отечественная археология, в развитие которой он внес несомненный вклад. Нумизматика приве-

дет графа в кружок петербургских антикваров, собиравшихся на квартире у Я.Я. Рейхеля. Из этого объединения сформировалось Археолого-нумизматическое общество, в котором самое деятельное, в том числе и финансовое, участие принимал А.С. Уваров.

Открытие античных памятников на юге России приводит к желанию членов Археолого-нумизматического общества проводить самостоятельные археологические раскопки, финансовых средств не было, поэтому поддержку А.С. Уварова встретили с воодушевлением. Таким образом, граф впервые участвует в археологических раскопках.

Итак, в отличие от первого периода в развитии русских усадеб и их коллекций, когда ближний круг придворной элиты осваивал европейскую культуру и искусство, для второго периода усадебного коллекционирования становится характерным собирательство русского искусства, в том числе в виде портретных галерей, а также отечественных древностей. Интерес к национальной истории, пробужденный в эпоху романтизма, не мог быть полностью удовлетворен сочинениями русских историков. Требовались весовые, вещественные, доказательства наличия этой истории, уходящей корнями в самые древние эпохи. Этому интересу полностью соответствовала тогда археология, которую графиня П.С. Уварова назвала наукой для богатых людей. Без покровительства богатых и влиятельных людей это научное направление тогда развиваться не могло, не случайно А.С. Уварова называли «меценатом науки».

Третий период усадебного коллекционирования, связанный с широкой распространенностью практики создания усадебных музеев, публичностью, признанием образованного общества, приводит к появлению усадеб-музеев разного типа. Усадебные музеи конца XIX – начала XX в. можно условно разделить на две основные группы по типу формирования коллекций: комплексные и профильные.

Владельцами усадеб и основателями усадебных музеев в конце XIX века далеко не всегда были представители дворянских родов. Разбогатевшие промышленники и купцы становились новыми владельцами дворянских гнезд, приобщаясь тем самым к элитарным символам и практикам. Одной из таких дворянских практик было коллекционирование, собрания вместе с усадьбой могли переходить к новым владельцам.

Новой темой для собирательства становится народная культура: «Парадоксально, но факт, что возникновение в сельской местности оазисов западной культуры неминуемо повлекло за собой сложный процесс открытия и переоценки своей национальной культуры. Усадьба представляла собой удачную позицию, откуда русская европеизированная элита могла наблюдать иную русскую культуру – мир русского крестьянина» [Рузвельт, 2008, с. 61].

Одним из примеров подобного увлечения народной культурой становится подмосковная усадьба Абрамцево. В середине 1870-х гг. она была приобретена С.И. Мамонтовым, с этого времени постепенно становится одним из художественных центров. В Абрамцевский художественный кружок входили многие известные русские художники: В.А. Серов, В.М. Васнецов, М.А. Врубель, И.Е. Репин, И.И. Левитан и др. В русле стремления к возрождению народных ремесел в Абрамцево возникают мастерские народных промыслов, собирается и экспонируется коллекция предметов народного быта. Подобные художественные колонии были характерны и для Европы этого времени, например, в Дармштадте в 1899 г. при покровительстве герцога Эрн-Людвига появляется группа молодых художников «нового искусства». Более ранний пример из французского искусства – знаменитая Барбизонская школа, почитателями творчества которой были многие художники, собиравшиеся в Абрамцево.

Такие художественные объединения вокруг усадеб и их собраний становились «экспериментальными станциями» культуры и искусства [Рузвельт, 2008, с. 357]. На их основе возникают своего рода учебные центры в разных областях художественной жизни. Русский стиль, национальный романтизм в искусстве занял место европейской культуры в архитектуре, декоративно-прикладном искусстве усадеб второй половины XIX в. Усадебные коллекции пополнялись как предметами народной культуры, так и изделиями в новом стиле.

Ностальгия по «золотому веку» усадебной дворянской культуры в конце XIX – начале XX в. приводит не только к желанию возродить утраченный «идеальный мир» [Рузвельт, 2008], как, например, в случае с усадьбой Талашкино и деятельностью М.К. Тенишевой, но и к изучению усадебных комплексов, их коллекций и собраний. Появляются журналы, например, «Столица и усадьбы», журнал «красивой жизни», выходивший в Петербурге в 1913 – 1917 гг. В программной статье миссия журнала определялась следующим образом: «Светская жизнь наших столиц, спорт, охота, коллекционерство, и, особенно, жизнь русской усадьбы в ее прошлом и настоящем». В журнале «Старые годы», выходившем в Петербурге в 1907 – 1916 гг. как «ежемесячник для любителей искусства и старины», редактором которого был барон Н.Н. Врангель, печаталось много описаний частных собраний, а также сведения об их частных продажах и на аукционах. Тематический номер за 1910 г. был полностью посвящен усадьбам и назывался «Старые усадьбы. Очерки русского искусства и быта».

Таким образом, завершая тему усадебного коллекционирования, можно сделать следующие выводы. Усадьба в том виде, как мы ее знаем, как дворянские гнезда, формируется в процессе европеизации как очаг европейской куль-

туры в России. Первоначальное освоение новых практик европейской жизни происходило в придворном обществе по инициативе императорской власти: «в России исполнение роли дворянина имело дополнительную культурную коннотацию: самодержавие требовало, чтобы дворяне вели себя, как европейцы» [Рузвельт, 2008, с. 222].

Первые усадьбы придворных вельмож мало годились для повседневной жизни, скорее для публичных праздников и фейерверков; и европейские коллекции, купленные без особого разбора для соответствующих интерьеров, не имеют особого отношения к практикам коллекционирования. Но постепенно дворянство, получая европейское образование, путешествуя, бывая в европейских усадьбах и королевских дворах, начинало включаться в общеевропейские художественные процессы, выступать меценатами и заказчиками произведений искусства как для русского двора, так и для себя лично. Формировалась личная художественная избирательность, но все равно в рамках того, что могли предложить мастерские и художественные рынки Европы, что было связано с европейскими художественными стилями. Эта избирательность соответствовала и роли просвещенного аристократа, который не только следует долгу на государственной службе, но и умеет интеллектуально проводить свой досуг в чтении, созерцании произведений искусства, в разговорах об искусстве. Усадебные коллекции в этом смысле сами выполняли просветительскую функцию. Произведения искусства, смысл которых не может быть прочитан без знакомства с античной мифологией, литературой, приучали и глаз, и мысль к аллегориям и символам, без которых немислим, в том числе и придворный этикет. Этот визуальный ряд, отобранный и систематизированный коллекционером, выступал своего рода «тренажером» для формирования стиля мировоззрения и жизни русских европейцев.

Создать русский Версаль и наполнить его произведениями европейских художников могли очень немногие аристократы из числа приближенных к императорскому двору, регулярно бывавшие в Европе. Но статус, мода, канон потребления требовал от дворянского сословия соответствовать образу жизни, включавшему усадебный мир, наполненный европейскими, аристократическими символами. В ход шли все возможные средства, от копирования крепостными мастерами произведений европейских художников, скульпторов до воспитания своих крепостных художников, доросших, как показало время, до европейского уровня. Провинция стремилась успеть за столицами, провинциальные усадебные коллекции уже в начале XIX в. открывают новый мир объектов для собирательства, позволяющий выстраивать дискурс национальной истории. Мифология дворянского гнезда, которой соответствовали семейные истории в портретах предков, вполне укладывалась в общее увлечение и интерес к исто-

рии. Семейственность и приверженность национальной культуре демонстрировал и императорский двор в XIX в.

После 1861 г., когда многие дворянские усадьбы стали переходить в руки новых владельцев, практики коллекционирования начинают осваиваться в более широких кругах, промышленников и купцов. Перечень того, что можно было собирать, вырос в разы. Это, по-прежнему, европейское искусство, в том числе и авангардное, русское искусство допетровской и послепетровской эпох, естественнонаучные коллекции, рукописи и библиотеки, нумизматика. Уже недостаточно было иметь только материальные возможности для приобретения и хранения собраний, приверженность тем или иным объектам коллекционирования приводила к определенным кругам (сетям) общения. Публичный характер практик коллекционирования в конце XIX в. обусловил новый тип усадебных собраний – усадьбы-музея. Такая практика, кстати, до сих пор распространена в европейских странах, например, в английских замках и усадьбах.

В нашей стране национализация усадеб вместе со всеми коллекциями, как правило, приводила к расформированию усадебных собраний. Может быть, это стало еще одной причиной поиска утраченного рая дворянских гнезд в современных исследованиях.

Источники для самостоятельной работы

Георги И.И. Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях онаго⁶

Санкт-Петербург имеет разные богатые и от части драгоценные частные собрания или кабинеты произведений естества и искусства, древностей и пр. Было бы оных великое множество, если бы большая часть оных не уничтожилась при кончине их основателей, или не переведена была в другие кабинеты. Знатные кабинеты Графа Ягушинского, Князя Орлова, Надворного Советника Лемана не существуют более. Поелику владельцы кабинетов, знатокам и чужестранцам охотно позволяют осматривать оные, то и в рассуждении сего не бесполезно будет означать здесь наипреимущественнейшие мне известные кабинеты.

Кабинет Графа Ивана Григорьевича Чернышева занимает в доме его несколько комнат, и содержит немалое число картин, естампов, бюстов, статуй, морских карт, моделей корабельных, верьфов и пр. Сверх того монеты, физические и астрономические инструменты, вырезанные камни и пр. также и знатную библиотеку.

⁶ СПб., 1794. С. 547

Кабинет Графа Александра Сергеевича Строганова занимает в доме его шесть аркадами соединенных комнат. Оный содержит богатое собрание минералов и всякого рода естественных тел, 5 шкафов с анатомическими снарядами, богатое собрание естампов и картин, и знатную библиотеку. Между минералами находится весьма большой и прекрасный Уральский малахит; вообще имеет оный во многих частях разные достопримечательности.

Кабинет Обер камергера Ивана Ивановича Шувалова и Князя Николая Борисовича Юсупова, оба преимущественно богаты геммами и другими драгоценностями.

Кабинет Графа Алексея Кирилловича Разумовского содержит по большей части минералы в великом числе и преимущественной красоты. Такой же преимущественный минеральный кабинет имеет также Князь Голицын, увеличенный недавно прекрасным кабинетом Генерала Порутчика Соймонова, купленным князем за 20,000 рублей.

Собрание минералов Господина Советника Посольства Рата содержит преимущественно прекрасные минералы Австрийских владений.

Кабинет Княгини Екатерины Романовны Дашковой богат минералами, имеет однако же и кроме оных во всех почти частях нечто достопамятного. Княгиня начала собирать в 17 году своего возраста и продолжает безпрестанно увеличивать оный. Сие собрание преимущественно приумножилось на путешествиях Княгини в Германии, Англии и Италии дарами Римского Императора Иосифа II, тогдашнего Герцога Тосканского, бывшего впоследствии времени Римским Императором, Леопольда II, из славного кабинета Медицинского, Королевы Неаполитанской, пожаловавшей ей единое тогда в роде своем собрание яшмов из Сицилии.

Княгиня Вяземская имеет весьма знатное собрание монет и медалей, касающихся преимущественно до Российского Государства; ее собрание минералов есть отборное.

Господин Статский Советник Барон Аш имеет отборное и весьма поучительное собрание монет.

Собрание Артиллерии Майора Барона Петра фон Фредерикса состоит из Российских минералов и турецких, египетских и китайских древностей и искусственных вещей.

Доктор и профессор Кнакштет имеет собрание преимущественно анатомических снарядов всякого рода, им самим составленных.

Строганов А.С. К читателю (Предисловие к каталогу коллекции)⁷

Я написал этот Каталог для себя, чтобы лучше представить себе те богатства, которые собирал в течение тридцати семи лет, и те чувства, которые испытываю, обладая ими.

Я написал его также для истинных Любителей, которые собирательство произведений искусства полагают страстью, в каком-то роде рожденной вместе с их первыми представлениями и развивавшейся все более и более по мере того, как они приобретали вкус к прекрасному; которые, одним словом, испытывают искреннюю любовь к искусствам и которые стараются получить необходимые знания, чтобы действительно наслаждаться плодами таланта и уметь здраво их оценивать.

Я его писал отнюдь не для тех холодных душ, которым искусства и их плоды безразличны, как бы ни казались они заинтересованы в оных; не для восхищающихся без меры и «чувствительных» притворщиков; не для рассуждающих многословно и беспредметно, которые придерживаются высокого мнения лишь о самих себе и защищают суждения, которые они считают своими, тогда как усвоили их случайно или заимствовали у других.

Я не писал его для тех Любителей или даже Знатоков, которые называют себя так из расчета; не для тех обладателей коллекций, которые занимаются ими живо, только пока ими восхищаются, и забывают об этом сразу же, как только остаются наедине со своими коллекциями. В этом они похожи на тех супругов, которые плохо подходят друг к другу и кажутся внимательными и любящими друг друга в обществе, но, оставшись одни на один, испытывают скуку и холодное безразличие.

Избави нас Боже от этих Любителей без любви, от Знатоков без знаний! Именно они, более чем все остальные, способствуют испорченности вкусов и вредят прогрессу искусств.

Буслаев Ф. И. Мои воспоминания⁸

Большую часть времени, свободного от служебных и общественных обязанностей, он посвящал своим любимым досугам эстетического и археологического содержания. Даже у себя дома (в Петербурге, у Полицейского моста) всегда перед глазами имел он богатое собрание живописных произведений лучших мастеров итальянских и фламандских от эпохи Возрождения, составленное еще

⁷ Печатается по: Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков: Сб. документов и материалов / Колл. авт.; отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 143–145.

⁸ М., 1897. С. 168–169: отрывок из воспоминаний о графе С.Г. Строганове.

в XVIII столетии. Галерея эта, в несколько зал, примыкала своею дверью как раз к кабинету графа. Это была очень длинная комната с окнами только по одну сторону; промежутки между окнами и вся противоположная сторона заняты шкапами в рост человека с книгами на полках и с разными редкостями в выдвижных ящиках. Тут же находилась и драгоценная коллекция греческих, римских и византийских монет, золотых и серебряных, а частью и медных, наиболее редкостных; граф был большой знаток в нумизматике и между специалистами по этому предмету славился своей опытностью отличать в монетах оригинальные экземпляры от поддельных. Критический такт, усвоенный им при оценке подробностей этого любимого предмета, он прилагал и к произведениям живописным и скульптурным, между которыми не только у продавцов-антиквариетов, но и в галереях или музеях, частных и даже публичных, нередко принимаются удачные копии за настоящие оригиналы. На античных монетах между прочим изображаются олимпийские боги и богини, герои и разные исторические лица в целых фигурах или же только их головы, обыкновенно в профиль и величиной во всю монету. Внимательное и многократное рассматривание этих выпуклых рельефов, замечательно изящной работы, художественно воспитывает глаз и эстетическое чутье к красотам пластического стиля. Таким образом, постоянные упражнения графа в нумизматических исследованиях образовала в нем знатока и опытного ценителя скульптурных произведений древнеклассического искусства.

Свиньин П. П. Краткая опись предметам, составляющим Русский Музеум Павла Свиньина⁹

Нет в Свете земли, которая бы имела способы равные России, для составления Отечественного Музеума, столь разнообразного и богатаго во всех отношениях.

Возвращаясь из чужих краев в 1816 году и возложив на себя обязанность собственным своим опытом узнать свое отечество, я вознамерился воспользоваться моими поездками по России, чтоб собирать все любопытное, достойное примечания по части древностей и изделий отечественных. Но скоро вынужденным нашелся сознаться, что способы частного человека были бы весьма недостаточны для приведения в исполнение всего объема Отечественного Музея, а потому и ограничился я следующими предметами:

1. Собранием Живописных произведений Российских Художников.
2. Произведений Скульптуры.

⁹ Печатается по: Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков: Сб. документов и материалов / Колл. авт.; отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 221–223: Общий взгляд.

3. Миниатюрных портретов Царственных и знаменитых Особ.
4. Старинного серебра.
5. Исторических медалей.
6. Минерального кабинета и
7. Библиотеки.

Изследуя с безпристрастием степень успехов наших в Художествах, я нашел основательныя причины думать, что есть возможность составить Русскую школу, если употребить старание приобретать те произведения Русских Художников, кои совершены ими были в первых порывах огня и честолюбия, – в порывах, скоро погашенных равнодушием их соотечественников, скоро убитых пристрастием нашим к иноземному. Предприятие, весьма трудное, требующее не только денег, но необыкновенных способов, глубокого изучения, однако удобоисполнительное; ибо, не смотря на малое время, как я начал собирать мою отечественную галерею, не смотря на невозможность мою употреблять для сего большой капитал, я уже имею такия произведения в *Живописи* и *Скульптуре*, что нестыдно поставить их между произведениями лучших мастеров всех известных школ, что они не затмились бы в первейших галереях.

Старинное серебро несравненно драгоценнее самого металла – изображением нравов и обычаев наших предков, кои, не имея театров, не зная балов, проводили время в дружеских беседах за круговыми чарами, на украшение коих остроумными надписями и разнообразием форм обращали они, кажется, большее внимание и оными утешались. В последнее время, война 1812 года содействовала более всего к уничтожению сих памятников Русскаго богатства; причем одна часть переплавлена в монету, а другая расхищена во время Московскаго пожара; а потому не мало труда стоило мне по всем концам Империи собрать около 70-ти разнородных, характеристических предметов сего рода.

Мицц-Кабинет хотя ограничивается собранием Исторических медалей и знаков отличия военных и гражданских, но в сем отношении составляет нечто полное, и вряд ли есть не единственный в своем роде; между тем, как самыя многочисленнейшия коллекции Русских монет не могут назваться полными: ибо одних разных копеек можно набрать более чем на 20 тыс. рублей.

Минералогическое собрание включает образцы ископаемаго богатства всех частей России: Сибири, Финляндии, Крыма, Кавказов и Киргизской степи; многие из штуфов драгоценны по своему изяществу, а другие по тому, что жили или места их приисков совершенно изсякли или утратились. Иных же доставание сопряжено с величайшими затруднениями; как, например, Диоптата, получаемаго из Киргизской степи, который не иначе приобретается, как когда откомандировываются туда вооруженныя партии с пушками для разных приисков или встреч караванов, идущих из Бухарин.

Библиотека состоит из Исторических рукописей, иностранных книг, касающихся до России и избранных Российских изданий. В числе первых есть много редких и драгоценных, из коих граммата Владислава занимает первое место: ибо мало есть памятников Русской старины одинаковой с нею сохранности. Покойный Канцлер Гр. Н. П. Румянцев предлагал за нее, чрез Преосвященного Мефодия, 2000 рублей, и дал бы несравненно более, если б Г. Герасимов решился ему уступить оную. Между иностранными книгами заслуживают особенное внимание оригинальное издание Маржерета, чрезвычайно редкое и драгоценное.

К Отечественному Музею может быть причислено *Собрание воспоминаний* (des souvenirs), состоящее из разных вещей или изделий, приобретенных от лиц или из мест, заслуживающих особенное внимание. Собрание сие могло бы послужить и основанием Русскаго Технологическаго Кабинета, долженствовавшего показывать степень совершенства искусств и ремесел, находящихся в разных Губерниях, и разнообразие древностей, разсеянных по лицу России, начиная с изящнейших произведений Греции и Рима до грубых изделий Чуди и Самоедов.

ЧАСТЬ 3. КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Реформы 1860-х гг. приводят к появлению новых заказчиков и покупателей на рынке искусства, а именно буржуазии. Противопоставляя себя дворянству, российская буржуазия, тем не менее, постепенно осваивала аристократический стиль жизни, частью которого были и практики коллекционирования. Это противопоставление в том числе проявлялось в новых объектах коллекционирования, а именно, русской иконе и русской живописи. Кроме того, соперничество по отношению к дворянству, которое в публицистике часто интерпретировалось как соперничество двух столиц – Санкт-Петербурга и Москвы, выражалось в подчеркнуто публичном характере собирательства.

Слабостью российской буржуазии, отсутствием признания со стороны как власти, так и общества объясняется её стремление ориентироваться на свой узкий круг, этим же можно объяснить общую склонность российского купеческо-промышленного класса к меценатству.

Одни из самых ярких коллекционеров и меценатов второй половины XIX в. являлся П.М. Третьяков. К идее собирать национальное, т.е. русское, искусство П.М. Третьяков приходит в 1857 г. Вот как пишет коллекционер В.В. Стасову в одном из писем: «Решил собирать русские картины и начал в 1857 году. Решил пожертвовать – в начале шестидесятых годов» [Переписка П.М.Третьякова и В.В. Стасова, 1949, с. 170].

Одной из причин обращения П.М. Третьякова к покупке картин именно русских художников была ограниченность на тот момент финансовых средств, а также слабая ориентация в западноевропейском искусстве. Кроме того, галереи западноевропейского искусства в России уже были к середине 1850-х гг., наиболее известная из них, конечно, Императорский Эрмитаж. А национальная художественная галерея, представляющая русское искусство, отсутствовала, хотя с конца XVIII – начала XIX в. в обществе вопрос о необходимости национального музея периодически поднимался.

В письмах В.В. Стасова к П.М. Третьякову выражается недовольство коллекционером, когда он покупает не картины на бытовые (т.е. национальные) сюжеты, а например, пейзажи, которые Третьяков, по собственному признанию, любил: «К русским пейзажам я имею слабость» [там же, с. 148]. Так, Стасов пишет: «Вчера на выставке я был обрадован известиями: 1) что «Не пуцу» В. Маковского (его высочайшая картина, из всех, по выражению) куплена за дешевую цену в Киев; 2) что туда же куплена милейшая вещица Касаткина: «Извозчик»; 3) что туда же покупается, с московской выставки Репина, его «Хохочущий запорожец» (грудной): это великий *chef d'oeuvre*, едва ли не луч-

шее из всей картины. Кажется, уже послана телеграмма. Экая мне обида, что все это – не Ваше! Чорта ли во всех многочисленных пейзажах?!. Ну, да как сказано в «Записках сумасшедшего» у Гоголя, повторяю только: «Молчание, молчание!» [Переписка П.М. Третьякова и В.В. Стасова, 1949, с. 148].

В обсуждении этой темы, а именно какие сюжеты должны быть в центре внимания художников в целом, и художников-передвижников в частности, позиции П.М. Третьякова и В.В. Стасова не совпадали. П.М. Третьяков считал, что для искусства важна свобода выбора художником темы своего творчества: «P.S. Никак не могу согласиться с Вами, чтобы наши художники должны были писать исключительно одни бытовые картины, других же сюжетов не отважились бы касаться. Чумаков и другие подобные живописцы, если бы и бытовые картины писали, мало было бы толку! А Крамской, написав «Майскую ночь» и «Христа в пустыне», не сделал ошибки – тут я уже ни с кем не соглашусь. Разумеется, это только мое личное мнение, но только уж никак не потому, что эти две картины есть моя собственность. Я вовсе, ничуть, не воображаю, чтобы тут взгляд мой был верен, но для меня лично и еще для нескольких лиц эти две вещи самые любимые из всей моей коллекции; стало быть, художник не совсем напрасно положил свой труд; а из этого выходит, что нужна свобода, а не стеснение в выборе сюжетов» [там же, с. 35- 36].

Хотя позиции критика и коллекционера относительно национального искусства далеко не всегда совпадали, но, как видно из переписки, П.М. Третьяков прислушивался к мнению В.В. Стасова о необходимости приобретения тех или иных картин в свою коллекцию: «Павел Михайлович, Вы иногда принимали во внимание мои слова. Позвольте же мне сегодня указать Вам на 2 вещи Перова, которым, по моему мнению, место в Вашей «Национальной галерее»!! Это, во-первых, «Прием странника-семинариста» (№ 113), а во-вторых, «Беседа студентов с монахом у часовни» (№ 76а)» [там же, с. 75].

О том, насколько содержание картины В.В. Стасовым ставилось выше качества самой живописи художника, говорят следующие доводы критика, адресованные П.М. Третьякову: «По сюжетам они очень важны. Семинаристов и студентов, т.е. важные ноты современности, никто почти, кроме Перова, у нас не брал» (20.01.1883, с. 73). «За «Семинариста» хотят 1000 руб. – Это слишком дорого!!! Вся картина вообще неважная, важен только тип семинариста – лучший тип семинариста во всей русской живописи. Мне кажется, рублей 700 – 800 стоило бы дать» [Там же].

Вопросы, связанные с финансовой стороной покупок картин, для П.М. Третьякова были очень значимыми, он не раз об этом писал как В.В. Стасову, так и художникам: «Я не располагаю такими средствами, какими некоторым могут казаться. Я не концессионер, не подрядчик, имею на своем попече-

нии школу глухонемых; обязан продолжать начатое дело – собирания русских картин (некоторые вообразили, что с приобретением ташкентской коллекции Верещагина я перестану собирать картины, и ошиблись); вот почему я вынужден выставлять денежный вопрос на первый план» [Переписка П.М. Третьякова и В.В. Стасова, 1949, с. 42].

С точки зрения П. Бурдые, поле искусства отличается от других полей, прежде всего, завуалированностью борьбы за символический капитал. Это хорошо заметно и по переписке В.В. Стасова и П.М. Третьякова, а также по переписке коллекционера с художниками. Так, художники часто уступали в стоимости своих картин П.М. Третьякову, но при этом обращались, в свою очередь, с просьбой не раскрывать стоимости проданных картин. Символические «выгоды» были понятны, ведь П.М. Третьяков как коллекционер был известен, более того, в покупке картин художников-передвижников конкурировал с императором Александром III. Выбор коллекционером той или иной картины художника сам по себе уже говорил в пользу данного художника и спроса на его творчество. Попасть в галерею национального искусства, т.е. в какой-то степени уже увековечить свое имя, – это своего рода обмен символического капитала на экономический.

Но сама тема покупок картин, их стоимости была для П.М. Третьякова достаточно закрытой: собственно, в связи с публичным вторжением В.В. Стасова в этот вопрос и закончилась их переписка. Так, после публикации В.В. Стасова, касающейся галереи и цен за представленные там картины, П.М. Третьяков достаточно резко указал критику на то, что в статье не только неправильно указаны цены, но и публиковать их не нужно было, ссылаясь на то, что публика приходит теперь посмотреть только на те картины, за которые больше всего заплачено, т.е. как на какой-то товар, а не на произведение искусства.

В ответном письме В.В. Стасов очень ярко демонстрирует свое право говорить от лица публики: «Что до меня касается, то могу только сказать, что никогда не перейду к такому образу мыслей, где надо на первом плане иметь раньше всего в виду волю, желание и удовольствие собственника Галереи. Какая странность. Такого образа мыслей у меня никогда не бывало и не будет. По моему убеждению, у собирателей картин и у публики (в том числе и у критика) совершенно разные цели и деятельность. Пока собиратель собирает – у него свои права и цели, и пускай он их собирает, как он того желает и как лучше понимает. Ему за его благородную и прекрасную деятельность – великая честь и слава. Но у публики (а с нею и у критика) – своя деятельность, уже совершенно иная, и коллектору уже нечего вмешиваться в эту деятельность и предписывать ей свои законы. Это уж невозможно и никуда не годиться. Если коллектору нужно (или кажется нужным) скрывать цены покупки и продажи; если худож-

никам также нужно (или кажется нужным) скрывать эти цены – пусть и коллектор и художник поступают как им угодно. Это их дело. Это до нас, публики, ничуть не касается. Наше дело, напротив: стараться знать эти цены, эти продажи, и на этом основывать наши соображения. Тут уже ни коллектор, ни художник ничего не значат, и мы ничуть не обязаны их слушаться и с ними соглашаться. Пусть они делают свое, а мы свое» [Переписка П.М. Третьякова и В.В. Стасова, 1949, с. 211].

В переписке П.М. Третьякова и В.В. Стасова представлена и своего рода борьба за «наш музей», не только в навязывании собирателю миссии его деятельности, того, что он должен или не должен купить, но и в самом названии галереи: «У меня остается все прежняя претензия насчет заглавия Галереи: «Городская». Что за городская! Значит, могут быть еще галереи: губернская, уездная, околоточная, квартальная?! Нет, нет, нет, Ваша чудесная Галерея есть русская всенародная, государственная, народная, национальная Галерея, все равно как, например: собрание сочинений Пушкина, Льва Толстого, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова, Островского. Все это – всенародно и национально! Город тут – не при чем!! Это только несчастное канцелярское прозвище» [там же, с. 188].

В ответном письме П.М. Третьякова В.В. Стасову коллекционер подчеркивает, что название музея соответствует смыслу его поступка, а именно в передаче галереи городу Москве, а не государству в лице министерств и ведомств: «Насчет названия галереи совершенно бесполезно говорить, т.к. оно измениться не может; название «Московская Городская (имени) братьев Третьяковых» было по моему желанию и утверждено покойным государем (мое желание было «Московская Городская», а имени П. и С. Третьяковых было прибавлено в ходатайстве об утверждении уже городом), следовательно, изменено быть не может. Означает оно, совершенно верно, то же самое как Городская больница, Городская бойня, Городская прачечная, Городской водопровод и пр., т.е. что это есть собственность города, принадлежащая только ему и заведомая городским хозяйством, т.е. управлением; после моей смерти попечитель Галереи избираться будет городом, т.е. Думой. Для меня важно не название, а суть дела: т.к. она Городская, принята городом на известных условиях, есть неотъемлемая собственность города, утвержденная высочайшей властью, то судьбы ее неизбежно утверждены и с ней не может случиться того, что случилось с Румянцевским музеем, который вместо Петербурга находится теперь в Москве, а завтра может быть в Киеве или другом каком городе, я же желал, чтобы наше собрание всегда было в Москве и ей принадлежало, а что пользоваться собранием может весь русский народ, это само собой известно» [Переписка П.М.Третьякова и В.В. Стасова, 1949, с. 191].

Сам термин «искусство» начинает в это период переосмысливаться в контексте национального дискурса, запрос на который существовал и у власти, и у интеллигенции. Художники и коллекционеры лавировали между теми смыслами, которые вкладывались в национальное искусство. Так, художники, первоначально ориентируясь на художественную критику, вступали в дискуссии и переписку, интерпретируя как собственное творчество, так и в целом концепт национального искусства. Но в дальнейшем узкий художественный рынок все более ориентировал художников на поддержание связей с меценатами и с властью.

Мантра «национального искусства» использовалась в поле изобразительного искусства всеми агентами, представляющими политический, экономический и культурный капитал. Для П.М. Третьякова, представляющего прежде всего экономический капитал, апеллирование к тому факту, что он как коллекционер создает национальную галерею, давало возможность пользоваться правом покупки картин художников еще до их демонстрации на выставке. Таким образом, П.М. Третьяков не вступал в конкуренцию с другими покупателями и за счет этого покупал картины зачастую по цене, ниже рыночной.

С интерпретацией идеи национального искусства В.В. Стасов, по сути, состоялся как авторитетный художественный критик, выступая в качестве посредника как между художниками и властью, так и между художниками и коллекционерами.

Художникам же, в силу по-прежнему узкого художественного рынка ориентация на концепт национального искусства позволяла, в том числе вкладывая и свои смыслы в творчество, соответствовать и ожиданиям власти, как крупнейшего заказчика, так и коллекционерам, маневрируя на уровне индивидуальных стратегий.

Для власти, в лице императора Александра III, демонстрация лояльности и поддержки творчества художников круга передвижников, официальное посещение открытых выставок, как и соперничество с П.М. Третьяковым не только в покупке картин, но и создании национального музея, связаны с обращением к идее народности.

Источники для самостоятельной работы

Щербатов С. А. Художник в ушедшей России¹⁰

К Москве я был привязан крепко и традициями и моей любовью, нежной и глубокой к этому столь обаятельному в те времена городу, единственному в мире по особому и трудно описуемому шарму. Только Константинополь и Севилья, во многом схожие с Москвой, дали мне некоторое ощущение, подобное тем, которое давала Москва. Все русское мое нутро питалось Москвой. Чем более с годами в художественном сознании отстаивались понятия о подлинной самобытной красоте тех или иных явлений и образов (а сколько в прежней Москве было самобытного), тем глубже я ценил всё то, что в Москве было необычайного и единственного по красоте, прелести и живописности, не только официально могущих быть признанными в смысле исторических памятников мирового значения, но не всеми, кроме художников, угадываемых.

Наряду с этим и наряду с очень богатой сферой музыкальной и литературной, в сфере пластического искусства в Москве не было художественных флюидов, нужных для развития имевшихся в ней национальных молодых художественных сил. В моем быту эти флюиды отсутствовали почти полностью. Почему их не было? При таком богатстве русской музыки и после столь великого культурного национального дела Павла Михайловича Третьякова (основатель Третьяковской галереи), проложившего путь для художественного развития в Москве? Почему, с одной стороны, узкий консерватизм, обскурантизм, шовинизм, с другой стороны, наряду с этой косностью, увлечение новинками французского искусства с его завораживающей москвичей модой прямой, соблазнительной и столь часто сбивчиво опасной? Это сложный и глубокий вопрос, связанный со всей установкой нашей национальной общественной жизни, художественной культуры, преподавания и нашего отношения к Западу, со всем, что в этом было непродуманного, неуглубленного, поверхностно-легкомысленного. Отсюда, наряду с указанным шовинизмом и беспомощным консерватизмом, отсутствие подлинной динамики в национальном творчестве со всем, что в нем имеет быть преемственного и наряду с этим творчески-живого.

Почему была поручена роспись – и за огромные деньги – русским купцом С. А. Морозовым в его столовой в Москве Мориссу Дэнису (парижскому художнику), написавшему ужасные по слащавости фрески, а не нашему поэту, благородному художнику Муссатову? Ведь у этого физически обездоленного,

¹⁰ М.: Согласие, 2000.

маленького горбача был подлинный декоративный талант и большое благородство цвета; его композиции из эпохи кринолинов, в обстановке русских усадеб, с их парками и водоемами, отличались своим особым стилем и ничего не имели от шаблона и подражательности. Русские по духу, они были пропитаны подлинной поэзией. Или как не обратиться к тому же столь русскому по духу и чувству Рябушкину, столь же художественно отображавшему крестьянский быт, как и боярскую жизнь («Моление в церкви» – Третьяковская галерея) с его самобытным талантом и чувством! Или, наконец, как было обойти Врубеля, которого, по словам другого купца, московского мецената, последний «в рублях держал², несмотря на его гениальность!

Как не создавать было конкурсов, не оживлять национальную жизнь, при столь огромных материальных возможностях и затратах на импортное, чужое искусство. Как не вспомнить наших древних русских князей-меценатов, гордившихся своими Рублевыми и Дионисиями!

Были отдельные ячейки, где процветал культ коллекционерства.

Было отчасти снобистическое, отчасти искреннее, но не глубоко культурное увлечение искусством среди новых меценатов нового класса «передового купечества», преклоняющегося перед парижскими течениями в живописи и притом (за исключением П. Харитоненко, собиравшего за огромные деньги Мессонье и картины отживающей школы Барбизонцев) пред течениями самими новыми и даже крайними.

Всё это носило весьма специфический характер – «московский», своеобразный, и мне лично не всегда симпатичный. Много было в этом провинциализма и, несмотря на кажущуюся утонченность, непродуманного, непрочувственного, наивного и далеко не непосредственного, а потому далеко не всегда искреннего. Что было в этом от подлинного увлечения и интереса, и сколько в этом было показного, похвальбы, желания порисоваться и «эпатировать» – сказать было не всегда легко. Явление это было сбивчивое, как и много было сбивчивого в этом классе «передового» московского купечества.

Что-то глубоко коробило в этом преклонении перед экспортированными из Парижа, светоча мира, образцами «подлинного и великого искусства» в назидание примитивной, провинциальной, отсталой Москве, между тем как именно в этом и был величайший провинциализм, недостаточно развитое национальное сознание, непонимание настоящей культуры и серьезных культурных заданий, не говоря уже о желании играть роль и хвалиться своими возможностями.

Оргия, устроенная по поводу купленной за огромные деньги и очень плохой картины Бенара «Feerie intime» (обнаженная женщина, возлегающая среди горящих канделябр), бывшей предметом чествования во дворце Михаила Абра-

амовича Морозова, наделала много шума. Ходили на преклонение этому «шедевру», о котором теперь стыдно вспомнить.

Показательным для Москвы и одним из самых ярких явлений в ее художественной жизни было собрание Сергеем Ивановичем Щукиным своей картинной галереи французской – только французской живописи. Масштаб этого задания был поистине огромный и по-московски широк.

Небольшого роста, коренастый, с хитрыми умными глазками, необыкновенно живой и, несмотря на то, что был зайкой, чрезвычайно говорливый, Сергей Иванович привлекал и заражал всех своим горячим темпераментом, который он изливал в своей страсти коллекционера. Тут он достигал подлинного пафоса и убеждал своей искренностью и даже жертвенностью. Искренность этой страсти была несомненна, и это подкупало.

Насколько отношение к самим произведениям искусства, а не к «идее их собирания», и их внутренняя оценка были искренними, – это подлежало нередко сомнению.

Думается, что, попадая в Париж, куда Щукин ездил ежегодно, и откуда он вывозил всякий раз очень ценные, нередко первоклассные картины (у него были лучшие Гогены, хороший Ренуар, Пювис дэ Шаванн, приобретенные до увлечения крайними течениями), он не столько руководился внутренней потребностью избрать для себя на основании личного критерия, личной искренней оценки и непосредственного чувства ту или другую вещь, сколько учитывал значение ее на основании признания ее качеств и значительности в художественных и художественно-торговых сферах Парижа.

Поскольку он в этих случаях сталкивался с законами художественной биржи, с ажиотажем и подчас грубейшей эксплуатацией видного коллекционера-толстосума из Москвы парижскими торговцами, постольку Щукин делался нередко жертвой, переплачивая огромные деньги за модный товар «à la page». То, что он называл «случаем», было обычно весьма относительно. Наряду с этим, в своем служении идее новатора и передового коллекционера, Щукин сознательно жертвовал собой, и эта жертвенность, причинявшая ему страдания, проявлялась подчас даже в комической форме.

– Сергей Иванович, – воскликнул я раз (Щукин был самолюбив и не любил критики купленных им вещей). – Ну, зачем вы купили эту, простите, плохую вещь Матисса, да еще за такую цену: 45.000 франков!

Панно модного в то время уже Матисса было действительно невыносимое по наглости, несмотря на несомненный талант этого неровного художника с его озорством, но часто с благородным чувством подлинного живописца.

– А вы знаете, – как-то неожиданно искренно признался мне Щукин. – Я наедине и сам ненавижу эту картину, неделями борюсь с ней, ругаю себя, чуть

не плачу, что купил ее, но только за последнее время чувствую, что она начинает меня одолевать!

Такое единоборство с явно навязанной ловким торговцем-рекламистом вещью, всю «сокровенную прелесть» которой бедный Щукин считал недоступной для него самого, но которая так высоко котировалась, показалось мне столь же трогательным и смешным, сколь и весьма показательным. Думается, со многими холстами Пикассо он переживал то же самое, платя дорого и страдая сам в глубине души, заставляя себя ими восхищаться и вызывать восхищение у «отсталых» москвичей.

Не лишенный иногда чутья, Щукин выявлял этим весь свой провинциализм. Но как бы то ни было, собрание Щукина было явлением весьма значительным; оно было гордостью Москвы наряду с собранием Ивана Абрамовича Морозова, первоначально собиравшего картины русских художников, а потом тоже при мне начавшего собирать исключительно французскую живопись.

Но и у него, имевшего хорошие вещи, не обошлось без печального недоразумения, основанного на снобизме и погоне за модой. Я уже упомянул о росписи и его столовой, для которой был приглашен Моррисс Дэнис, пользовавшийся в то время еще большой славой в Париже (впоследствии померкшей), но опасный в силу очень неровного вкуса и впавший в нестерпимую пошлость и слабость. Последние он проявил полностью в росписи упомянутой столовой Морозова (можно себе представить, как она была сплочена). Редко приходилось видеть большую пошлость, чем эта живопись цвета розовой карамели. Трудно представить, чтобы хозяин в этом не смог сам убедиться и не понять, что за доверчивость к парижскому мастеру он награжден не по заслугам. (То и другое собрание большевиками было объединено в одно целое под названием «Музей французской живописи». Бедный Щукин еще успел узнать до своей кончины в Париже, что его коллекция большевиками разбазаривается, а ценность ее не подлежит учету.)

Я любил посещать богатейшее собрание Щукина и беседовать с владельцем, когда никого не было – с глазу на глаз, что позволяло искреннее делиться мнениями и высказывать свободно мои мысли и недоумения.

По воскресениям я иногда тоже ходил к Щукину, интересуясь уже не столько картинами, сколько контактом с молодым художественным миром Москвы. В галерее с утра толпились ученики Школы Живописи и Ваяния, критики, журналисты, любители и молодые художники.

Тут Сергей Иванович выступал уже не в качестве хозяина, а в качестве лектора и наставника, поясняющего, руководящего, просвещающего Москву, знатока и пропагандиста.

Перед каждым холстом он читал лекцию о той или другой Парижской знаменитости, и доминирующей идеей была *ex occidente lux*.

Перед холстами художников крайнего течения молодежь стояла разинув рты, похожая на эскимосов, слушающих граммофон.

Щукинские лекции и восторженные пояснения новых веяний живописи Парижа имели последствием потрясение всех академических основ преподавания в Школе Живописи, да и вообще всякого преподавания и авторитета учителей; и вызывали бурные толки, революционировали молодежь и порождали немедленную фанатическую подражательность, необузданную, бессмысленную и жалкую. «Расширяя горизонты», это парижское импортное искусство, как зелье, кружило голову, впрыскивало опасный яд, заражавший молодежь в учебные годы в Школе, а молодых художников окончательно сбивало с толку.

Некоторым противовесом могло бы явиться в Москве собрание картин исключительно русских художников устаревшей школы, ярим ненавистником всего иностранного и лютым врагом всех новых течений (объединяемых общим термином «декадентщина») Иваном Евменьевичем Цветковым, обладателем роскошного дома, выстроенного Васнецовым. Но дурной вкус этого шовиниста компрометировал, а не спасал национальное дело.

Другим типичным московским явлением этого порядка был купчик-меценат, Николай («Николаша») Рябушинский из очень богатой семьи московских промышленников.

Он играл роль «эстета», издавал очень роскошный художественный журнал «Золотое руно», учредил выставку картин новейших направлений «Голубая роза» и выстроил себе виллу «Черный лебедь» в Петровском парке.

Завитой, с пышными кудрями и выхоленной бородой, упитанный, с заплывшими масляными глазами, розовыми щеками, он мог бы сойти за обычного «купчика-голубчика», кутилу, обедавшего ежедневно в «Эрмитаже», причем его стол всегда был убран орхидеями, если бы в нем не была заложена все же какая-то сумбурная, но несомненная талантливость. Эта талантливость расплескивалась по-московски в проявлениях всяких экстравагантных затей с ориентацией на красоту. Последнюю он чувствовал интуитивно, подчас довольно метко, хотя и будучи лишен подлинной культуры, а потому и подлинной утонченности, которой он похвалялся.

«Черный лебедь» с расписанным художником Кузнецовым (работавшим в стиле нео-примитивов) фризом в холле-музее был символом всего внутреннего содержания этого молодого и шалого мецената, сыплющего деньгами и не останавливающегося ни перед любым капризом, ни перед любой затеей. Отравленные стрелы, вывезенные из диких стран, вазы и жуткие драконы с Майорки, русская графика, холсты покровительствуемых «передовым меценатом» юных

художников левых течений, декадентская богатая мебель и роскошная опочивальня, пахнувшая экзотическими духами, где владелец-сибарит, как некий римлянин времен упадка, возлегал с постоянно сменяющимися любовницами и сменяющимися женами.

– Я люблю красоту и люблю много женщин, – заявил он мне при первом (и единственном) моем посещении виллы этого московского Петрония.

В саду строилось помещение для львов и тигров, с которыми Рябушинский, по его словам, чувствовал некую «соприродность», но водворить которых в заготовленные клетки ему не удалось в силу запрета полиции.

При входе в дом маячил большой бронзовый бык, водруженный над усыпальницей «mon tombeau», ожидавшей прах пока что жизнерадостного владельца.

На Рождество в саду горела многочисленными электрическими лампочками елка под снегом. На этом ночном зимнем garden party раздавались в подарок художественные предметы и ювелирные драгоценности.

Мое положение в купеческой среде было странное и необычное. Я был студентом и еще не художником-профессионалом, которые охотно приглашались московскими «Медичи» и, не всегда к их благополучию, вовлекались в водоворот роскошной, кутежной жизни. Ни в какой иной среде в Москве они и не могли бы получать заказов, но иногда им приходилось считаться с закоренелым атавистическим кулачеством расчетливого и наряду с тем безмерно расточительного купечества. «Это было то время, когда я Врубеля в рублях держал...» Я уже привел выше эти весьма характерные слова одного купца-мецената. Это «держание в рублях» явление было нередкое, но все же эти рубли платились, и то хорошо для художника, из которых многие нуждались и часто жили впроголодь.

Не будучи зачисленным в разряд художников, я, с другой стороны, был представителем иной среды, иного «класса», а в то время разграничение между купеческим и дворянским сословием соблюдалось еще строго, столь же в силу бытовых традиций, сколь и в силу директив свыше.

Первое было до известной степени понятно. Старая культура с ее навыками, обычаями, бытом была иной по тональности и диапазону, чем новообразующаяся интересная, но еще весьма сумбурная, неустойчивая и во многом сбивчивая и парадоксальная в своих проявлениях.

Но второе было ошибкой столь же в социальном, сколько и в политическом отношении, и ошибка, чреватая тяжкими последствиями. В момент политического кризиса затаенная обида, горечь и озлобленность сказались ярко. Вспоминалось, что даже на большие официальные балы Московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича купечество не допускалось (исключение составляли две красавицы-сестры М. К. Морозова, типа портретов

Рубенса и Е.К. Вострякова в стиле английских портретов: говорили, что обе были побочными дочерьми полицмейстера Козлова).

Озлобленность купечества на дворянство получила яркое выражение в знаменательной и непростительно грубой речи старшего из братьев Рябушинских во время революции, в которой он отпраздновал с явным злорадством тризну по дворянству, имеющему быть сменным купечеством, «солью земли Русской». Всё, что было сотворено русским дворянством на протяжении веков на этой русской земле и для нее, было забыто или обойдено молчанием.

Но популярность, личное обаяние, простодушие и бесконечная доброта моего отца были столь велики, что в его отношениях с купеческим миром не только всё сглаживалось и забывалось, но он в этой среде всегда был желанным гостем, правда, в среде, им самим ограниченной. Конечно, в данном случае играло роль и его особое положение как бывшего первого избранного Москвой всесословного Городского головы, и вся его деятельность и популярность как коренного москвича. В силу этого, а также в силу моего личного живого интереса к искусству, в свою очередь, интересовавшего любителей искусства в купеческой среде, и я был их желанным гостем, скорее в виде исключения, и пользовался большим радушием.

Одно увлечение серьезное и весьма отрадное стало выявляться за самое последнее время перед революцией – увлечение собирательством – на базе серьезных изучений русской древней иконы. В этой области национально-художественное сознание могло бы обрести богатый источник, могущий питать искусство подлинно русского и великого стиля, если бы в момент этого увлечения у нас в национальной России, жившей под знаком креста, а не пятиконечной звезды, не произошел всеокрушающий срыв национальной жизни.

На предыдущих страницах, на некоторых примерах деятельности русских меценатов – русских купцов – показано, как они, эти купцы-меценаты, про которых принято было выражаться, что они «чудят» или еще грубее «с жиру бесятся», как они по-разному подходили к делу служения искусству. Честь и слава тому же купечеству, что именно оно и пробило заросший путь к этому кладу художественной радости, ибо оно в первую голову увлеклось иконой русской.

Мы много раз приводили слово «увлечение», свойство исто-русское и особенно в среде купечества, в силу своей особой психологии, являющейся результатом кризиса, испытываемого в этом сословии. Этот кризис, болезненный и интересный для близкого изучения, был обусловлен, как я сказал, резким переломом, отходом от старого и жадным устремлением к новой культуре.

Должен искренно признаться, как ни мило и дорого моему сердцу наше старое московское дворянское общество, все же в среде нашего передового ку-

печества мне было веселее и интереснее. Уж очень много было переливчатых красок и тонов в этой новой, намечающейся, еще не оформленной, не осевшей культуре, столько в этой среде бродило, столько было любопытных контрастов, столько нового и свежего, при несомненно неприятных явлениях и даже определенно отрицательных, меня коробивших.

Зато в нашей среде всё осело и так утряслось, что нередко склоняло ко сну и навевало сон.

Озаровский Юр. Как собирался старый домик?¹¹

С тех пор, как я себя помню, меня влекло к старине. Это у меня в крови, а рассказы и матери, и отца о былом были лучшими минутами детства.

Занятие искусством углубило интерес к старине. Особенно режиссура оказала значительное в этом смысле влияние, все время ставя вопрос: «как это было в старину, в эпоху той или иной пьесы, которую ставишь?» И когда в 1899 г. я приобрел 5-6 старинных вещей, чтобы ими украсить свой кабинет, где-то в тайнике души я лелеял уже мечту: «а хорошо бы впоследствии...если разумеется окажется возможным...».

Через три года после того, когда я получил диплом члена Археологического Института по окончании в нем курса (возня со стариной толкнула меня туда), и был обладателем уже небольшой коллекции. Тут было несколько голландцев в мебели, моржовая кость, медь, стекло, фаянс и ткани петровского времени, приобретенные мною у антиквара Кузнецова в Апраксином. Выбор петровской старины не был случайным: «я живу в столице Петра, и быть не может, чтобы не нашлось здесь чего-либо от его времени», сказал я себе, и в первую же «прогулку» за стариной я обрел несколько предметов.

Озираясь теперь на пройденный моим «Домиком» путь, должен сказать, что я поступил правильно, обратив своевременное внимание при собирании старины на старейший (а не на красивейший, например) период Петрограда, который теперь уже почти вовсе отсутствует на рынке. Рядом с этим не могу не признать верным решением и другого вопроса, который невольно возникает перед каждым собирателем (и который возник у меня тогда): «что собирать?», когда я сказал себе: «все, все, что ни попадет под руку, раз это только скольконибудь типично». Преклоняясь идейно перед всяким направлением или «толком» в собирательстве, психологически и эстетически никак не могу понять нумизмата или калькографа, в долговременных поисках предметов «своих», спокойно проходящих мимо чудесного фарфора, прелестной мебели или очаро-

¹¹ (Из впечатлений коллекционера) // Столица и Усадьба. 1914. № 18. С. 18–19.

вательной ткани. Только благодаря такому «всёчеству», коллекционер моего пошиба, т.е. могущий тратить не более, как свои трудовые сбережения, получает возможность в небольшой сравнительно промежуток времени собрать сколько-нибудь исчерпывающий ансамбль предметов. Вне же ансамбля нет «диалога» вещей, нет той убедительной для нашего сознания беседы, которую ведут они, когда они вместе, и всеми своими признаками так чудесно дополняют друг друга до полной характеристики эпохи.

В первые годы своего коллекционерства я побывал, и в качестве артиста, и в качестве простого путешественника, во многих старинных городах коренной России, и здесь я собрал довольно много предметов народной и церковной старины. Особенно много дали мне: Псков, Новгород, Углич, Ярославль, Ростов Великий, Романов-Борисоглебск, Кострома, Вологда.

Нет ничего пленительнее, как в чужом городе бродить по рынкам, толкучкам, «развалам», заглядывая в лавки и лавченки местных торговцев «старьем». Чего, чего только не увидишь тут! Здесь и музыкальные инструменты, и иконы, и поломанная старинная мебель, и граммофоны, и игрушки, и оружие, и медь, и стекло, и бисер. И кости мамонта. Кругом галдят, шумят зазывают, и через час толкотни по такому развалу на каком-нибудь «Магистратском дворе» вы и сами не успели заметить, как стали собственником чудесной старинной иконы новгородских писем, превосходной, украшенной гравюрами какого-нибудь Чессаго или Галактионова, редкой книги, увесистого медного шандала с елизаветинским орлом, прелестного, вышитого бисером, николаевского альбома или, пылающей яркими красками, чашки поповского фарфора. С какой жадностью сносите вы все это в снятый вами номер гостиницы, в котором поджидают вас не только приветливо пыхтящий самовар и баранки с маслом, но и две или три солдатки или мещанки с посада, приторговывающие стариной, или старичек-еврей, часовых дел мастер, местный антиквар и нумизмат, проведавший от швейцара гостиницы, что вы не прочь приобрести и «особенно ценные предметы», оставшиеся от «промотавшегося князя М.» или «разорившегося графа С.».

Вы еще на рынке вдосталь успели насмотреться на типичность наряда и всего внешнего облика торговцев, там еще изумлялись вы находчивости, образности и живописности их речи и прибауток; все же там вам было немного не до того: на рынке невольно скользишь мимо всего; здесь же, за чайком, в мирной и неторопливой беседе с этими милыми людьми, желающими не только сбыть вам товар, но и искренно быть вам полезными, вы изучаете и их самих с их обликом, и их город с его интересами, тревогами и новостями.

Все же большинство предметов моего «Домика» я приобрел в Петрограде, рыская по Александровскому рынку или заглядывая (значительно реже уже) в маленькие антикварные лавочки, разбросанные в разных пунктах столицы.

Эти «приюты» старины в моих глазах гораздо интереснее, а подчас и ценнее для собирателя, нежели те «шикарные» магазины с лаконической вывеской Antiquite, каких так неожиданно много развелось нынче в Петрограде. Во всяком случае, подделок в лавченках гораздо меньше, чем в этих нарядных магазинах.

Правда, процесс отыскания старины в лавченках длительный, и первое впечатление от товара, наполняющего их, это свал какого-то хлама, но, если вы собиратель, первое, чем вы должны располагать, это терпение и глаз, и если и то, и другое в вашем распоряжении, успех придет. Медленно и «остро» рассматривая этот хлам, вы непременно отыщите в нем и гравюру, и бронзу, и стекло, и ткань, и книгу, и моржовую кость.

Утверждение, что в каждый данный момент в каждой данной лавченке можно найти что-нибудь очень любопытное, следует положительно принять за общее правило.

Острый глаз необходим собирателю, чтобы быстро и отчетливо различать очертания отдельных предметов. Собиратель с острым и внимательным зрением, попав в магазин старинной мебели, быстро обежав взглядом всю массу предметов, непременно остановит свое внимание на ножках мебели и, отличив среди множества их стул с ножками, выгнутыми на подобие лапок, тотчас же спросит у сидельца: «А что это там за стул с лапками?» «А это тут оставши один в роде как бы из немецких»... «А нельзя ли взглянуть поближе?» - и через четверть часа вы обладатель чудесного петровского голландца красного дерева.

Вспоминая покупку моих «стариков», я мог бы много сообщить любопытного в этом отношении. Расскажу для примера об одном случае.

Очутился я в Орлове, куда попал, будучи командирован Главным Управлением военно-учебных заведений для прочтения лекций с демонстрациями по предмету русского художественного чтения в местном кадетском корпусе. С занятиями я уже покончил, завтра мне уезжать в Ярославль, а сегодня вечером директор корпуса, со свойственным всему нашему военному сословию гостеприимством, просит на «чашку чая». Кончилась эта «чашка чаю» часов в пять утра, и вот, на рассвете я спускаюсь по лестнице в вестибюль генеральского особняка. Швейцар, старый-старый старичек-служивый, подает мне шинель, и пока я роюсь в портмане, чтобы дать ему за услуги, я вижу через узкую дверь в низок в комнате швейцара, в робких лучах утреннего солнца, контур петровского кресла. «А что это у вас там внизу за кресло? – спрашиваю хлопчущего около моих ботинок старика. «А это кресло древнее-предревнее: еще генерал N, не изволили слышать? При императоре Александре Николаевиче состояли у нас в дирек-

торах, как получили дивизию, так на память нам завещали. Дедовское оно им. Только надоело оно мне: цепляет очинно ручками, а в комнате у меня тесно». «А не продадите ли вы мне его?» - с напускным безразличием в тоне спрашиваю я старика. «А и с превеликим удовольствием, ежели пятерочки не жалко», «Так упакуйте его в рогожу и пришлите мне на вокзал, получите вдвое». «Покорнейше благодарю, ваше высокоблагородие». И к отходу поезда, превосходное голландское кресло, почти «портретное» изображение которого я имею на хранящейся в «Домике» старинной прелестной голландской же гравюре с Троста, теперь лучшее украшение Елизаветинской комнаты «Домика», своевременно доставлено стариком на вокзал.

Не малую услугу, конечно, оказывает собирателю знание и, с благодарностью вспоминая лекции в Институте, книги и увражи по искусству и археологии, изучавшиеся мною, с особой признательностью должен я обратиться к тому искусству, которому посвящена моя жизнь и которое приучило меня любовно изучать не только человека, но и все то, что создается им. Я постоянно говорю: вещей нет, есть только строительный материал; все же, что создано человеком, полно им и его значения, поэтому, всякая вещь так же человечна, так же психологична, как и сам человек. Вещи – это знаки людских отношений, и кто умеет их раскрывать, тот вдвойне любит человека. Но, чтобы раскрывать эти знаки, надо изучать и прежде всего собирать. Человек же прошлого уже не с нами, он уже не вступает в непосредственное сношение с нами, и изучить его психологию можно только через эти, оставленные им, «знаки».

Несколько предметов в моем «Домике» досталось мне из дома покойного Э.Р. Сутгофа в Пскове. Что это был за очаровательный дом-музей! Слава Плюшкинского (также псковского) собрания, основанного на трогательном крохоборстве, этом наивнейшем виде коллекционерства, но отвечающем степени понимания этих вопросов большинством, как-то заслоняла музей Сутгофа. На самом же деле, Плюшкинская коллекция, сущая коллекция старьевщика, ни шла ни в какое сравнение с дивным, органически (ибо исторически) сложившемся ансамблем старины Сутгофа. Но два слова о Сутгофе вообще.

Сутгофы – это, как мне передавали в Пскове, старая шведская купеческая фамилия в Пскове и Нарве. Со времен Петра, лично знавшего и ценившего Сутгофов, они ратманы и городские головы в этих городах. Еще в XVII в. в Пскове Сутгофы строят в русском стиле (чудесная, до сих пор существующая, к счастью, архитектура, никем, однако не изученная, и даже, кажется, не отмеченная) дом. Заполняют его шведско-голландской обстановкой той прелестной, в смысле домашнего уюта, эпохи. С этого же времени начинается рост этой обстановки,сообразно вкусам последующих поколений. Сутгофы так богаты и популярны в русском населении, что у них останавливается, при посещении

Пскова и Нарвы, Петр. В XVIII и XIX ст. Сутгофы именитые, по барски живущие, купцы. Последние поколения их сознательные ценители и собиратели старины. Судите, что за очаровательное сокровище был дом Э.Р. Сутгофа, который я изучал в 1903 г., собирая материалы для подготавливавшегося тогда к богатому иллюстрированному, в бытовом отношении изданию под моей редакцией «Горя от ума». Какие мебели, картины, бронза, медь (старая голландская и шведская), фаянс, фарфор! Вся столовая чуть ни от пола увешена была редчайшими чашками, блюдами, тарелками и блюдами, не считая того, что было в горках и витринах.

Мало того, среди этих коллекций, был целый ряд предметов, имевших отношение к Петру Великому. Это те вещи, которыми пользовался император, гостя в доме Сутгофов. Э.Р. показывал мне кровать, на которой почивал Петр Алексеевич, чудесные голландские красного дерева столик и кресло из комнаты, которая отводилась государю, оловянную кружку и подкружечник, чернильницу и другие предметы его обихода. Особенное чувство восторга и благоговения вызывали во мне столик с медными ручками в стиле петровского рококо и дубовое кресло, обитое прелестной сарафанной материей того времени.

Но, вот, Э.Р. умирает, а местный банк, который вследствие финансовых отношений к нему покойного, явился наследником этого сокровища, заблаговременно уведомил о близкой кончине владельца (последнее время он сильно хворал), быстро запродав дивные коллекции Э.Р. знаменитым иностранным антикварам. Труп, как говорится, не успел еще и остыть, как все это вывезли за границу, и только незначительная часть коллекций осталась почему-то в России и очутилась на аукционе в Петрограде. Едва я узнал об этом, тотчас поспешал в камеру аукциона. Там, при свете огарков (были октябрьские дни предманифестной забастовки 1905 г.), нашел я незначительную группу любопытных, и среди выставленных вещей с трепетом в душе узнал большинство моих сутгофовских любимцев и между ними столик, кресло и оловянный подкружечник с маркой Петра: парящий над горизонтом, украшенном двумя звездами, орел и надпись над ними: «красота величества». Тут же я дал себе слово никому не уступить этих вещей. Начался аукцион. Столик и подкружечник достались мне сравнительно легко, но кресло, мое чудесное кресло, с подпернутой дымкой патины дивной голубо-лиловой с кирпичным материей облюбовано покупателями и быстро растет в цене. На каком-то пятом или шестом десятке рублей мои значения оспариваются только одним, знакомым мне, голосом. Всматриваюсь в темноте в того, кому он принадлежит: Ю.Д. Беляев. Это удваивает мой азарт: с гривенника надбавок перехожу на рубль. Через минуты две цена на кресло вздута мной же самым невероятно. Ю.Д. Беляев безнадежно машет рукой. Кресло к великой моей радости остается за мной.

Просматривая описи моего собрания и заметки по поводу покупки вещей в записных книжках, я вижу, что приобретались они не только в Петрограде (большинство вещей) и в тех городах, которые я упоминал выше, но также и в таких, отдаленных друг от друга, пунктах, как Нарва, Митава, Царское Село, Петрозаводск, Нерехта, Изборск, Архангельск, Тихвин, Воронеж, Астрахань и много других.

Несколько предметов, при условии, что они несомненно русского происхождения или имеют непосредственное отношение к России, приобретены за границей.

Беляев Юр. ДУША ВЕЩЕЙ¹²

...Окно было открыто, и они курили после завтрака, лениво и дремотно прислушиваясь к звукам города, который гудел издалека, как церковный орган...

Окно было открыто – и часть набережной, на которую оно выходило, мостилась, а потому была заставлена рогатками, и всякое движение на ней было прекращено. Теплый ветер кусками влетал в накуренную комнату и приносил с Невы запах воды, канатов и мокрых шашек.

Три приятеля, три холостяка, три соперника каждую пятницу сходились здесь у Сокольского, завтракали, обменивались впечатлениями недели и хвастали новыми приобретениями. Они были коллекционеры – стало быть, люди не совсем нормальные, маньяки, фантазеры и ревнивцы...Таковыми, по крайней мере, рисует коллекционеров Мопассан, который устами одного безумного персонажа высказал собственное credo собирателя: «Прошедшее притягивает меня, а настоящее пугает, потому что будущее – это смерть».

Сокольский собирал все: и мебель, и картины, и фарфор, и бронзу, и оружие. Квартира его напоминала лавку антиквара, хотя сам он был олицетворение жизни, силы, веселья. В клубе его недаром прозвали «Молодой Вакх», и Аронсон, по его заказу, почти портретно изобразил голову пьяного божка, увитого виноградом и слегка посоловелою.

Окно было открыто – и пароходики изредка посылали дремлющим приятелям тоненькие свистки. Хриплые куранты Петропавловской крепости перевирали важный хорал Бортнянского, и бойко стучали рязанские топоры плотников...

- Ну, что же у вас новенького? – спросил, наконец, хозяин, – показывайте. Сам я ничем похвастать не могу, кроме вот разве этой штучки...

¹² Столица и усадьба. 1914. № 22. С. 7-8.

И он достал из жилетного кармана небольшой черепаховый медальон, внутри которого была прелестная миниатюра.

- Это настоящий Изабэ...Подписной...Я давно охотился за ним.

Прятели позавидовали и выложили свои покупки: барон Крон – несколько старинных русских монет, а Горецкий – дорогой дамский порт-букэ с эмалью и бирюзой.

Барон объяснил, что монеты достались ему совершенно случайно от одного новгородского помещика, строившего что-то на берегу Волхова.

- Нет больше вещей, совсем нет! – жаловался Горецкий.

- Нет вещей, нет! – согласились другие.

Кое-что попадает еще в ломбардах, но такие приобретения не дело коллекционера. Как все артисты, они суеверны. В ломбард приходят вещи ненадежные, именно те, про которые говорят, что они «долго не уживутся». И еще на таких вещах хранится какой-то злой отпечаток нужды. Например, почему составилось предубеждение, что даренное серебро приносит несчастье? Да потому, что серебро больше всего идет в ломбарды. Смешно? А потолкуйте-ка об этом с коллекционерами – их тут не собьете!

Куда девались вещи? Неужели антикварный рынок в самом деле иссяк, разменялся на тысячу пустяков вроде коллекционирования марок, ложек, солоннок, трубок, бритв и т.д. За последнее время самый тип коллекционера как-то измельчал, обуржуазился. Кто у нас теперь не собирает? И чего только не собирает! Снобизм обязывает каждого «приличного» человека что-нибудь да коллекционировать. Вы можете встретить в лавчонке старьевщика нарядных дам и благовоспитанных кавалеров, разглядывающих марку разбитой чашки и торгующих ржавую шпагу сенатского чиновника времен Акакия Акакиевича. Всякая рухлядь теперь в такой цене, что к настоящим вещам нельзя и приступить. Старьевщики либо сбывают их за границу, либо потихоньку уступают своим постоянным покупателям.

- Чудеса! – ухмыльнулся Горецкий, затягиваясь сигарой и разглядывая, как синие кудри дыма уходили в окно, едва задерживаясь о бахрому портьеры. – Впрочем, ты прав...Вещи имеют душу, и я положительно суеверен относительно некоторых вещей. Есть вещи добрые и вещи злые. Есть вещи счастливые и несчастные. На них как бы отпечаток судьбы их бывших хозяев. Есть вещи до такой степени очеловеченные, что к ним боязно прикоснуться: это положительно живые существа...

- Да, да! – живо откликнулся барон, – особенно стулья, комоды, кресла, шкафы!

- А кровати? – перебил его Сокольский, чувствуя вдохновение художника, севшего на своего любимого «конька». – Помните «Кровать» Мопассана? Помните: «О, как мне непонятны люди, покупающие новые кровати, кровати без воспоминаний!».

...Барон вспомнил о Гофмане, в сказках которого самые разнообразные вещи принимают участие в действии, как живые существа. Горецкий назвал Диккенса, чьи кресла, и карты, и кухонная посуда разговаривают, спорят, сочувствуют...

- А Андерсон?! – ликовал Сокольский. – А наш Гоголь? А Алексей Толстой? Нет, у вещей есть положительно душа, и я когда-нибудь напишу об этом целый трактат. Пусть ученые посмеются надо мной, но моя брошюра, моя книга предназначается не для них. Это будет в своем роде настольное руководство коллекционеров-гурманов, мистиков, которые любят запах вещи, ее тайну, ее тень... Это будет дружеский разговор о таких вещах, которые раскусит только настоящий собиратель, понимающий с полуслова. Мы будем разговаривать на языке богов о фарфоре, о гравюрах, о мебели и о... температуре вещей.

- Итак, каждая вещь хранит душу своего первого владельца. Заметьте: первого! Подобно тому, как снятая перчатка долго сохраняет форму руки, так какое-нибудь старое кресло рисует вам фигуру того, кто по часту сживал в нем и кого оно обнимало. Переходя из рук в руки, вещь является симпатическим средством, а порой приносит несчастье. Очеловеченные вещи любят, чтобы их искали, чтобы за ними ухаживали, чтобы, приобретя их и поместив у себя, их приняли достойно и, так сказать, ввели в общество прочих вещей. Только тогда они пребывают к вам благосклонны и дают такой уют, такую теплоту и ласку, каких, конечно, не даст ни одна современная вещь. Душа вещей – самая старая душа.

Бакст Л. Пути классицизма в искусстве¹³

«Эстетизм и коллекционерство дошли до крайних пределов возможного в настоящую минуту. Можно с уверенностью сказать, что не найдется той ничтожной мелочи, которая не нашла бы своего коллекционера. Надо только представить удостоверение в том, что какой-нибудь мазне не меньше 100 лет. Я далек, конечно, от мысли отрицать вообще коллекционерство – это было бы чудовищно, – но не могу никак согласиться с любвеобильным сердцем эстета-коллекционера, равно принимающего в свое собрание и самый обычный футляр от очков бретонской старухи XVIII века, и chef d'oeuvre Тинторетто. Надобно же, наконец, раз навсегда решить, где наше непосредственное чувство восхищения красотой, независимо от знания истории искусств, истории культуры и, наконец, просто истории.

Я верю, что гвозди, которые вбивались в балки Екатерининских построек, курьезнее по форме теперешних; но не кладите же их в витрину рядом с миниатюрой Брейгеля и не ищите (наперекор новому исканию) в прошловековой ремесленной стряпне художественного утешения от современной грубости!»

Энгаль. Воспоминания¹⁴

I.

В 1908 году был я кадетиком 2-го класса в г. Оренбурге.

Возвращается с летних каникул из Ревеля мой друг и однопартиец (т.е. на одной парте сидели) Коля Трофимов и привозит всякие диковинки – раковины, морские звезды, сушеных морских коньков и прочую дребедень – по понятиям же второклассников – замечательные ценности, благо от Оренбурга было так далеко до любого из морей. Между прочим привез он и пакетик с иностранными марками. Собирай, говорит, коллекцию – это очень принято среди учеников. Пакетик полежал, и спровадил я его кому-то другому.

Подошло Рождество; я отправился на праздники к дяде в город Ржев (Тверской губ.), где был расположен его Уланский полк. И что же я вижу: моя тетушка, которую я очень любил и уважал, собирает коллекцию марок.

Время от времени появлялся старичок, генерал Грицевин, тоже коллекционер; приносил с собой регулярно получаемые им тетради с марками от какой-то московской фирмы, и начиналась тогда у них и выборка материала, и расклейка его в альбом. Ну, тут уж и меня заинтересовало: подумать только – и тетя, и генерал собирают оба.

¹³ Аполлон. 1909. № 3. С. 49.

¹⁴ Россия. 1941. № 42. С. 53–56.

Возвращаюсь в Корпус, – а Коля Трофимов снова привез конверт с марками. Расклеил я их в тетрадку и...погиб. Захотелось увеличивать число стран и экземпляров, улучшать коллекцию, заполнять пустые места в тетради – словом, отравился сладким ядом коллекционирования, да еще как. ...На всю жизнь.

Вскоре несколько других одноклассников занялись тем же, а достигнув 4-го класса – словно эпидемия вспыхнула – все начали коллекционировать.

Пошло соревнование на количество. Выяснилось, что некоторые писчебумажные и игрушечные магазины торгуют марками, ну и пошло, и пошло...

А тут еще известная фабрика сладостей Эйнем выпустила «Почтовый» шоколад. Обложка шоколадки была сделана виде ценного письма с маркой и сургучной печатью. При каждой плитке прилагался (под обложкой) пакетик с 20 различными марками для коллекций. Удовольствие получалось тройное: 1) Шоколад, 2) Марки, и 3) Род лотереи с сюрпризами – какие-то марки попадутся – дубликаты или что-нибудь особенное. Нужно сказать, что зачастую попадались красивые и интересные экземпляры.

Сначала никто не подозревал, что существуют каталоги марок, но вот появился откуда-то в классе Ивер – довольно жиденький и невзрачный. Каталог внес полный переворот идей и понятий, много «уник» развенчал и свел с пьедестала. Редкая марка с крокодилом – оказывалась совсем не редкой. Марки со столь заманчивыми для юных ушей именами, как-то: Гондурас, Гватемала, Никарагуа – оказались уж и не столь великой ценности. А гордость ее обладателя и великая зависть всех остальных – одноцентовая Индо-Китай, с туземной женской головкой, – и совсем грошовая вещица. Словом, бум был, как на бирже в дни кризиса.

Учителя и воспитатели не преследовали нашего увлечения, поскольку оно не вредило занятиям, даже поощряли, – деля марочные подарки за хорошие отметки.

Хотелось стать «первым коллекционером», т.е. обладать альбомом с наибольшим количеством марок. В 1912 году я вернулся с летних каникул из Казани, привезя коллекцию в пять тысяч штук, и достиг первенства. Нужно сознаться, что очень мне помогал в этом отношении отец, водивший меня в Пассаж, где был антикварный магазин, в котором были и марки на выбор. Кроме того, он выписал мне несколько пакетиков Шампиона из Парижа.

Интересно, что потом мы и сами стали выписывать пакеты оттуда же, причем делалось это удивительно просто – покупались на почте марки на соответствующий эквивалент франков и пересылались в заказном письме.

Боже, какая радость была получить ответное письмо с сериями. Весь класс сидел вокруг счастливец, восхищаясь и завидуя, а потом начинался обмен дубликатами – марка за марку.

Как видите, и 30 лет назад филателия увлекала русских школьников и столько светлых и радостных минут приносила, что и по сей день приятно вспомнить.

II.

В блистательном Санкт-Петербурге было несколько марочных фирм, как то: Волк, «Базар марок» (в Гостином дворе) и несколько других. Но наиболее популярным был магазин Эвальда Эйхенталя, расположенный по Невскому проспекту во дворе католического собора Св. Екатерины.

Кого-кого только нельзя было встретить среди посетителей этого уголка коллекционеров: вот малыши-гимназисты, а рядом просматривает классеры старик в потертой Николаевской шинели с пелериной; юные пажи и старушка, вооруженная лупой; блестящий офицер гвардии и студент скромного вида. И вся эта столь разнообразная и обычно сдержанная, по Питерскому обычаю, публика обменивается мнениями, легко и просто вступая в общий разговор, – настолько всех роднило и объединяло их общее увлечение.

За стеклянными витринами висели сэтсы – мечта и искушение наиболее юных коллекционеров; серии изящных марок Либерии и Борнео, представлявшие из себя целые зоологические атласы. В стоявшем посреди комнаты застекленном бюро лежали соблазны и для взрослой публики - марки России со всевозможными ошибками печати и перфораций.

(*) Повидимому сам Эйхенталь имел ход к кому-то из Государственной экспедиции, от которого и снабжался этими уродцами, которые не должны были-бы попадать в чьи-либо руки как подлежащие немедленному уничтожению после браковки листов.

(*) Поговаривали, что и знаменитую 7ми копеечную без зубцов он получил по своей просьбе от того же благодетеля, для чего этот лист умышленно не был пущен в перфорационную машину.

После революции некий шутник (имя опущу), имевший много дубликатов юбилейных Романовских марок, - сделал на них известную надпечатку: Свобода, Равенство и Братство; наклеил на несколько конвертов, адресовав себе и знакомым, и бросил в почтовый ящик. Представьте себе его удивление, когда на следующий день все письма были ему аккуратно доставлены, пройдя все почтовые формальности, по всем правилам. Конечно, он воспользовался случаем, надпечатал и остальные свои дубликаты и «сделал дело».

Впрочем в то сумбурное время и не такие фокусы могли удасться, в особенности сдобренные революционным соусом.

Но вернусь к Эйхенталю. Эта фирма издавала ежемесячный журнал «Филателия», дававший интересный материал о новинках, общую информацию по

коллекционированию, объявления и конкурсы на премии – по филателии, конечно.

Один из них, например, изображал морской берег с домами, людьми, пальмами, животными.

На мысе стоял маяк, а в море плавали всевозможного вида корабли. Все эти рисунки были взяты с различных марок, и задача состояла в том, чтобы указать, с каких именно.

Этот журнал, удачное расположение магазина, любезный хозяин и привлекательные шведки-продавщицы делали магазин излюбленным местом встречи коллекционеров, становясь как бы их клубом.

Вспоминаю курьез: прогуливаясь по Невскому со своим приятелем и сослуживцем по полку – князем М., я упросил его зайти к Эйхенталю – нужно было купить одному юнцу в подарок марки Ньяссы.

Пылкий кавказец М. загляделся на хорошеньких блондинок-шведок и по выходе из магазина послал им пятифунтовую коробку крафтового «Миньона», а затем зачастил в магазин, покупая марки, которые ему были нужны, как курице бинокль, и в которых он понимал не больше, чем я в Халдейской грамматике. Чем закончилось это своеобразное «филателистическое» увлечение – не знаю, так как я уехал на фронт.

III.

В 1916 году я отправился на фронт сражаться против австрийцев. Окопы гвардии были вырыты в Копачевском лесу, недалеко от австрийского городка Блудова. Настало время забыть все о своих филателистических наклонностях, так как не только собирать, но и видеть марки в течение 2-х лет не довелось по той простой причине, что корреспонденция с фронта и на фронт не подлежала почтовой оплате, если на конверте значилось: «В действующую армию» или стоял штемпель с орлом и надписью: «Из действующей армии». Если добавить к такой льготе получение от различных патриотических организаций подарков для солдат, с обязательными конвертами и почтовой бумагой, то, можете себе вообразить, какие горы корреспонденции отправлялись ежедневно с фронта. Чтобы шпионы не могли воспользоваться сведениями, сообщавшимися в простоте сердечной солдатами в своих письмах, – существовала правительственная цензура, но ей было бы не под силу одной справиться с таким потоком писем, а поэтому к цензурированию были привлечены и офицеры той части, из которой письма исходили. На просмотренных письмах ставился штамп: «Проверено полковой цензурой»; печать и подпись офицера, и письмо благополучно следовало по назначению.

Боже, что за нудная и утомительная была эта обязанность. Письма, как это водится у крестьян, были написаны по одному и тому же шаблону и напол-

нены многочисленными поклонами – дяде Пахому, тете Фросе или любезному сыну нашему – Ивану Степановичу, а справишься у автора, и окажется, что этому «любезному Ивану Степановичу» от роду всего лишь четыре месяца.

Полковая цензура была много мягче правительственной. Так последней, например, не было пропущено офицерское письмо за фразу: «Наслаждаемся хорошей погодой и ясным, голубым небом». Цензор мотивировал: «По ясному, голубому небу неприятель сразу догадается, что полк стоит на Юго-западном фронте».

Подошла революция, а за ней – большевизм и развал фронта. Я вернулся в родной Оренбург. Город в гражданскую смуту был отрезан и от Самарской, и от Ташкентской ж. д. Корреспонденция остановилась, марок не видели, и стало не до них по пословице: «Не до жиру – быть бы живу».

В 1920 году прибыл я с Каппелевской армией в Читу, и вот тут-то снова заговорило ретивое сердце филателиста – увидели новинки: надпечатки на русских марках в 3 р. 50 к., 5 р., 10 р., а потом и ДВР. Последний мой этап уже из Приморья был в Харбин. Еще в 1921 году отправлял из Харбина письма с русской почты, оклеивая их «Мошковским» выпуском марок с надпечатками в 10 цент на 10 коп., и т.д.

Вскоре русские, а за ними и иностранные почтовые конторы на территории Китая были закрыты, и воцарилась китайская марка с джонкой. Солидный запас русских марок для почты в Китае с соответствующими надпечатками хранился в подвалах Русско-Азиатского Банка. Запас этот был распределен между русскими служащими по почтовому ведомству в Китае, вместо причитавшихся им заштатных денег, платить которые за неимением правительства было некому. Последние, желая реализовать запасы марок и получить деньги, предложили марки крупным марочным фирмам, а в результате явилось колоссальное снижение цен на такие марки во всех каталогах.

На этом пока и закончу свои «марочные воспоминания».

ЧАСТЬ 4. ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

С известной работы Л. Нохлин «Почему не было великих художниц?» принято вести отчет гендерной истории искусств. Как показывают Russell W. Belk и M. Wallendorf в обзоре научной литературы, посвященной проблеме гендера в коллекционировании, женское собирательство чаще всего не рассматривалось в качестве серьезного коллекционирования, более того, существует противопоставление мужчины как коллекционера и женщины как потребителя. Гендерные роли, усваиваемые в ходе социализации, предписывают мужчине такие качества, значимые для коллекционирования, как азарт, агрессивность, системность, рациональность, ориентация на реализацию себя во внешнем мире. Соответственно, и коллекционирование как активная форма поведения связывается с миром мужских занятий.

Russell W. Belk и M. Wallendorf, отталкиваясь от мнения о том, что коллекционирование тесно связано с процессом самоидентификации, а идентичность в том числе обусловлена и гендером, приходят к утверждению, что гендер выражается и промаркирован в процессе коллекционирования через гендерный смысл собирательской деятельности, гендерные объединения объектов собирательства и гендерного использования коллекций.

Рассмотрим некоторые исторические примеры женщин-коллекционерок в России. Так, княгиня Е.Р. Дашкова, оставшись после смерти мужа вдовой с двумя детьми, по примеру аристократов-мужчин, предпринимает долгое заграничное путешествие с целью дать образование своему сыну. Заграничные путешествия были одним из главных источников пополнения собраний для коллекционеров-аристократов. В биографиях Н.Б. Юсупова, Строгановых, Голицыных и других аристократов часто встречаются сведения о том, что первые шаги в коллекционировании делаются именно во время обучения или путешествия по Европе.

В своих воспоминаниях Е.Р. Дашкова упоминает о встречах с европейскими коллекционерами, покупке экземпляров для своего собрания: «С удовольствием помогала я Байерсу в размещении его богатого кабинета «резных камней», который он не хотел делить и продавать по частям. Екатерина по моей рекомендации купила его целиком» [Дашкова]. В Неаполе, судя по воспоминаниям, Дашкова купила несколько картин, эстампов и скульптурных произведений. Благодаря графу Марути приобрела две картины Каналетто. «В Венеции я запаслась гравюрами первостепенных художников в дополнение к уже начатой мной коллекции, которая заключала образцы постепенного развития искусства во все периоды его истории» [Дашкова]. Во время остановки в Праге Е.Р. Дашкова «собирала образчики окаменелого дерева и куски мрамора, купленного

очень недорого» [Дашкова]. В Вене во время посещения императорской галереи ей были подарены дубликаты нескольких вещей из венгерских рудников и других провинций.

Пример Е.Р. Дашковой как женщины-коллекционера очень интересен. По сути, европейские практики, в числе которых образовательные путешествия, коллекционирование, занятие наукой, воспринимаются Дашковой как мужские практики, которым она вынуждена следовать. Пример в российском обществе она находит только в лице императрицы Екатерины II. Как и для многих русских аристократов-мужчин, для Е. Дашковой коллекционирование связано с освоением европейской культуры, как науки, так и искусства, через путешествие. Но в случае с Е. Дашковой путешествие по Европе и собирание коллекций связывается ею с необходимостью дать образование сыну, т.е. собственные интересы проявляются через подчинение их ответственности за будущее сына, о котором после смерти мужа может позаботиться только она сама.

Другой моделью самореализации женщины, нежели светская жизнь, была семья, интересы мужа, общие увлечения. Таким примером является графиня П.С. Уварова (1840–1924). П. С. Уварова (до замужества Щербатова) - графиня, археолог, общественный деятель, меценат, собирательница русских древностей, жена Алексея Сергеевича Уварова. В 1859 г. Прасковья Щербатова вышла замуж за графа Алексея Сергеевича Уварова. И уже свадебное путешествие по Европе было не просто развлечением, а своего рода приобщением юной супруги к тем интересам в области науки о древностях, которые были у А.С. Уварова.

Не получив возможности возглавить созданную в 1859 г. Императорскую Археологическую Комиссию, граф А.С. Уваров создает Московское императорское археологическое общество, выступая меценатом для русской археологии. В эту общественную деятельность, связанную с проведением археологических раскопок, публикацией археологических исследований, проведением археологических съездов и организацией выставок, включается и возглавляет после смерти мужа графиня П.С. Уварова.

В 1860–1870 гг. П. С. Уварова помогала мужу в пополнении коллекции частного «Порецкого музеума» в фамильном подмосковском имении. После смерти Алексея Сергеевича она много сил отдала систематизации коллекции.

Все порецкое собрание было распределено на 18 отделов: «курганские вещи», «иконы живописные», «иконы литые», «финифть», «церковная утварь и вещи церковного обихода», «предметы домашнего быта», «монеты русские», «медали», «рукописи», «грамоты и акты» и т.д.

Прасковья Сергеевна и сама занималась коллекционированием. В Карачарове была собрана фамильная портретная галерея. Тут хранились портреты Святополк-Четвертинских, Нарышкиных, Уваровых, Разумовских.

Западноевропейская живопись была представлена произведениями художников Рибейры, Доссо-Досси, Тьеполо, а также такими, как «Портрет старика» неизвестного фламандского мастера XVII в., «Распятие», выполненное неизвестным итальянским мастером круга Джотто, миниатюрными копиями с произведений Рафаэля, сделанными немецкими художниками XIX в., акварелями Корроди, Майнелла, Пассини, Мюллера, Линдемана. Русская живопись представлена произведениями А. А. Иванова, К. П. Брюллова, А. Е. Архипова, В. Д. Поленова, рисунками и акварелями И. И. Шишкина, А. К. Саврасова, С.И. Светославского и др.

Здесь были сосредоточены также коллекции мебели, фарфора, бронзы, стекла и хрусталя XVIII – XIX вв. В Карачарове находилась и часть богатейшей фамильной библиотеки Уваровых. Большая часть книг на русском языке; около 800 – на французском, немецком, английском, испанском, польском, латинском, итальянском языках.

В московском особняке Уваровых располагалось еще одно собрание искусства и старины. Здесь были картины, нумизматическая коллекция (монеты греческие, русские, славянские), бронзовые бюсты и статуи, археологические памятники, коллекция рукописей (более трех тысяч названий).

Таким образом, для русских аристократок коллекционирование могло выступать как практика, включенная в салонную культуру, организация пространства, демонстрирующего не только высокий социальный статус, но и художественный вкус, претензию на роль законодательницы моды, в том числе в искусстве. Другие смыслы вкладывались в коллекционирование, связанное с реализацией себя в роли друга мужчины, супруги, полностью разделяющей интересы мужа, если необходимо, продолжающей ту миссию и дело, которые были начаты мужем. Пример П.С. Уваровой в данном контексте очень важен, тем более, что есть и воспоминания, написанные графиней.

Распространенной моделью женского коллекционирования является модель помощницы мужчины-коллекционера, чаще всего мужа. В таком случае инициатива в коллекционировании исходит от мужчины, но в случае с наследованием коллекций женщина может на себя брать роль продолжателя этой миссии, выступать в роли главы научного общества, как, например, графиня Уварова. Но это все-таки редкое исключение. Чаще женщина-коллекционер начинает более активно участвовать в новых видах деятельности – в выставках, в научных, просветительских и благотворительных обществах, выступает в роли хозяйки «частного музея» – салона. Первым частным галеристом стала именно женщина, а именно Добычина Надежда Евсеевна (1884–1950), создательница «Художественного бюро» (1911–1919).

Источники для самостоятельной работы

Достоевская А.Г. Воспоминания¹⁵

...в своих спорах со мной отвергал [Ф.М. Достоевский] в женщинах моего поколения какую-либо выдержку характера, какое-нибудь упорное и продолжительное стремление к достижению намеченной цели. Например, он один раз говорил мне:

- Возьми такую простую вещь – ну, что бы такое назвать? да хоть собирание почтовых марок (мы как раз проходили мимо магазина, в витрине которого красовалась целая коллекция). Если этим займется мужчина систематически, он будет собирать, хранить, и если не отдаст этому занятию слишком большого времени, и если и охладет к собиранию, то все-таки не бросит его, а сохранит на долгое время, а может быть, и до конца своей жизни как воспоминание об увлечениях молодости. А женщина? Она загорится желанием собирать марки, купит роскошный альбом, надоеет всем родным и знакомым, выпрашивая марки, затратит на покупку их массу денег, а затем желание в ней уляжется, роскошный альбом будет валяться на всех этажерках и в заключение будет выброшен, как надоевшая, никуда не годная вещь. Так и во всем, в пустом и серьезном – везде малая выдержка: сначала пламенное стремление и никогда – долгое и упорное напряжение сил для того, чтобы достигнуть прочных результатов намеченной цели.

Этот спор меня почему-то раззадорил, и я объявила мужу, что на своем личном примере докажу ему, что женщина годами может преследовать привлекающую ее внимание идею. «А так как в настоящую минуту, – говорила я, – никакой большой задачи я пред собою не вижу, то начну хоть с пустого занятия, только что тобою указанного, и с сегодняшнего дня стану собирать марки».

Сказано – сделано. Я затащила Федора Михайловича в первый попавшийся магазин письменных принадлежностей и купила («на свои деньги») дешевенький альбом для наклеивания марок. Дома я тотчас слепила марки с полученных трех-четырёх писем из России и тем положила начало коллекции. Наша хозяйка, узнав о моем намерении, порылась между письмами и дала мне несколько старинных Турн-Таксис (Turn-Taxis) и Саксонского королевства. Так началось мое собирание почтовых марок, и оно продолжается уже сорок девять лет. Конечно, я никогда не делала никаких усилий для их коллекционирования, я только копила их, и в настоящее время у меня <...> штук, из которых некоторые представляют редкости. Могу дать слово, что ни одна из марок не куплена на деньги, а или получена мною на письме, или мне подарена. Эту слабость

¹⁵ М.; Л., 1925.

близкие мои знают, и дочь моя, например, присылает мне письма с марками разной ценности. От времени до времени я хвалилась пред мужем количеством прибавлявшихся марок, и он иногда подсмеивался над этой моею слабостью.

Тенишева М.К. Впечатления моей жизни¹⁶

За границей художник или художница, имеющие средства и принадлежащие к известной среде, признаются и обществом, и художественным миром. Но в России, к сожалению, художественные круги враждебно относятся к людям, выходящим из другой среды, особенно обеспеченным, особенно женщинам. Женщине из общества очень трудно создать себе имя, пробить кору равнодушия, пристрастия или явной недоброжелательности. На нее смотрят как на тщеславную самодурку или подозревают, что труд ее исполнен чужими руками. А в своем кругу она проходит за чудачку, оригиналку, желающую позировать, ей не прощают ее стремлений и судят гораздо строже, нежели обыкновенных профессионалов...

<...>

Моя акварельная коллекция из года в год росла и богатела, и пользоваться ею становилось все затруднительнее. Часть акварелей была развешена по стенам, но нельзя же было увешать ими все стены, к тому же акварель боится света, поэтому для хранения всей этой массы я заказала специальные шкафы с выдвижными полками, страшно загромождавшие комнаты. Я видела, что больше уже приобретать акварелей некуда, коллекция моя очень богата и полна, и потому стала понемногу прекращать покупки. Да и муж не на шутку стал ворчать на мои траты, не понимая моей цели. С каждым разом денежный вопрос становился все острее. Как человек практичный, князь прямо говорил мне, что всю эту «дрянь», собираемую мной, я никогда и никуда не суну, и если я думаю, что это капитализация, то я очень сильно ошибаюсь, потому что меня заставляют платить дорого, а покупателей я никогда не найду. Меня эти слова задевали за живое, подстрекали меня, и мне захотелось доказать мужу, что куда поместить – я, конечно, найду...

Чтобы можно было определить куда-нибудь мою коллекцию, нужно было, чтобы общество и сильные мира сего ее увидели и оценили, а для этого нужно было ее где-нибудь показать. Я решила устроить выставку в Обществе поощрения художеств на свой счет, входную же плату пожертвовать Обществу, а сбор с каталогов – Дамскому кружку. Таким образом моя выставка не носила характера коммерческого предприятия с целью личной выгоды. Принцесса Евгения

¹⁶ Л.: Искусство, 1991.

Максимилиановна Ольденбургская, всегда любезно относившаяся ко мне, взяла выставку под свое покровительство.

<...>

Муж ненавидел старину, находил, что это решительно ничего не дает науке и, несмотря на свой ум, отрицал даже пользу древних вещей для восстановления картин старины. Меня же он всегда дразнил моей страстью коллекционерства. Садясь на какой-нибудь стул, он никогда не преминет, бывало, сказать:

- Ах, Боже мой, может быть, и садиться нельзя, может быть, кощунство прикасаться к нему?

Иногда он говорил:

- Уберите отсюда эту дрянь, это только заводит пыль и моль.

Или так:

- Боже мой, как противно жить в этой обстановке дряхлости и древности... Эта рухлядь говорит только о том, что наши деды не понимали ни комфорта, ни механики, ни логики...

Подобным выражениям и словам не было конца. Он всегда колол меня этим, а деньги, потраченные на покупку старинных вещей, считал брошенными в огонь, и при этом всегда повторял:

- Что бы делали старьевщики, если бы не было таких самодурок, как ты?

Дошло до того, что я, желая избавиться от лишних пререканий, колкостей и споров, стала прятать все, что приобретала. Мои чуланы, комоды, чердаки, шкафы были складами моих сокровищ.

Строев М. Из дней недавних¹⁷

Не все москвичи-коллекционеры знали этот уголок, но собиратель, побывавший в нем хоть раз, привыкал к нему быстро, любил его и посещал часто. Я говорю о крохотном антикварном магазинчике в полуподвальном этаже дома Осиповских на Воздвиженке. Магазинчик этот открылся в 1912 году, торговал первоначально современной посудой, которую тут же расписывали и обжигали в крохотном горне, а затем постепенно обратился в мастерскую реставрации фарфора и антикварную лавочку, поставляя своим клиентам преимущественно фарфор, бисер и стекло. Хозяйка магазина, Ксения Николаевна Иванова, женщина средних лет, обходительная и всегда любезная, ведшая свое дело самостоятельно с момента его возникновения, была, кажется, единственной женщиной-антикваром в Москве.

Антикваром Иванова сделалась совершенно случайно: торгуя кузнецовской посудой, которая получалась с фабрики в нераскрашенном виде, а затем

¹⁷ Журн. «Среди коллекционеров». 1921, апрель. С. 12–17.

расписывалась от руки или украшалась при помощи декалькома...в ее мастерской. Она купила у какой-то старухи несколько старинных чашек, потертых и полуоблезлых, конечно, за бесценок. Чашки заинтересовали ее яркостью раскраски и красивым сочетанием тонов, и она решила попробовать реставрировать их. Реставрация удалась вполне, и первая же чашка, вынутая из обжига, так понравилась хозяйке мастерской, что она решила не продавать ее никому, а поставить на единственное окно магазинчика для украшения выставки. В тот же день какой-то любитель фарфора проходил мимо окна и заметил яркую чашку, быстро вошел и сразу спросил цену вещи. Растерянная хозяйка назначила за чашку пять рублей, полагая, что такая странная цена смутит покупателя, но тот согласился, и она принуждена была уступить вещь, которую никому не хотела продать.

Случай с реставрированной чашкой поразил Иванову: она заинтересовалась старинным фарфором, который ей предлагали и раньше случайные посетители магазина. И стала с тех пор принимать на комиссию старинные вещи, совершенно не разбираясь в них и назначая цену на удачу. На окне магазинчика наряду с бедной и невзрачной кузнецовской посудой стали появляться яркие поповские чашки, пестрые флаконы, статуэтки и даже целые сервизы. Зоркий глаз коллекционеров сразу заметил перемену на окне посудной лавочки на Воздвиженке, и через месяц Ксения Николаевна уже имела определенный круг покупателей, который увеличивался день ото дня, предъявляя к ней все большие и большие требования, и понудил ее наконец забросить кузнецовскую посуду и обратиться в настоящего антиквара. Многие московские коллекционеры с удовольствием вспоминали то время, когда Иванова, подобно всем начинающим торговцам антиквариатом, шла ощупью, являясь ученицей своих покупателей; не одну прекрасную вещь приобретали у нее за бесценок. Какие же цены были в то время у нее тогда в магазине! Хорошая статуэтка Попова или Гарднера стоила 5–6 рублей, приличную чашку можно было иметь за 2–3 рубля, а про стекло и бисер не стоит и говорить. Но не одно это обстоятельство привлекало покупателей в подвальчик на Воздвиженке: здесь встречались почти ежедневно московские коллекционеры, сживали подолгу и вели беседу о любимом предмете, пользуясь гостеприимством хозяйки и делясь друг с другом впечатлениями, познаниями и опытом. Сама хозяйка принимала участие в этих беседах, живо интересуясь вещами, изучая вкусы своих покупателей и приобретая необходимый ей опыт. В подвальчике было тепло и уютно среди горок с посудой, расставленных в беспорядке, среди пыльных рам, сваленных в угол и поломанных кресел красного дерева. От этой обстановки веяло стариной, и это влекло собирателей. Истинный коллекционер не любит роскошных антикварных магазинов, где вещи чинно расставлены на полках и где чопорный хозяин холодно любезен с покупателям.

ЧАСТЬ 5. КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Революционные события 1917 г., несомненно, стали рубежом, определившим российскую историю XX в. Дореволюционное частное коллекционирование, появившееся в России в процессе модернизации как новая культурная практика, прекратило свое существование в течение первых лет революции. Были национализированы по классовому принципу не только известные дворянские и промышленно-купеческие собрания, составлявшие до сих пор основу российских музейных фондов, но и все коллекции и библиотеки, представлявшие интерес для государства.

Очень немногие дореволюционные коллекционеры, в том числе и передавшие государству свои собрания, а иногда и целые музеи, смогли остаться при них в качестве хранителей.

«На обломках» дореволюционного коллекционирования, начиная с 1921 г., появляются новые, советские, практики коллекционирования, наполнявшиеся другими смыслами и формами. Вчитываясь в документы, связанные с первыми шагами советского коллекционирования, хорошо видно отсутствие единого плана, и даже, в какой-то степени, проявляется фактор случайности в деятельности тех лиц, которые оказались непосредственно причастными к появлению нового, советского, дискурса коллекционирования.

В 1921 г. председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности Ф.Г. Чучин обращается во все возможные инстанции с проектом об установлении государственной монополии на торговлю филателистическими материалами внутри страны и за ее рубежами и об обращении доходов от государственной филателистической торговли на усиление борьбы за ликвидацию неграмотности. Не добившись поддержки, Ф.Г. Чучин передает свой документ через Н.К. Крупскую Ленину. И далее этот Проект, утвержденный Лениным с рекомендацией провести его декретом, а также распространить на боны и приурочить к помощи детям, выходит уже в виде Постановления Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК.

По всей стране рассылается инструкция, подготовленная Ф.Г. Чучиным, о сборе почтовых марок, идут соответствующие кампании в поддержку советской филателии. Так, например, 19 августа 1922 г. проводится первый День филателии, а с сентября 1922 г. начинает выходить ежемесячный журнал «Советский филателист», который в 1925 г. будет переименован в «Советский коллекционер».

Таким образом, коллекционирование ставится под контроль государства. Если в 1917 г. в ходе национализации частные собрания становятся государственной собственностью, коллекционирование рассматривается как пережиток

прошлого, то начиная с 1921 г., происходит своего рода реабилитация практик коллекционирования. С одной стороны, контроль и монополия со стороны государства на международную торговлю предметами коллекционирования позволяет решать экономические задачи, получать валюту и закупать необходимые товары. Планируемая Ф.Г. Чучиным сумма в 10 миллионов рублей золотом при продаже собранных 350 миллионов марок не была получена, но тем не менее за период 1922–1927 гг. удалось продать марок иностранным и советским коллекционерам на 250 тысяч червонных рублей.

С другой стороны, советское коллекционирование противопоставляется буржуазному и постепенно начинает рассматриваться как один из способов окультуривания масс. Потенциал филателии и новых форм коллекционирования в борьбе с безграмотностью и идеологической работе дает новые возможности в связи с дискуссией вокруг так называемого «тематического коллекционирования». Нужно отметить, что в филателии до определенного времени коллекционирование марок велось по странам, для того, чтобы собрать коллекцию определенного уровня, нужно было иметь редкие марки, вкладывать в коллекционирование финансовые средства. Вот, собственно, против этих признаков «буржуазной филателии» выступает кружок юных филателистов из Златоуста в 1925 г. Таким образом, тематический принцип коллекционирования становится ключевым для советского собирательства, распространяясь из филателии и на другие сферы коллекционирования – бонистику, филократию, филумению, библиофильство. Тематический принцип позволял также «избавить» коллекционирование от привязки к финансовым возможностям собирателя. В «Златоустовской платформе» противопоставляется буржуазное коллекционирование как собирательство редкостей, где качество собрания зависит от вложенных средств, советскому коллекционированию, для которого значение коллекции определяется выбором интересной и значимой темы, полнотой ее раскрытия в собрании, а не количеством уникальных экспонатов. Тем самым менялись смыслы коллекционирования: от коллекции как материального сокровища к коллекционированию социалистическому как познавательному и воспитательному досугу.

Характер прежнего коллекционирования предполагал наличие свободного времени, необходимого для поиска новых предметов коллекции, их изучения, погружения в коллекционирование как особую практику, и даже в какой-то степени психологическую зависимость коллекционера от своего увлечения. Всей этой «психологии рантье» в советском коллекционировании противопоставлялись доступные и массовые виды собирательства. Не случайно, что новые принципы советского коллекционирования были первоначально сформулированы на материале филателии, а потом распространены на другие виды со-

бирательства. Марки прежде всего гашеные марки, были доступны всем, таким образом можно было пропагандировать массовые практики коллекционирования, а утверждение: «в СССР филателия будет или доступна массам, или же ее совсем не будет» – соответствовало в целом идеям коллективного характера не только труда, но и досуга.

Занятия спортом, туризм и коллекционирование, включая собирание библиотек, не просто приветствовались, но всячески пропагандировались, в том числе в рабочих коллективах. В публикациях в журнале «Советский коллекционер», возобновившемся с 1963 г. по инициативе Московского городского общества коллекционеров, часто приводятся примеры деятельности коллекционеров, широко использующих свою коллекцию для ведения общественной работы на производстве.

Коллекционирование в советское время стало массовым, судя, например, по изменению состава Всероссийского общества филателистов. Так, в 1924 г. в списке действительных членов Всероссийского общества филателистов насчитывалось 104 человека, в 1963 г. «насчитывается около 200 тысяч коллекционеров, объединенных в значительной части более чем в ста городских и областных обществах»¹⁸. Этот массовый характер носили прежде всего такие виды коллекционирования, как филателия, нумизматика, бонистика, филократия, филлумения, библиофильство. Именно эти виды собирательства нашли отражение в сборниках «Советский коллекционер», научно-популярной литературе, посвященной коллекционированию в целом и отдельным коллекционерам в частности.

Однако, наряду с массовыми практиками коллекционирования, которые имели тенденцию к стандартизации и управляемости со стороны государства, через всю советскую историю прошли и формы более индивидуализированного коллекционирования. Коллекционирование антиквариата, а тем более картин запрещенных художников, как русского авангарда, так и неофициального искусства, если и находило отражение в советских средствах массовой информации, то только в осуждающих материалах о спекуляциях и наживе.

¹⁸ См.: Советский коллекционер (журн.). 1963. С. 10.

Источники для самостоятельной работы

Чучин Ф.Г. Наши задачи¹⁹

1. Очищение филателии от нездорового наносного спекулятивного элемента личной наживы коллекционеров-коммерсантов, филателистов-торговцев, спекулянтов-чиновников, фальсификаторов-мародеров и просто разных проходимцев-невежд и постепенно – по мере наших сил и возможностей – возведение ее в степень самостоятельной науки.

2. Посильная разработка и освещение отдельных проблем этой молодой кандидатки в науки, широкая популяризация и пропаганда филателистических идей и выяснение прикладного ее значения в научном, педагогическом, эстетическом и экономическом отношениях.

3. Использование филателии – как средства пропаганды идей Великой Революции и приобщение РСФСР в филателистическом отношении к наиболее передовым буржуазным странам Европы и Америки.

4. Организация русских филателистов вокруг нашего журнала и удовлетворение потребностей идейных филателистов-коллекционеров.

5. Всемерное содействие проведению в жизнь строгой монополии во внешней торговле материалами и принадлежностями филателии исключительно в целях улучшения жизни детей и борьбы с физическим и духовным голодом населения, равно наблюдение за доброкачественностью ввозимого и вывозимого из РСФСР филателистического товара.

Что и как собирать? Платформа Златоустовского кружка юных филателистов²⁰

Обычно собирают марки по странам. Специализируются, напр., на Европейских странах и т.д. При этом каждый стремится собрать по возможности все марки страны, все серии, все разновидности, все опечатки, причем с особой гордостью отмечают редкости. Качество альбома всегда при этом способе коллекционирования прямо пропорционально количеству вложенных средств. Для буржуазии это имеет смысл. Для нас это бессмысленно.

Помимо этого, при бешеном темпе нашей жизни, при перегруженности всех учащих учебной и общественной работой мы не имеем досуга, чтобы копаться в зубчиках, водяных знаках, утонченности марок, качестве бумаги. У нас нет времени, чтобы ухаживать за марками, как старая дева за кошками,

¹⁹ Советская филателия. 1922. № 1. С. 3–4.

²⁰ Советский коллекционер. 1925. № 5 (33). С. 4–5.

купать их, отмывать бензином, сушить, смывать гуммировку и т.д. Самого стремления к редким курьезам, сдвигам, опечаткам мы совсем не понимаем. Вообще многое в буржуазной филателии кажется нам чуждым для психики людей нашего времени. Вся эта филателия полноты коллекции, погони за редкостями, ненормальностями и уродствами – по нашему мнению – носит все характерные черты психики рантье.

Наше главное положение: марка не есть только «знак почтовой оплаты», марка прежде всего исторический документ эпохи. Филателист – это собиратель исторических документов, подлинных настоящих свидетелей эпохи. Это такой же собиратель, как историк, собирающий древние манускрипты. Марка ценна постольку, поскольку она богата содержанием. Не редкость, а богатый содержанием документ. Мы сознательно переходим к собиранию таких марок.

Что значит, когда начинающий ищет рисунка на марке? Это бессознательное стремление к содержанию. Начинающий, не искусленный в филателистической схоластике, по требованию здравого смысла, ценит именно содержание, а не редкость марки. Марка выпущена в сотне экземпляров, ходила три дня, но если на ней нарисована всего одна ничего не говорящая цифра, если она ни о чем не говорит и самый факт выпуска ее ни с каким событием не связан, мы просто выкидываем такой хлам, не удостаивая его наших альбомов.

Мы составляем наши альбомы так:

Первобытное общество (какую красивую и полную характеристику могут дать, например, французские колонии).

Кочевое общество, скотоводство (тоже франц. колонии).

Какую красочную страницу феодализма могут дать некоторые немецкие марки (например, рисунки рыцарей, замков, готических соборов).

Какие дивные страницы даст «Эпоха открытий». Марки с Колумбом, португальские – с Васко де Гама, капитаном Куком и т.д.

Затем – «Развитие капитализма» с подразделениями: а) техника, б) пути сообщения, с) классы.

Из новых марок как легко составить страницы «Экономические предпосылки капитализма», «Балканская война». А «Мировая война»! Какую яркую картину можно составить, начиная от марок убийства эрц-герцога, вплоть до благотворительных в пользу инвалидов. А как красиво выглядят страницы «Версальского мира» или же «Эпоха инфляции и денежных реформ после Версаля»!

Имеет ли смысл для нашей коллекции знаменитая марка Маврикия? Никакого. Она ни о чем не говорит. А вот дешевая марка Мадагаскара, где, обливаясь потом, несчастные негры на плечах тащат гордого француза! Эту марку мы ценим. Ведь это живой документ наглого циничного империализма. Такие марки мы собираем.

Филателия должна покончить с методами «кунсткамеры» Петра I-го, где собирались все уродства, раритеты, невиданные диковинки. Конечно, и разнообразность зубчиков, и водяные знаки, и качество бумаги, и краски имеют значение, но лишь для экспертизы, для определения подлинности марки. Этим пусть занимаются единицы – знатоки, профессора филателии.

Наши тезисы:

1. Марка (не каждая) – подлинный исторический документ эпохи.
2. Собирать нужно только марки – документы эпохи, а не простые знаки почтовой оплаты.
3. Необходимо отбросить фетишизм редкостей, ненормальностей, сдвигов, курьезов, раритетов. Это – филателия рантье. Количество зубчиков, водяные знаки, гуммировку, качество бумаги предоставить экспертам.
4. Собирать нужно не по странам, а по темам историко-политико-экономическим, вроде «Версальского мира», «Империализма» и т.д. Можно взять в качестве темы историю отдельной страны, но это будет «история страны в марках», а не «история выпусков знаков почтовой оплаты страны», во что в лучшем случае вырождается буржуазная филателия.
5. Только такой метод собирания годен для среднего филателиста. Этот метод более интересен и лучше выявит положительные качества филателистов, так как по этому методу лучший альбом будет не у самого богатого коллекционера, а у того, кто сумеет лучше оценить марку как документ эпохи и лучше сделать подбор марок по темам».

Рачковский Ш. Филателия и пионеры²¹

В конце 1924 года в органе юных пионеров «Юный Строитель» появилась коротенькая заметка, в которой указывалось, что пионерам не следует собирать марки (счастливые бонисты о них ни слова), ибо это отнимает время и т.д. Несколько раньше опубликования этой заметки организовалась Минская секция юных коллекционеров. Неизвестно, по каким причинам мы при организации последней встретили сопротивление со стороны небольшой группы пионеров – не коллекционеров, но несмотря на это на первом же организационном собрании в Секцию записалось свыше 20 человек-пионеров. После же появления этой злополучной заметки у нас осталось всего 5 пионеров, остальные почти все бросили собирать (может быть временно). Мы потеряли лучшую часть нашей Секции.

Мне приходилось беседовать с некоторыми из ушедших из Секции и я выяснил следующее.

²¹ Советская филателия. 1926. № 8. С. 21

Молодежь в большинстве своем коллекционирует очень азартно, забывает о еде, школе, пионер-отряде и т.д. Завидуют друг другу, мол, у того лучшая коллекция, а у меня хуже. Но что хуже всего, это когда пионер, для того, чтобы пополнить свою коллекцию, начинает спекулировать, пускаться на разные махинации, стараясь обмануть своего же товарища. На это обратили внимание некоторые руководители пионер-отрядов и в результате мы имеем вышеупомянутую заметку. Мне пришлось согласиться с одним вожатым отряда, что коллекционирование в том виде, в каком оно сейчас практикуется, совершенно не подходит пионерскому воспитанию. Он представил мне факты проявления резких черт индивидуализма на почве коллекционирования, что в настоящее время идет в разрез с коммунистическим воспитанием молодежи. Несмотря на это данный товарищ подымал обе руки за коллективное коллекционирование. За что все это говорит? Мы должны найти другой, новый метод коллекционирования, который бы действительно являлся полезным воспитателем молодого поколения, о чем неоднократно писал т. Чучин. Мы должны собирать по новому. За основу хотя бы взять «Златоустовскую платформу». Хотя она «провалилась» на 2-м съезде ВОК, но этот провал еще не доказывает, что «Златоустовская платформа» неприемлема. Мы не должны забывать, что за нее голосовали почтенные как по годам, так и по стажу коллекционеры, которым безусловно трудно начать собирать по новому. Если бы съезд был не Всесоюзного Общества коллекционеров, а секции Юных Коллекционеров, то я более чем уверен, что результат был бы другим. Я предлагаю еще раз обсудить «Златоустовскую платформу» в секциях Юных Коллекционеров, и результаты вам покажут, действительно ли она жизненна.

Я лично от имени комсомольской и пионерской части Минской Секции всецело ее поддерживаю.

Горбунов Леонид. Лето приходит²²

До сих пор лето было злом наших юнсекций. Почти всюду, когда приходит лето, школы прекращали занятия, приостанавливалась, а иногда и совсем замирала работа юных коллекционеров.

Это и понятно.

Страсть к собиранию марок летом обычно ослабевает у всех. Кому хочется сидеть в душной комнате и копаться в марках, когда близко пруд, лес или городской парк? Но несмотря на все это, мы собираемся предложить юнсекциям некоторые мероприятия, связанные именно с летней работой. Прежде всего, каждая юнсекция должна наметить небольшой план летней работы и этот план по-

²² Советский филателист. 1927. № 5. С. 18–19

стараться выполнить. В этом году мы не должны допустить развала секций за лето, как это было в прошлые годы. Для этого незадолго до роспуска школ нужно созвать общее собрание юнсекции, на котором и поставить вопрос о работе юнсекции летом. Главное летнее занятие юного коллекционера – собрание так называемых «естественных» коллекций.

За лето нужно как можно шире распространить среди юных коллекционеров собрание бабочек, жуков и других насекомых, птичьих яиц, минералов, составление гербариев, изучение местной флоры и фауны (растительного и животного мира). На последних перед летними каникулами собраниях секции нужно поставить доклады о том, как и для чего собирать такие коллекции, как изучать особенности и богатства своего края.

Доклады можно сделать самим, но еще лучше пригласить для этого кого-нибудь из местных научных работников, например: педагогов-естествоведов из школы, с которой связана юнсекция. Очень полезно также связаться и с юными натуралистами, которые всегда помогут юнсекции.

Большинство юных коллекционеров уезжает летом из города в деревню, на дачу, в совхоз и т.д. Нужно сделать так, чтобы секция за лето не потеряла связи с этими товарищами. Нужно своевременно записать адреса уезжающих и осенью, по окончании каникул, пригласить их на очередное собрание юнсекции.

Но ведь в деревню уезжают не все. Часть товарищей остается в городах и очень часто не знает, чем заняться, как приятно и полезно провести время. Юнсекции должны учесть это и вести летом хотя бы маленькую работу. Собираться придется, конечно, не чаще одного-двух раз в месяц. Собрания лучше всего проводить не в душном помещении, а на воздухе. Можно устроить несколько экскурсий и изучить находящиеся вблизи города памятники старины и искусства. Летом юнсекция сможет помочь и местному краеведческому музею, связаться с которым мы особенно рекомендуем каждой секции.

Если у членов юнсекции будет желание заняться марками и бонами, то это желание нужно всячески приветствовать. Но и эту работу мы должны вынести на воздух с тем, чтобы не потерять, сидя за марками, долгожданное лето.

Осенью, когда все члены юнсекции снова соберутся в городе, полезно подвести итоги проделанной за лето работы и устроить маленькую выставку, где показать достижения.

Наумов Н. Коллекционирование в массы²³

Несмотря на раскрепощение коллекционеров от сектантства и корпорационной замкнутости, лозунг «Коллекционирование – в массы» не уживается с жизнью. До сих пор «чудаки-собиратели» находятся за «китайской стеной» недоверия и отчужденности, потому что собирание бон, марок и монет требует не только общего образования, но даже специальной подготовки, а мудреное название прямо-таки отпугивает непосвященного. Мало того, для коллекционера, желающего заложить фундамент для мало-мальски сносной коллекции, необходимо затратить сумму 10–15 руб. Не у каждого рабочего окажется свободной такая сумма.

Но массовое коллекционирование для СССР, страны рабочих и крестьян, необходимо как воздух, в противном случае коллекционирование, как растение, не имеющее корней, будет обречено на медленное умирание, или еще хуже на питание собственным соком и в результате получится «махровый букет». Поэтому необходимо найти иные пути для вовлечения масс в коллективное коллекционирование, найти объект коллекций, отвечающий интересам массы и доступный каждому грамотному без специальной подготовки.

Таким массовым объектом несомненно является **конфетная обертка**. Вот несколько положительных сторон и преимуществ ее перед другими объектами:

Дешевизна, так как каждый, не тратя почти ни копейки, может создать коллекцию, отражающую современную жизнь (ее запросы на быт и недочеты). Отсутствие денежного риска при приобретении, порче и пр. Следовательно, всякому доступна учеба на собственных ошибках при небольших средствах, а отсюда весьма важное преимущество (правда, пока что!) – нет коммерческой заинтересованности в этом собирании, т.е. спекуляции, надувательства, подделок и самого больного места коллекционирования – узколобого коллекционирования ради эффекта самой коллекции или, вернее, ее материальной ценности.

Доступность понимания массам рисунка каждой обертки, так как выпускающая фабрика учитывает, что конфеты являются предметом широкого потребления, а раз так, то конфетная обертка демократична, всесторонняя, в противоположность аристократизму, корпорационности (папиросы, винные этикетки), и является полным отражением фольклора, народного быта, дум и чаяний масс, или организованно-направленных в стройное русло, или подпадающих под стихийно клокочущее настроение, часто случайного характера.

Конфетная обертка – это обнаженное творчество, это порыв, экспромт, в противовес организованному, скрытому (всевозможными проектами и эскизами) и, следовательно, отшлифованному и бьющему на видимый эффект. Разно-

²³ Советский филателист. 1928. № 7. С. 13–14

образность конфетных мотивов несомненна, так как они должны отражать все стороны жизни народа, чем не может похвастаться ни одна из отраслей коллекционирования.

И если говорить об «исторических памятниках великой борьбы рабочего класса на политическом, трудовом и культурном фронтах революции», то конфетная обертка является именно таковым. Достаточно сделать беглый обзор – и перед нами встает полная картина завоеваний, как стихийно революционных, все сметающих на своем пути, так и организовано строительных, восстанавливающих по-новому, по-своему:

1. Октябрьский шквал в тяжелой борьбе снес старое, поэтому в первом историческом этапе мы встречаем полную непримиримость, ненависть к прошлому: «пусть хуже, но наше», лишь бы не напоминало о проклятом режиме. **Конфеты обернуты в желтую, серую оберточную и даже газетную бумагу.**

2. Победы на фронтах рожают у нового господствующего класса презрение к врагу. Так презирает победитель побежденного и кое-что берет от него, если это полезно. **Употребляют старые обертки, изготовленные на хорошей бумаге, но обертывают конфетку обратной стороной, т.е. рисунками внутрь.**

3. Далее с полной победой на всех фронтах презрение остывает. **Старые обертки закрывают новые конфеты рисунком наружу, но с полным игнорированием соответствия рисунка вкусу конфеты.** Нередко в шоколадную обертку попадали конфеты из сахарина с сомнительной начинкой (дынной или арбузной).

4. Ликвидация гражданских фронтов и переход к новой экономической политике заставляют перекинуть освобожденные силы на внутреннее строительство. Но строить из ничего пролетариат не мог, он медленно шаг за шагом брал окопы на бескровном фронте, учась у побитого и ушедшего врага. В этом этапе мы встречаем подражание, но грубое и неуклюжее. **Конфетные обертки из плохой бумаги, плохими красками, с неумелым исполнением рисунков.**

5. Новое строительство постепенно разворачивается и крепнет настолько, что лозунг «довоенный уровень» является осуществимой задачей теперь же. Перед нами усовершенствованное подражание до полного совпадения. **Обертки конфет настолько совершенны, что зачастую их легко спутать со старыми.** (Обратная сторона этого этапа – подражание и употребление старых).

6. Наконец строительство начинает переваливать за «довоенное». Направление у него свое – новое «советское строительство» с новыми методами. НОТ вносит в строительство социалистические элементы. Но наравне с этим окрепший НЭП дает свой «высокий тон» и часто впадает в вульгарность. **Конфетные обертки изящны, вполне художественны, с отражением до-**

стигнутого во всех отраслях советского строительства, но порой с европейским уклоном и буржуазным лоском.

Таков историко-хронологический разрез конфетных оберток. Несомненно, что приведенные здесь этапы не так строго следовали один за другим, часто между ними не всегда удается провести делящую грань, но схема в основном верна. Полагаю, что у каждого обзоревающего полную коллекцию конфетных оберток возникнет та же схема и те же картины борьбы.

Насколько же больше подобная коллекция даст историку-специалисту!

Размер этой статьи не позволяет сделать разрез историко-предметный, т.е. подробно остановиться на предмете изображений конфетных оберток, отражающих каждый яркий момент советской жизни, как, например, «гражданский фронт», «смычка», «нэп», «индустриализация страны», «финансовая политика» и проч.

Для желающих начать это интересное собирание конфетных оберток сообща, какие отделы могут встретиться при практической работе:

Детский отдел. **Народно-революционно-государственный** (этот отдел, наихарактернейший для советской страны, ибо нигде народный отдел не совпадает с государственным и государственный с революционным). **Этно-географический. Культура, спорт, промышленность. Искусство. Вкусовой. Нэп** (Сюда входят: вульгаризация культуры, утонченный аристократизм и индивидуализм). **Ботанический** (Ягоды, цветы, фрукты, овощи, травы). **Зоологический** (звери, птицы, насекомые)».

Маврикиева Г. Музейные экспонаты²⁴

Врач Иркутского окружного отдела ОГПУ, Яков Михайлович Фалевич, Прибыв в Иркутск в 1920 г. вместе с Красной Армией, обосновался в этом городе на постоянное местожительство и, располагая десятком растрепанных бон, случайно оставшихся в карманах после прогулки по фронтам, решил заняться собиранием денежных знаков и предметов старины, искусства и быта. Материальные средства тов. Я.М. Фалевича были весьма ограничены, поэтому пополнение его коллекции носило весьма скромный характер. Но как бы там ни было, через 9 лет у тов. Я.М. Фаевича образовалось недорогое собрание различных предметов, производившее в общей сложности весьма приятное впечатление.

Так как собрание помещалось рядом с его врачебным кабинетом, то все пациенты, не говоря уже о знакомых, охотно рассматривали отдельные предметы и выслушивали объяснения тов. Я.М. Фалевича, который прививал своим

²⁴ Советский коллекционер. 1930. № 3. С. 65–69

слушателям, а также членам семьи любовь к изучению памятников старины и материальной культуры и был уверен, что творит таким образом культурное дело, дающее удовлетворение не только ему, но и всем, кто с ним соприкасается.

Но скоро ему пришлось в этом разубедиться. В один прекрасный вечер на квартиру тов. Я.М. Фалевича явилось двое в высшей степени любознательных граждан с просьбой показать им собрание, которым они очень интересуются. Тов. Я.М. Фалевич встретил их с распростертыми объятиями, не знал, куда их посадить, раскрыл перед ними настежь все шкафы и в простоте душевной провел с ними весь вечер, знакомя адептов старины и искусства с каждым предметом своей коллекции.

Каковы же были его удивление и тревога, когда на утро следующего дня неизвестные посетители явились снова, но не одни, а в сопровождении любознательного по должности сотрудника уголовного розыска. На этот раз они пришли не для продолжения осмотра коллекции, а для ее ... конфискации. И тут только выяснилось, что таинственными незнакомцами являются инспектор Охрис, Каранторис, и заместитель директора Иркутского государственного музея, Стрелюк, получившие благословение на свой великий подвиг от директора того же музея, Казаковой. Никогда не видев в своем музее того, что оказалось в собрании тов. Я.М. Фалевича, эти ревнители старины и святого искусства пришли к выводу, что, конфисковав коллекцию врача местного отдела ОГПУ, они сразу наладят музейную работу во всем Иркутском округе.

Сказано – сделано. Коллекция тов. Я.М. Фалевича была подробно перечислена в специальном акте и опечатана, а ее злополучный владелец привлечен к судебной ответственности по ст. 188 Уголовного кодекса как злостный укрыватель бесценных музейных сокровищ.

Впрочем, может быть, у д-ра Я.М. Фалевича и в самом деле были накоплены такие музейные ценности, при виде которых ахнули бы не только захудалые иркутские музейные спецы, но даже работники Британского музея? Может быть, у тов. Я.М. Фалевича была не любительская коллекция, а ценнейшее собрание мирового значения?

Посмотрим. Д-р Я.М. Фалевич принес некоторые объекты из своего собрания в суд и там их демонстрировал, указывая номер, под которым они значились в акте. Во время демонстрации заседание суда не раз прерывалось дружным смехом. Да и в самом деле было над чем поохотать. Тов. Я.М. Фалевич показал сначала дешевый рваный китайский веер, который тут же после демонстрации безболезненно можно было бы выбросить в мусорный ящик, если бы в составленном музейными спецами акте он не значился в рубрике предметов большого музейного значения под № 121. Затем советские судьи увидели

бесценные бусы из крымских раковин, привезенные за год до суда одним товарищем с курорта и стоящие 15 – 20 копеек (по акту № 213). Дальше присутствующие вдоволь налюбовались пепельницей из половины кокосового ореха (№ 247), бусами из ягод (№ 215), берестяной крестьянской табакеркой (№ 131), двумя дрянными самодельными кинжалами с деревянными рукоятками, приобретенными тов. Я.М. Фалевичем за несколько копеек при распродаже имущества камеры хранения вещественных доказательств, медной пудреницей, немецкой каской, купленной на базаре за полтинник, и прочими не менее редкими и ценными объектами.

Музейные спецы Карантонис и Стрелюк внесли в акт не только пудреницы и веера, но и предметы, которые к коллекции тов. Я.М. Фалевича не имели никакого отношения и являлись обиходными, напр., кулон жены Фалевича, в акте гордо названный «амулетом» (№ 193), трость с кожаным набалдашником, охотничий нож (№ 64), современные китайские бусы той же жены (№ 216), стеклянные солонки (№ 196) и еще два десятка аналогичных предметов.

Но допустим, что это ошибка, случайность, недоразумение. Обратимся к подлинным коллекциям. Там-то уж, наверное, все обстоит благополучно, и к музейным спецам города Иркутска в этой области нельзя будет придраться. Оказывается, Карантонис и Стрелюк и здесь проявили себя такими же знатоками музейного дела. Увидев у д-ра Я.М. Фалевича всего лишь две боны, эти деятели написали в своем глубокомысленном акте следующее: «Коллекция бумажных и металлических денег, находясь в частных руках, обладая огромным музейным значением, никакой общественной службы не несет, превращаясь в плохо сохраняемые антикварные редкости». Оставляя в стороне колоритный стиль акта, остановимся лишь на существовании этой фразы. Как можно по двум случайным бонам судить о коллекции вообще, а тем более оценивать ее как имеющую «огромное музейное значение»? Правда, в цитируемой выдержке говорится и о монетах. Может быть, они-то и представляют музейную ценность. Но головотяпы и тут сами себя высекли, написав в том же акте: «Нумизматическая коллекция не осмотрена, ввиду неисправности крышки шкафа». Итак, осмотрев из всей коллекции только две замусоленных боны, иркутские музейные чревоушители, не моргнув даже глазом, решили, что у Фалевича должна быть бонно-нумизматическая коллекция «огромного музейного значения». Тут уже не только головотыпство, здесь явное издевательство и над злополучным тов. Я.М. Фалевичем и в особенности над советским судом, который безусловно был введен в заблуждение таким липовым актом.

Еще одна любопытная подробность. В бессмертном акте Карантониса и Стрелюка имеется заключение по поводу коллекции оружия д-ра Я.М. Фалевича, гласящее: «Коллекция оружия очень полная, подобранная по эволюционно-

му признаку». О музейном значении ее почему-то не сказано ни слова. Между тем даже поверхностное ознакомление с собранием оружия тов. Я.М. Фалевича приводит к убеждению, что в нем, за исключением 2-3 предметов, нет ничего интересного. Все в целом вообще не является «полным собранием», а небольшим набором случайных вещей. Да это и понятно, если учесть, что всю свою «полную» коллекцию оружия тов. Я.М. Фалевич приобрел на месте по 40 коп...за пуд. Лучшие вещи он купил по 50 коп..., а наиболее «редкие»...по рублю. А «спецы» из Иркутского музея решили, что это и есть коллекция, «подобранная по эволюционному признаку». В этом нас убеждает еще и то обстоятельство, что под № 58 описи оружия д-ра Я.М. Фалевича иркутские музейные «спецы» поместили «протазан», т.е. холодное оружие в виде широкого копья с острогами низу и с золотую, серебряную или шелковой кистью на длинном древке. Этим оружием, как и бердышами, были вооружаемы царские телохранители. Впервые оно появилось при Дмитрие Самозванце и существовало приблизительно до половины XVIII века. На деле же это был не протазан, а бутафорское копье будочника времен Александра III. Это лучше всего определяет научный багаж двух иркутских музейных работников.

<...>

Дело, оказывается, в том, что Карантонис и Стрелюк поверили обывательским слухам, согласно которым одна монетная коллекция Фалевича стоит 40 тысяч рублей. Вот они и польстились на «сокровища». Когда же на суде тов. Я.М. Фалевич заявил, что его собрание стоит не больше 500 рублей и что он его охотно отдаст Стрелюку за 300 рублей, последний почему-то не воспользовался столь выгодным и редким предложением. Мало того, тов. Я.М. Фалевич пошел еще дальше, выразив готовность передать все свое собрание музею бесплатно, если оно действительно представляет музейную ценность.

<...>

Несмотря на полную вздорность обвинения тов. Я.М. Фалевича в укрывательстве своей немудреной коллекции, Народный суд г. Иркутска в составе председателя Шмидта, заседателей Оксер и Илюковой и секретаря Ветчинкина вынес поистине соломоново решение: Фалевича подвергнуть денежному штрафу в доход республики в сумме 300 руб., а значащиеся по акту «музейные ценности» конфисковать и передать в Государственный музей. До вступления приговора в силу на указанные в акте ценности суд предложил наложить арест. Это – чтобы впредь неповадно было заниматься коллекционированием в г. Иркутске.

Фалевич подал жалобу в Окружной суд, дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Притча о коллекционере²⁵

Четверо странников однажды остановились у врат Магометова рая. – «Кто вы?» – Первый рассказал о своих самых славных бранных подвигах и в награду получил, конечно! – красивейшую из гурий. Второй – поэт, услышав его песни, райский Судия ему присудил гурию по красоте, лишь еле уступающую первой. Третий – создатель прекрасных вещей; не все ли равно, художник или ювелир? Ему награда – третья по обаятельности красавица. Четвертый: «Нет, я не герой, и не поэт, и не художник. Но я, и художник, и поэт, и герой, я собиратель. Моя бережная и бескорыстная любовь сохраняет для потомства память о герое, и песни поэта, и создания всех искусных рук. Не я ли сберег и саблю Магомета, и коран Омара, и алмазные ожерелья Диарбекра?». Легенда кончается чуть легкомысленно – «Видишь ли, лучшие из гурий уже розданы, в запасе нет тебя достойных. Так знаешь что? Устрою я так, чтобы законные повелители моих первых красавиц не все время проводили в их объятиях. А тебе пусть будет даровано право наслаждаться с музами героя, поэта, художника, когда их мужей не бывает дома».

Костаки Г. Мой авангард²⁶

В тридцатые годы, вплоть до Второй мировой, и даже в первые послевоенные годы цены на антикварные произведения искусства в России были баснословно низки. Это и понятно. Разоренная интеллигенция вынуждена была продавать вещи, накопленные семьей за десятки, если не за сотни лет, еще дедами и прадедами. Были антикварные магазины, которые покупали, сразу выплачивали деньги, причем приемщики, как правило, занижали цены. Делали они это по разным причинам.

Под предлогом того, что произведение не должно стоить дорого, чтобы быть доступным простому советскому человеку с его скромным достатком.

<...>

Работая шофером, я часто возил своего хозяина в комиссионные магазины в Столешниковом переулке. Для меня эти визиты явились первым приобщением к миру прекрасного, возможностью расширить кругозор, развить вкус. Каждый раз, когда я привозил в магазин посла и потом, когда заезжал туда уже без него, я подолгу бродил среди коллекционеров, слушал, что они говорят, смотрел, что покупают. Постепенно научился разбираться в фарфоре и даже

²⁵ Среди коллекционеров. 1921. № 6–7. С. 24.

²⁶ Воспоминания коллекционера. М., 1993. С. 43-50.

продавцы начали меня спрашивать: «А это, как ты думаешь, чья работа?». Особенно если дело касалось работ небольших фарфоровых фабрик.

После Наполеона я купил еще две статуэтки 18 века. Дальше – больше. Начал покупать картины, в основном голландцев. Так продолжалось лет десять. Жили мы тогда в двухэтажном доме на Большой Бронной. В коммуналке было три комнаты, и в них я развешивал свои приобретения. Ко мне стали приходиться знакомые, я любил демонстрировать свои сокровища. Два знакомых художника-графика, жившие в нашем дворе, помогли мне расширить круг знатоков. Я начал общаться и водить дружбу с другими коллекционерами. Тогда в Москве было немало людей, которые собирали старых мастеров.

<...>

Говорят, что после революции все частные собрания национализировали. Но это не так. Национализировали только крупные коллекции. <...> Такие как Щукина, Морозова. А те, что поменьше, – нет. Никто не мешал создавать и новые. Ни сразу после революции, ни в 30-е годы, ни в 40-е, ни в 50-е.

ЧАСТЬ 6. ПЕРМСКИЕ КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ

В сословном обществе, коим продолжало оставаться российское общество в XIX в., одновременно сосуществуют несколько репрезентативных культур. Высшему, дворянскому, сословию соответствовала своя репрезентативная культура, ориентированная на европейские образцы. Высокий уровень образования, знание иностранных языков, интеллектуальные формы проведения своего свободного времени, включая коллекционирование и занятие наукой, так же как и владение светскими манерами, связаны с дворянским этосом.

Согласно Т. Веблену, высшие социальные слои всегда являются примерами для подражания относительно образа жизни для нижестоящих социальных групп. Репрезентативные элементы дворянской культуры выступали в качестве новых культурных форм для тех групп российского общества, которые в силу определенных исторических обстоятельств оказывались оторванными от своей репрезентативной культуры, прежде всего, это относится к выходцам из народной среды.

Согласно Л.Г. Ионину, первым этапом становления новых культурных форм является их инсценирование, культурная инсценировка является и механизмом изменения.

В случае с крепостными коллекционерами графов Строгановых мы имеем дело с уникальной ситуацией, когда аристократическое занятие приобретает особые формы, переходя от патронов к крепостным служителям.

«Строгановский регион» – термин, с помощью которого фиксируют особый статус Строгановых и их «империи» как государства в государстве. Строгановские вотчины изначально носили промышленный, а не аграрный, характер, в этом смысле их относят к разряду горнозаводских поместий, основой экономической жизни здесь было заводское производство. Для решения задач управления горнозаводским хозяйством часть крепостных переводилась Строгановыми в статус служителей. С точки зрения А.А. Введенского, социальная группа крепостных служителей начинает складываться в XVI – XVII вв. Среди крепостных служителей Строгановы особенно выделяли, в том числе материально и социальными благами, «дворовую аристократию», состоящую из приказчиков, главноуправляющих.

Строгановы, начиная с XVIII в. относились к придворной аристократии, вели жизнь, соответствующую их статусу в С.-Петербурге, и Москве, и в зарубежных путешествиях. Для эффективного управления поместьями, заводами, лесным хозяйством Строгановыми была создана система подготовки служителей из разряда крепостных. Эта политика реализовывалась через уникальную систему образования, социальные и материальные привилегии. Статус служи-

телей давал массу преимуществ по сравнению с положением крестьян и заводских рабочих, провинциального чиновничества и мещанства. Это, прежде всего, высокие оклады и натуральные надбавки, а значит, и материальный уровень жизни, тем более, что со стороны Строгановых существовали запреты на ведение собственного хозяйства, служба была единственным источником доходов для слуг. Поэтому неудивительно, что, выбившись в «люди», слуги старались закрепиться в этой социальной группе не только сами, но и для своих детей, ближайших родственников видели служение Строгановым как единственно возможный род деятельности. Так складывались служительские династии, среди которых выделяются династии Волеговых и Теплоуховых.

В 1771 г. главное управление перенесено гр. А.С. Строгановым из с. Новое Усолье в село Ильинское, именно здесь стал формироваться не только административный, но и культурный и образовательный центр. Если в дворянских усадьбах театры возникали по инициативе помещиков, то в Ильинском театре, библиотека появляются силами и на средства слуг. Таким образом, именно слуги, получив образование, имея возможность приобщиться к столичной, городской культуре, выполняли функцию дворянства, осознавали свою просветительскую миссию.

Частное коллекционирование как часть дворянской культуры и образа жизни появляется в среде высшего слоя слуг, а именно главноуправляющих. В Ильинском уже в 1830-е гг. формируется собрание археологических древностей, которое принадлежало на тот момент управляющему Ильинским округом Пермского имения Строгановых Василию Алексеевичу Волегову (1807 – 1864). Описание этого собрания приводится в «Дорожных записках» Мельникова, коллекция состояла из разного рода медных и бронзовых фигурок, бляшек, подвесок, пронизок и т.д., которые в своем большинстве относились к пермскому звериному стилю.

В.А. Волегов, крепостной Строгановых, закончил в Петербурге Школу земледелия и горнозаводских наук, с 1828г. служил в Пермском нераздельном имении Строгановых. В феврале 1837г. получил вольную, был управляющим Ильинским округом Пермского имения Строгановых, а с 1846 до конца жизни служил главноуправляющим Пермского имения Строгановых.

В 1840-е гг. из пермских имений Строгановым было доставлено несколько ценных археологических кладов, включающих серебряные чаши, сасанидские монеты и украшения. Граф. С.Г. Строганов, конечно, не мог заинтересоваться пермскими древностями. Он отправляет из Москвы управляющему имением гр. Г.А. Строганова Ф.А. Волегову характерное письмо (персланное последним в копии «для ведома» в село Ильинское к В.А. Волегову): «Так как батюшка мой совсем не занимается археологиею и

потому не имеет в таких вещах никакой нужды, я же страстный до них охотник, то прошу вас на будущее время извещать прямо меня о всех подобных находках, и не только о серебряных, но и о медных вещах, в особенности с изображением чуждских богов: ибо и медные вещи, смотря по значению их, могут быть мною ценимы не ниже серебряных. Также прошу вас уведомлять о нахождении старинных вещей и присылать рисунки оных даже в таких случаях, если такие вещи будут открыты не в имении батюшки, а в других соседственных местах и посторонними людьми, от коих я мог бы оные приобретать» [Архив ИИМК, ф. 5, арх. 258, № 1640].

За время управления В.А. Волегова в кабинет гр. Строганова поступила коллекция доставленных им предметов в количестве 60–70 номеров, но значительных вещей среди них не было. В.А. Волегов не только собирал археологические древности, но и с помощью способных мальчиков, учившихся в школе села Ильинское, а также крепостного рисовальщика Г.К. Козьминых зарисовывал их в альбом, записывал условия находок и обстоятельства приобретения.

После смерти В.А. Волегова в 1864г. его вдова распродает археологическую коллекцию. Часть коллекции (примерно 60–70 предметов) приобретает Й.Р. Аспелин и в 1877г. издает Атлас финно-угорских древностей. С 1873 г. коллекция Й.Р. Аспелина хранится в фондах Национального музея Финляндии в г. Хельсинки.

Другая часть коллекции В.А. Волегова была приобретена А.Е. Теплоуховым, новым главноуправляющим пермскими имениями гр. Строгановых.

Таким образом, практика коллекционирования древностей среди главноуправляющих Строгановых сложилась при В.А. Волегове, как подражание своим патронам и во многом благодаря тому, что были предписания Строгановых собирать археологические находки на территории своих имений. Этой деятельности способствовали не только непосредственное обращение С.Г. Строганова к своим управляющим с просьбой о покупке для него археологических находок, но и высокий уровень образования, а также высокая зарплата высших представителей крепостных служащих. Соответственно, были и материальные возможности для приобретения предметов древности у местного населения.

К сожалению, состояние источников не позволяет сделать более убедительными выводы о значении собирательства для самого В.А. Волегова. Тем интереснее представляется рассмотреть значение коллекционирования для жизненного мира А.Е. и Ф.А. Теплоуховых – имеющееся эпистолярное наследие, дневниковые записи, научные работы позволяют это сделать.

Первым историком частного собрания семьи Теплоуховых был известный русский археолог А.А. Спицын. Заинтересовавшись коллекцией Теплоуховых,

А.А. Спицын помогал Ф.А. Теплоухову в подготовке к печати каталога собрания. В предисловии к данному изданию достаточно подробно описана история коллекции, приводятся биографии В.А. Волегова, А.Е. и Ф.А. Теплоуховых. Стоит при этом учесть, что А.А. Спицын имел возможность, разговаривая с Ф.А. Теплоуховым, слышать и записать истории относительно появления интереса к коллекционированию в среде главноуправляющих и лесничих.

Александр Ефимович Теплоухов (1811–1885), по происхождению из семьи крепостных слугителей, благодаря Строгановым: получил образование в одном из лучших высших учебных заведений по лесному делу – в Тарандтской королевской лесной академии в Саксонии. Около сорока лет Александр Ефимович состоял на службе у Строгановых, главным образом в Пермском имении, где дослужился до главноуправляющего, был главным лесничим и единственным в России домашним учителем лесоводства. Создав в то же время первое русское руководство по управлению помещичьим лесным хозяйством, Теплоухов заслужил на этом поприще титул «патриарха русского лесоводства».

Коллекционирование, по сути, входило в круг служебных обязанностей А.Е. Теплоухова. С момента обращения С.Г. Строганова относительно поиска и покупки для него археологических находок Александр Ефимович стал основателем и своего семейного собрания, особую группу в котором составляли археологические древности. Более того, после выхода в отставку коллекционирование и занятия археологией стали основным жизненным интересом А.Е. Теплоухова. Можно предположить, что именно коллекционирование как сфера свободного времяпровождения, в отличие от выполнения служебных обязанностей, стало для А.Е. Теплоухова способом обретения субъектности, конструирования своего мира, который он так стремился спасти от любых внешних вторжений и чужих глаз.

Ключевой фигурой, повлиявшей на А.Е. Теплоухова как в отношении коллекционирования, так и элементов образа жизни, выступили представители семьи Строгановых, в большей степени граф Сергей Григорьевич Строганов. Находясь на службе в качестве секретаря в доме Строгановых, А.Е. Теплоухов мог непосредственно наблюдать аристократический образ жизни, стиль общения, внешнего поведения, проведения свободного времени. Видимо, в связи с этим появляется и желание вести личный дневник, начиная с 1829 г. По мнению А.М. Эткинда, функцией дневника является документация своей идентичности. В этом смысле своего рода культурный шок, через который пришлось пройти А.Е. Теплоухову, оторвавшись от глухой провинции и сельского быта и оказавшись в С.-Петербурге, в доме высшей аристократии, конечно, не мог не привести к конструированию новой идентичности.

Одним из важных событий, повлиявших на Теплоухова, была его совместная поездка с С.Г. Строгановым в Ригу в 1831 г. В дневнике путешествия, который А.Е. Теплоухов вел по примеру многочисленных записок путешественников, отразилась его во многом еще подданническая психология, проявлявшаяся, в частности, в том, что он с благоговением принимал заботу о себе со стороны патрона: «Прекрасный Господин, я бесконечно благодарю его о моем попечении» [ГАПК, ф. 613. оп. 1. д. 22. л. 22].

Теплоухов отдавал все свои письма для прочтения С.Г. Строганову, соблюдал его требование не заводить самостоятельных знакомств, читал книги из списка, рекомендованного Строгановым, принимал наставления об изучении немецкого языка, понимая свое путешествие как важную часть образования и воспитания.

Самым несчастным днем в дневнике назван день, когда А.Е. Теплоухов переписывал казенные бумаги для графа и совершил ошибки, следствием чего стало требование С.Г. Строганова нанять двух писарей: «Это все равно, что меня вывести на парадную площадь близ столба с надписью «дурак». Самолюбие мое жестоко оскорблено» [там же, л. 27].

Получив образование в Германии (1833 – 1838), оставаясь крепостным, А.Е. Теплоухов приобщился и освоил европейский образ жизни, ему было предложено остаться в качестве преподавателя в Тарандтской королевской лесной академии, речь даже зашла о его женитьбе на дочери профессора К.Л. Крутча. Вернувшись к Строгановым, он получил свободу, женился на Р.К. Крутч, но до конца своих дней считал себя во всем обязанным семье Строгановых, прежде всего в отношении службы не за страх, а за совесть.

В 1847 г. А.Е. Теплоухов приехал в Пермское имение Строгановых, вступив в должность главного лесничего. О том, что он чувствовал себя «белой вороной» среди остальных служащих, можно судить только по обрывочным сведениям о неприязни А.Е. Теплоухова к главному управляющему В.А. Волегову, неумеренно пьянствовавшему, что не могло не отражаться на служебных обязанностях. Вероятно, всеми силами А.Е. Теплоухов стремился создать вокруг себя привычную для себя обстановку, в которую входили служба, занятия наукой и педагогической практикой, формирование личной библиотеки, а также особая манера одеваться, курение табака, употребление хорошего чая и кофе.

Основной деятельностью А.Е. Теплоухова станет организация лесного хозяйства, и в этом он добьется выдающихся результатов. После смерти В.А. Волегова Теплоухов был назначен также главным управляющим, появились новые обязанности, в том числе С.Г. Строганов обратился к нему с просьбой,

по сути, требованием, продолжить деятельность по покупке и разысканию у местного населения археологических находок и кладов.

Можно реконструировать, каким именно образом практика коллекционирования входила в круг повседневных занятий А.Е. Теплоухова. Практически три года после смерти В.А. Волегова и покупки у его вдовы части археологической коллекции, с 1864 по 1867 г., Александр Ефимович присматривался к этому занятию, приводил в порядок альбом рисунков, выполнял поручение С.Г. Строганова относительно приобретения новых находок.

К 1867 г. А.Е. Теплоухов осваивается в новом для себя занятии, заводит по примеру «Лесохозяйственных путевых заметок» археологический дневник, в который заносит сведения об археологических находках и кладах, о приобретении древностей в свою коллекцию. Дневник велся до конца жизни, в течение 18 лет, после чего Ф.А. Теплоухов продолжил ведение записей в археологическом дневнике.

По характеру записей в дневнике также заметно, как постепенно занятие коллекционированием увлекает А.Е. Теплоухова, от скупых статистических сведений относительно находок он переходит к масштабному описанию археологического характера, появляется дневник, ориентированный на профессиональную область. Дневник был всегда под рукой, в него постоянно вносились дополнительная информация.

О способе, с помощью которого пополнялась археологическая коллекция, говорит следующее высказывание А.Е. Теплоухова: «Мои лета и денежные средства не позволяют мне предпринимать разъезды и раскопки в больших размерах. Однако крестьяне часто приносят мне и продают старинные изделия, которые они собирают при обработке своих полей, и моя коллекция, таким образом, значительно увеличивается бронзовыми и другими древностями из чудских поселений» [Теплоухов, 1880, с. 4].

Как указывает А.А. Спицын, основной способ собирательства для А.Е. Теплоухова – через подчиненных. Воспитав плеяду помощников, смотрителей, которые помогли ему в организации лесного хозяйства, он вовлек их в деятельность по покупке древностей. А.Е. Теплоухов вовлек в собирательскую деятельность и своих детей; так, например, его дочь, Екатерина Александровна, доставила много находок из Кудымкара. Этот факт говорит о многом – о совместном семейном общении по поводу коллекции, об интересных рассказах и общем увлечении. Не так часто встречаются семейные истории коллекционирования.

Особо ценные предметы, как и положено, передавались С.Г. Строганову, за время своей службы А.Е. Теплоухов не раз доставлял для графа интересные находки. У себя оставлялись наименее важные предметы, а также находки со

свободных крестьянских земель. Но и за эти находки, оставленные в своей коллекции, А.Е. Теплоухов очень переживал, не хотел с ними разлучаться ни при каких обстоятельствах, переживая и за возможные притязания С.Г. Строганова, а также Императорской археологической комиссии. Поэтому мало кому в России коллекция была известна, образцы А.Е. Теплоухов скорее был склонен искать в Европе, чем на родине. Большая часть научных публикаций также выйдет в Европе на немецком языке.

Предметы из своей коллекции А.Е. Теплоухов брал в путешествие по Европе в такие города, как Берлин, Лейпциг, Цюрих, Берн, Турин, Неаполе, Рим, Флоренцию, Болонью, Парму, Верону, Милан, Тарандт, Фрейбург, Киль, Шверин. Всюду он осматривал археологические собрания, знакомился с археологической литературой, покупал и обменивал вещи. Он посещал европейские музеи, знакомился с их археологическими коллекциями, методами их классификации и хранения, привнося эти передовые знания и технологии в свою коллекцию, занимаясь ее описанием, поиском аналогий.

Позднее, когда в Ильинское приедет А.А. Спицын для составления каталога коллекции Теплоуховых, сын Александра Ефимовича, Федор Александрович, будет рассказывать, как рассматривая в очередной раз в своем кабинете какой-нибудь предмет пермского звериного стиля, отец радовался, как ребенок, обнаружив какую-то деталь, часть, которую до того не замечал.

После выхода в отставку основным занятием А.Е. Теплоухова станет его коллекция. В это время он покупал находки через местных прасолов (*скупщиков рыбы и мяса*). Он состоит в научных обществах, являлся членом Германского общества антропологии, этнологии и первобытной истории, Антропологического общества в Вене и Финно-угорского общества в Гельсингфорсе. Выезжает в Москву и Казань для участия в работе археологических съездов, лично знакомится с коллекционерами древностей, например, графом А.С. Уваровым, А.Ф. Лихачевым.

Всего в коллекции, собранной А.Е. Теплоуховым, насчитывалось 2702 номера различных вещей и 1069 черепков, занесенных в дневник.

Таким образом, жизненные обстоятельства предоставили А.Е. Теплоухову возможность следовать двум ориентирам для культурной инсценировки, российской аристократии и европейских интеллектуалов. Наиболее значимой, конечно, была ориентация на дворянскую культуру. Для дворянства коллекционирование было одной из форм интеллектуального досуга, соответствующей их статусу, проявлением личного интереса мог объясняться выбор предмета собирательства. В этом смысле интерес к археологии, коллекционированию древностей в середине XIX в. оценивался

очень высоко, такие примеры, как граф А.С. Уваров, граф С.Г. Строганов, – тому подтверждение.

В 1859 г. была создана Императорская археологическая комиссия как государственный орган, в чьем ведомстве находилось не только проведение археологических раскопок, но и учет археологических находок на государственных землях, вплоть до размещения наиболее ценных в Эрмитаже. Возглавил Императорскую археологическую комиссию граф С.Г. Строганов, но мог рассчитывать на эту должность и граф А.С. Уваров. Более того, уход Уварова с государственной службы и основание им Московского археологического общества во многом объясняются не состоявшимся назначением его в ИАК.

Археология рассматривалась в середине XIX в. как «наука для богатых»: возможностями для проведения археологических раскопок, для приобретения ценных находок, издания каталогов коллекций обладали очень немногие.

А.Е. Теплоухов начинает собирать личную коллекцию древностей в тот период, когда, занятия археологией было вполне аристократической практикой. Именно коллекционирование становится общим делом, увлечение как С.Г. Строганова, так и А.Е. Теплоухова создает лишний повод для их общения не как начальника и подчиненного – как людей, увлеченных одной темой. Но для этого А.Е. Теплоухову нужно было не только присылать купленные находки, но и быть способным вести диалог на научные темы, связанные с археологией. Постепенно лесоводство отходит на второй план, А.Е. Теплоухов с увлечением занимается пополнением своей коллекции, а также ее изучением.

Вместе с тем приобщение к европейской культуре через немецкое образование, близость к европейскому профессорскому кругу, освоение немецкого языка, пространства, поведенческого кода (занятия наукой, публикация статей в зарубежных и отечественных научных журналах, переписка с учеными, пополнение научной библиотеки) не противоречило коллекционированию. В Европе XIX в. коллекционирование стало повсеместной практикой, способствующей развитию науки и образования.

Именно через практику коллекционирования А.Е. Теплоухов в какой-то степени преодолевает социальные преграды и сокращает в том числе и расстояние в веках между провинциальным селом Ильинским, столичными и европейскими научными центрами. Но ощущение собственной свободы было еще робким и нуждалось, с одной стороны, в постоянных подтверждениях своего нового статуса, с другой стороны, в охране своей коллекции от всех тех, кто мог на нее претендовать. В этом смысле показательно стремление А.Е. Теплоухова опубликовать свою биографию в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, прибегая к посредничеству магазина книг, музыкальных нот и

художественных произведений в Риге. В этой биографической статье нет упоминания о крепостном происхождении, А.Е. Теплоухов пишет, что его отец бы врачом [ГАПК, ф. 613, оп. 1, д. 299, 15 л.].

После смерти А.Е. Теплоухова на семейном совете было принято решение не делить коллекцию, а передавать ее одному из членов семьи, кто в наибольшей степени проявит к этому интерес. Таким человеком стал Федор Александрович Теплоухов (1845–1905) (принцип майората такой же, как у Строгановых).

После ранней смерти жены все заботы, связанные с воспитанием и образованием троих детей легли на плечи А.Е. Теплоухова. Двум своим сыновьям он стремился дать высшее образование, для чего обратился за финансовой помощью к Строгановым. Более того, Федор Александрович, по сути, прошел по пути образования А.Е. Теплоухова, получив профессию лесоведа в той же Тарандтской королевской лесной академии. Еще обучаясь в Пермской гимназии, Ф.А. Теплоухов пишет письма родственникам, особенно тесные и доверительные отношения сложились у него с отцом, что со всей наглядностью демонстрирует их переписка.

С раннего детства Федор Александрович помогал А.Е. Теплоухову, зарисовывая археологические находки, хотя его профессиональные интересы были далеки от археологии и древней истории. Разделяя многие увлечения отца, Ф.А. Теплоухов вместе с тем не планировал служить вдали от столиц, в Ильинском, ему виделось призвание профессора ботаники или зоологии. Реализуя эту цель, он не только блестяще учился в Германии, но и вынужден был с целью подтверждения диплома и получения степени проучиться в Петровско-Разумовской академии. За годы обучения в академии Федор Александрович получил большую золотую медаль за научную работу о короедах, принимал участие в геологической экспедиции на Алтай, в устройстве и организации лесного отдела на Политехнической выставке 1872 г. Будучи лично известен министру государственных имуществ П.А. Валуеву, он вполне мог рассчитывать как на профессию в академии, так и на иную служебную карьеру. Однако вместо этого Ф.А. Теплоухов принял назначение на должность лесничего в Пермское имение Строгановых: «Но не поступить на службу к графу – положительно нельзя. Представьте себе, если я вдруг остануся здесь. Я уверен, что в таком случае многие из тех, которые удивляются теперь, зачем я еду в Пермь, стали бы кричать, что это черная неблагодарность. Учился, начиная с гимназии, на средства Строганова, а потом и раскланялся» [ГАПК, ф. 613, оп. 1, д. 418, л. 176].

Изначально Ф.А. Теплоухов еще надеялся, что, закончив службу в Ильинском, он сможет получить место в одном из столичных университетов.

Но судьба распорядилась иначе, и Федор Александрович более тридцати лет прослужил в Ильинском, получив должность главного лесничего после выхода в отставку А.Е. Теплоухова.

Своего рода катализатором размышлений о своем предназначении, месте в жизни, для Ф.А. Теплоухова, видимо, послужил опыт пребывания и обучения в Германии: «Да, время летит стрелой и вот уже месяц последнего семестра за мною; а потом что? – Я так привык к этой спокойной, вольной жизни, так свыкся с здешними людьми, нравами, обстоятельствами, что как будто бы родился здесь, а жизнь в Ильинске и Перми кажется длинным сном» [ГАПК, ф. 613, оп. 1, д. 418, л. 185].

В Германии, в академии, Ф.А. Теплоуховым были сформированы определенные представления о профессии лесовода и требованиях к подготовке: «Из Германии я привез с собой представление о профессоре технических наук, каким является в наше время лесовод, как о человеке, равно знакомым как с теорией, так и с практикой. Это и есть самая слабая сторон Петровской академии, что профессора специальных наук смотрят на свои предметы как на какие-то чистые науки вроде высшей математики, которые можно изучать и читать, не выходя из кабинета» [там же, д. 419, л. 120].

Не удивительно, что возвращение из Германии в Россию осмыслялось Ф.А. Теплоуховым как некая миссия: «Здесь, в центре цивилизации, где плоды ее: библиотеки, театры, концерты, собрания и пр., пр., так сказать, окружают нас, конечно приятнее жить, чем где-нибудь в глуши в Перми, кто бы вздумал отрицать это! Но я знаю, что прислан сюда не для того, чтобы наслаждаться дарами ее и я не упускаю ни на минуту из глаз цель, к которой я должен стремиться» [там же, л. 159].

В Петровско-Разумовской академии Ф.А. Теплоухов пытался найти единомышленников. Так он описывает небольшой круг слушателей, увлекавшихся ботаникой и энтомологией и собиравшихся у князя Вяземского: «Но в их коллекциях и вообще занятиях господствует полнейшая небрежность и по их словам моя коллекция насекомых и гербарий – «чисто немецкие», как будто не может существовать порядочной русской коллекции!» [там же, л. 2].

В письмах к отцу Ф.А. Теплоухов делился и своими страхами относительно возвращения в Пермскую губернию, на службу: «Вчера я опять был у Н.Н. в конторе. В разговорах он не сказал ничего нового, за исключением разве того, что нам, молодым людям, предстоит на Урале еще другое, «цивилизаторское» назначение. Нужно обходиться с людьми гуманно, а не корчить из себя какого-то владыку, как покойный Демидов, который казался в Москве порядочным человеком, а в Очере [...] сделался “порядочным скотиной” [там же, л. 175].

Ф.А. Теплоухов особенно переживал за то, что не сможет заниматься наукой как основным своим предназначением: «Одно только предвижу, что я не вытерплю так долго, если буду лишен возможности уделять главную часть времени на научные занятия. После всех трудов и успехов на этом пути, я не способен превратиться в «служителя», хотя бы и «высококачественного», ставящего [...] цель своей жизни [...] канцелярской службе» [ГАПК, ф. 613, оп. 1, д. 418, л. 125].

Переживался и тот факт, что после 1861 г. отношение к лесному хозяйству изменилось не в лучшую сторону. Ф.А. Теплоухов, получивший лучшее образование в этой области и наблюдавший подвижническую деятельность отца в качестве главного лесничего Пермского имения Строгановых, не мог равнодушно ожидать своей участи: «Что касается до службы в имении, то я не питаю себе никаких иллюзий. Куда ни помотришь: в казенной службе – пакостно, в академии – не многим лучше: интриги, глупости, которыми выделяются, многие, по-видимому умные и ученые люди, то что же можно ожидать от службы в «дореформенной губернии»? Впрочем, по моему мнению, лесничий и не обязан предаваться горести, страдать и распинаться за леса, если их губят владельцы их. Мне кажется, что обязанность его в этом случае состоит только в том, чтобы указать владельцу, всякими зависящими от него мерами на опасность, грозящую впоследствии его карману. Если же люди не понимают своих выгод, то ему не остается другого пути, как отправиться туда, где его деятельность будет полезнее» [там же, д. 419, л. 181].

Оказавшись на службе в Пермском имении Строгановых, Ф.А. Теплоухов достаточно быстро переключился с научных интересов в сфере ботаники и лесоводства к археологии и этнографии. Свои служебные обязанности он, как и А.Е. Теплоухов, исполнял на самом высоком для того времени уровне, благодаря чему в 1896 г. лесное хозяйство Пермского имения графа Строганова, представленное на Всероссийской художественно-промышленной выставке, было удостоено высшей награды – золотой медали. Однако интерес Строгановых к лесному хозяйству падал, а вместе с тем становились не востребованными и усилия Ф.А. Теплоухова как лесоведа. В этой связи занятия наукой, участие в научных обществах, которые в этот период активно развивались, в основном на общественных началах, стали важной частью жизни и самоопределения Ф.А. Теплоухова.

Таким образом, первоначальным ориентиром в собирательстве для Федора Александровича было семейное окружение, может быть, желание соответствовать ожиданиям А.Е. Теплоухова. Но постепенно все меняется, и коллекционирование, научная работа, связанная с собранием, становятся настолько важным делом, что даже появившаяся в связи со смертью С.Г. Строганова возможность

вернуться к профессорскому призванию не была использована, Ф.А. Теплоухов окончательно остается в Ильинском.

Если А.Е. Теплоухов пользовался в деле собирания археологических предметов услугами подчиненных ему лесных смотрителей, то Федор Александрович не использовал этого способа, считая его нежелательным для служебных отношений. Он прибегает к услугам своего личного знакомого, окружного лесничего И. Я. Кривощекова, который не только приобретает для него много вещей, но и собирает ценные сведения о местах находок и о городищах в верховьях рек Камы и Чусовой. Немало предметов древности поступило в коллекцию от народных учителей, а также от нескольких официальных и частных лиц (от секретаря Пермского статистического комитета, судебных следователей, миссионеров и т.д.). Наиболее ценные предметы археологической коллекции приобретены Ф.А. Теплоуховым от ильинских торговцев и промышленников, имевших торговые связи с населением в районах верховьев Камы, Иньвы и других рек. Такой способ пополнения коллекции имел и свои недостатки: вещи укладывались небрежно, могли сильно пострадать в дороге, местонахождение их не всегда можно было восстановить, а к тому же эти «археологи-хищники» не упускали случая продать вещи как можно дороже.

Чтобы скупщики имели представление о том, что нужно приобретать, Ф.А. Теплоухов знакомил их со своей коллекцией и настаивал, чтобы они записывали места находок. Новые возможности для пополнения коллекции открыли для Ф.А. Теплоухова археологические богатства, совершенно неизвестные его отцу.

Пополнял он свою коллекцию и путем раскопок, в том числе по поручению Императорской археологической комиссии.

Благодаря наличию археологической коллекции Ф.А. Теплоухов стал членом нескольких археологических обществ, в частности, Московского археологического общества. При этом, приняв коллекционирование как семейную традицию, Ф.А. Теплоухов был лишен тех страхов перед публичным раскрепощением собрания, которые были так свойственны его отцу. Получив новые возможности для пополнения коллекции и в несколько раз увеличив ее, Федор Александрович более активно участвовал в научных обществах, съездах и исследованиях. Коллекционирование стало той самой возможностью и ресурсом для занятия наукой, о которых он так мечтал, а село Ильинское, по признанию современников, превратилось в настоящий научный центр, куда стремились попасть известные отечественные и зарубежные ученые. Так, в 1887 г. село посетил антрополог, этнограф, географ, археолог и музейвед Д.Н. Анучин, в 1893 г. – профессор Казанского университета И.Н. Смирнов и профессор из Гельсингфорса А.К. Гейкель, в 1896 г. – французский путешественник барон Ж. де

Бай (J. de Baye), в 1897 г. – английский метеоролог Р. Эберкромби (R. Abercrombie).

Представление коллекции на археологическом съезде или выставке требовало долгой и кропотливой подготовительной работы. Каждый раз коллекция представлялась в идеальном порядке с сопутствующими описаниями.

За период собирательской деятельности Ф.А. Теплоухова коллекция выросла до 5930 номеров предметов, а с черепками, занесенными в дневник, – более 7000. Главным образом, это находки средневекового времени, украшения, предметы пермского звериного стиля, орудия труда.

Ф.А. Теплоухов продолжил практику ведения археологического дневника, в котором он фиксировал не только приобретаемые археологические находки, но интересующие его сведения о коллекциях и археологических находках, отражавшиеся в периодической печати. В настоящий момент этот археологический дневник Теплоуховых хранится в рукописном архиве Института истории материальной культуры, в г. Санкт-Петербурге. Практически все исследователи, занимавшиеся изучением археологии Пермского края, начиная с А.А. Спицына, обращаются к этому источнику.

В 1892 г. Ф.А. Теплоухов, понимая всю важность описания имевшихся в его коллекции находок, приступил к подготовке для печати каталога. Большую помощь в этом Федору Александровичу оказал А.А. Спицын, который несколько раз приезжал в Ильинское, а также поддерживал постоянную переписку с Ф.А. Теплоуховым. В 1902 г. А.А. Спицын с разрешения и одобрения, а также при всяческой помощи Ф.А. Теплоухова опубликовал атлас рисунков «Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых».

Работа по систематизации коллекции привела Ф.А. Теплоухова непосредственно к написанию и публикации научных исследований по археологии. Около половины всех научных работ Ф.А. Теплоухова составляют работы по археологии и этнографии, оставшаяся часть – по ботанике и лесоводству. Но, если лесоводству и ботанике Теплоухов учился в двух высших учебных заведениях, в Европе и России, то научные открытия в области археологии появляются только благодаря ссобиранию коллекции и систематической работе с ней.

Очевидно, что коллекция позволила Ф.А. Теплоухову состояться как ученому в археологической науке, несмотря на то, что, уезжая в Ильинское, он так опасался лишиться возможности заниматься наукой – занятием, в котором он видел свое предназначение.

Вклад Ф.А. Теплоухова в развитие археологии был замечен не только в России, но и за ее пределами: в 1897 г. французское правительство отметило его археологические работы дипломом *Officier d'Academie*, а Финно-угорское общество в Гельсингфорсе включило его в состав своих членов.

Таким образом, коллекционирование стало основным смыслом жизни для Ф.А. Теплоухова, позволило примириться со многими обстоятельствами, казалось бы, мешавшими ему реализовать себя как ученого. Из переписки с научными обществами и учеными явствует, что они обращались к Ф.А. Теплоухову прежде всего как к коллекционеру, владельцу уникального собрания пермских древностей. Так, например, А.А. Спицын в одном из писем Ф.А. Теплоухову подчеркивал: «Ваша коллекция – двери, ведущие к пониманию древностей огромного района» [ГАПК, ф. 613, оп. 2, д. 807, л. 7]. Осознание своей миссии собирателя было связано еще и с тем, что многие археологические находки пропадали для науки, переплавлялись, продавались заезжим туристам, отдавались детям в качестве игрушек. В этом смысле коллекция и коллекционер позволяли сохраняться историческим источникам и артефактам.

Ф.А. Теплоухов как коллекционер ориентировался на раскрепощение своего собрания, на возможность активного участия в научной и общественной деятельности, что служило характерными чертами интеллигенции во второй половине XIX в.

К концу XIX в., в том числе благодаря деятельности Императорской археологической комиссии и Московского археологического общества, собирательством археологических находок были заняты широкие социальные слои в провинции: дворянство, купечество, студенчество, духовенство, учителя и врачи, крестьянство. Собирательство и поиск сокровищ для кого-то были способом получения дохода, а для провинциальной интеллигенции – возможностью участия в организации музеев и научных обществ.

На примере А.Е. и Ф.А. Теплоуховых можно наблюдать разное проявление субъектности и потребности в самореализации через коллекционирование. Обстоятельства жизни А.Е. Теплоухова, в первую очередь крепостная среда, в которой он был воспитан, сохранили влияние на его мироощущение, несмотря на европейское образование и успехи в профессиональной деятельности. Ориентируясь в своем поведении на С.Г. Строганова, А.Е. Теплоухов открыл для себя коллекционирование археологических древностей, и оно стало для него своего рода личным, потом и семейным пространством, позволявшим реализовывать себя в свободных от непосредственного контроля занятиях. Ф.А. Теплоухов еще в период обучения осознал свое предназначение профессионального ученого. Но долг перед Строгановыми, авторитет А.Е. Теплоухова заставили его уехать из центра научной жизни в провинцию, где, казалось бы, реализовать себя как ученого было практически невозможно. Воспользовавшись шансом в виде семейной коллекции, собранной А.Е. Теплоуховым, Федор Александрович не просто состоялся в социально значимой деятельности, в коллекционировании. Он занял активную позицию в общении с научным сообществом, ощутив

нужность своей собирательской и просветительской деятельности, и в конце концов стал признанным ученым, в чем находил свое предназначение.

Источники для самостоятельной работы

Из письма С.Г. Строганова А.Е. Теплоухову

В настоящее время я в особенности занимаюсь исследованиями в происхождении Скифов, одноплеменных с Чудами или финнами, переселившимися с равнин Ср[едней] Азии в первых веках после Рож[дества] И[исуса] Х[риста]. На юге раскопки курганов открыли науке важные данные, но недостаточно много, чтобы определить, где по близости Волги или Камы [произошло] разделение племени, часть которого потянулась на юг, а другая пошла на Север и населила север России и берега Балтийского моря! В последнем случае все находки в старинной Биармии могут быть очень важны для науки, а потому Александр Ефимович, я обращаюсь к Вам, не из-за одной прихоти, а от имени науки я прошу способствовать мне [...] к отысканию Археологических памятников означенной эпохи, и радушно и щедро расплачиваться[ся] моими средствами. Граф Сергей Строганов. [ГАПК, ф. 613, оп. 1, д. 192, л. 7].

Бабилов М. Клуб коллекционеров создан²⁷

На днях в Перми в областном Доме работников просвещения открылся клуб коллекционеров. Давнишняя мечта пермских филателистов, филуменистов, филократистов, нумизматов, бонистов осуществилась. Сколько впереди работы на интереснейшем, полезном культурном поприще! Коллекционер Р.Н. Александров подготовил к печати книгу «Денежные эмиссии на Урале в период гражданской войны». В ближайшую задачу клуба входит выявить, собрать монеты и сделать подробное описание работ бывшего в Пермской губернии Анненковского монетного двора, существовавшего 18 лет: с 1780 по 1798 год. До сих пор о его выпуске нет подробных материалов. Филателисты желают иметь «свою» пермскую почтовую марку или конверт со специальным гашением, посвященным юбилейным датам: 40-летию освобождения Перми от Колчака, первой нефтяной вышке, открытию калия и т.д. Филуменисты желают иметь пермские высокохудожественные открытки с видами Перми, природы Западного Урала, Прикамья».

²⁷ Звезда. 1959 г. 24 мая

...Мы у преподавателя Пермского педагогического института П.В. Заруцкого, в его небольшом кабинете, сплошь заставленном картинами, увешанном уникальными предметами превосходной работы. По профессии Павел Владимирович – учитель черчения и рисования, а свободное время отдает любимому делу: живописи и коллекционированию.

<...>

Начнем хотя бы с небольшой, но интересной коллекции трубок. Да, обыкновенных курительных трубок разных времен и народов. Вот хозяин снимает со стены старинную, чудесно отделанную трубку. Это помещычья, «троекуровская». Рядом, чуть-чуть пониже – трубка необыкновенной длины – около метра. Это тоже очень старинная, глиняная бухарская трубка с янтарным мундштуком, оправленная в серебро. А вот эту трубку с головой оленя разжигал, видимо, тирольский мастеровой.

В коллекции Заруцкого имеются голландские, итальянские и, конечно, наши русские трубки – простые, но такие милые сердцу. Павел Владимирович аккуратно развесил на стенном коврике трубки и достал гусли. Да, наши русские звончатые. Им 150 лет. А через несколько минут он уже знакомит меня со своей коллекцией гитар. Маленькая, почти невесомая, отделанная перламутром и черепаховым панцирем, испанская гитара с своеобразным задушевым звучанием... Гавайская гитара... Несколько наших. Но особенно интересна негритянская – банджо.

- А сейчас послушайте вот этот инструмент, – говорит Павел Владимирович. Он уходит за ширму, и вскоре оттуда полились густые звуки органа.

Я терпеливо жду. Показывается Павел Владимирович. В руках у него небольшой инструмент, похожий на нашу балалайку.

- Это мандола. По звучанию она действительно напоминает орган.

Любимцы коллекционера – скрипки. Среди них есть очень интересные. Вот французская скрипка, родившаяся в Париже в прошлом столетии. Имеет очень певучий, мягкий звук.

Заруцкий – обладатель и копий известного скрипичного мастера – Антонио Страдивари. Одна немецкая, другая французская...

«Коллекционеры – люди занятые, – рассказывает Заруцкий. – Для них какая-нибудь безделушка из глины, да еще старинной работы, ценнее нового костюма. Такой уж они народ – увлекающийся, беспокойный, ищущий. Не дух приобретательства гонит коллекционеров на поиски интересных экземпляров. Стремление узнать, открыть, сообщить людям – вот, что ими руководит».

²⁸ Звезда. 1960 г. 13 марта

Фельдшер, коллекционер²⁹

Основная профессия Константина Васильевича Антипина – фельдшер. Ей он отдал многие годы своей жизни. Но энтомология – сбор и определение различных насекомых – одно из любимых и увлекательных занятий Константина Васильевича. Это, по существу, вторая его профессия. С юношеских лет коллекционер Антипин посвящает этому делу все свободное время. И сейчас, будучи на пенсии, он не прерывает любимого занятия.

На территории Западного Урала энтомологом-любителем собрано более трех тысяч жуков и других насекомых разных видов, начиная от крохотных, еле заметных простым глазом, и кончая жуками-гигантами, до десяти сантиметров.

К.В. Антипин занимается не только сбором и изучением насекомых. Им собрана большая коллекция бумажных, серебряных и бронзовых денежных знаков. В коллекции нумизмата хранятся серебряные копейки, выпущенные при Иване Грозном, а также много других денежных знаков Российской империи. Энтузиаст имеет монеты ряда государств Европы, в том числе монету Наполеона, выпущенную им для Италии в 1809 году. У Константина Васильевича десятки альбомов заполнены билетами различных лотерей, начиная с 18 века. Он составляет историю возникновения лотерей в России.

Скромный труд коллекционера имеет большое научное значение. В тихую квартиру Антипина идут письма из многих городов нашей страны, от таких же коллекционеров-энтузиастов, как и он, от ученых. Константин Васильевич имеет свой абонемент в издательстве Академии наук СССР и получает все издания по фауне СССР.

Белов Г. Коллекционеры³⁰

Иной назовет этих людей наивными, а их занятие – детской забавой: собирать марки, спичечные этикетки – это же пустое занятие. А так ли это? Каждое воскресенье в пермский областной Дом работников просвещения спешат люди. Вы увидите среди них и пожилого рабочего, и студента, вихрастого мальчишку и убеленного сединой учителя. Разные это люди. Но все они до беспредельности заражены одной страстью: коллекционированием.

Один собирает художественные открытки, другой – марки, третий – бумажные деньги или монеты. И вот они приходят в свой клуб, чтобы поделиться новыми находками, получить консультацию, послушать лекцию или беседу о том, как правильно нужно вести коллекционирование.

²⁹ Звезда. 1960 г. 23 августа

³⁰ Звезда. 1960 г. 28 декабря

Филателистов в клубе больше всех. Богатую коллекцию марок нашей страны собрал старший технолог управления нефтяной промышленности совнархоза А.И. Коган. Сейчас он занимается темой «Политическая история в марках». Обыкновенные марки, каждая из которых достается коллекционеру с большим трудом, рассказывает о революциях в Европе, о распаде колониального мира, об образовании социалистических стран.

Членом клуба является и педагог Б.Д. Рогачев. С 1956 года он собрал более 12 тысяч всевозможных открыток, которые подразделяются на две основных темы. Первая «Урал». Это опять-таки история Урала с 1900 года. Она начинается с открыток, изображающих старых солеваров Усоля и Соликамска, и кончается нашими днями – Уралом – одним из первых промышленных регионов страны.

Вторая тема открыток – живопись. Это, если можно так сказать, целая художественная галерея. Здесь представлены классическая и современная живопись России, Италии, Польши, Голландии, Германии, Чехословакии. Еще в годы гражданской войны на Урале, защищая молодую Советскую республику от белогвардейцев, Р.Н. Александров начал собирать часто меняющиеся тогда денежные знаки. Много накапливалось их. И вот в 1932 г. собиратель решил привести свою коллекцию в систему.

Клуб коллекционеров посещают более 100 человек. Помимо этого, его секции работают в Доме пионеров, Доме культуры железнодорожников, во Дворце культуры имени Сталина, в Кировском районе.

Макаренков П. Книголюб³¹

По вечерам, когда дома собирается вся семья, любит Василий Афанасьевич Слепов покопаться в своей личной библиотеке, посидеть над книгой.

- Правда, здесь уже многое знакомо, но когда перелистываешь даже перечитанное, всегда открываешь что-то новое, по-настоящему отдыхаешь, – говорит он. – После хорошей книги, как после душа, чувствуешь себя бодрее, и кажется, что силенок прибавляется. Великое это дело – книга.

Библиотеку Василий Афанасьевич начал собирать лет пять назад, и теперь она уже насчитывает свыше пятисот книг русских и зарубежных писателей. В двух больших книжных шкафах ровными рядами разместились произведения Маркса, Энгельса, Ленина, томики Пушкина, Достоевского, Некрасова, Тургенева, Толстого, Дюма. Есть здесь и произведения советских писателей.

³¹ Звезда. 1962 г. 3 марта

С детства полюбил Василий Афанасьевич книгу. Отец часто говорил ему:
- Ну, Вася, быть тебе учителем, любишь ты книгу, а главное, рассказать о ней умеешь.

Но Василий стал рабочим, проходчиком на шахте имени 40-летия ВЛКСМ. Слепов – страстный книголюб и неутомимый пропагандист печатного слова. Любовь к книге он старается привить всем своим товарищам. Зайдите на участок, где работает Василий Афанасьевич, и побеседуйте с людьми.

- Это он нас всех «заразил» книжной «болезнью», – шутят товарища Василия Афанасьевича.

Теперь на участке трудно найти человека, который не собирал бы личную библиотеку. Взять хотя бы слесаря Целоусова. Частенько он слушал рассказы книголюбца о писателях и их произведениях. Чувствовалось, интересуется литературой человек, но, когда речь заходила о личной библиотеке, отмахивался:

- Пустое дело. Живут же люди без «собственных» книг.

Но вот однажды побывал Целоусов вместе с Василием Афанасьевичем в книжном магазине и... не мог уйти с пустыми руками! Книга теперь стала его верным другом.

Вечерами заходят к Слепову соседи и товарищи по работе просто так, на «огонек». Посидят, послушают рассказы хозяина, ну и, конечно, возьмут прочитать книгу. Своим «читателям» Василий Афанасьевич всегда посоветует, что выбрать. По инициативе Слепова его товарищи-книголюбцы обмениваются книгами.

Книголюб постоянно пополняет свою библиотеку, не пропустит ни одну интересную книжную новинку. Василий Афанасьевич знает и любит не только художественную литературу. Его настольными книгами являются: «Скоростные методы проходки», «Горное дело» и другие.

Любит он и живопись. Недаром его личный фонд составляет более 3 тысяч репродукций картин русских и зарубежных авторов. «Малая третьяковка», – так говорят о них соседи. Девизом коммуниста Слепова стали крылатые слова А. Горького: «Любите книгу – источник знаний».

ЧАСТЬ 7. ОБРАЗ КОЛЛЕКЦИОНЕРА В ЛИТЕРАТУРЕ

Источники для самостоятельной работы

С. Т. Аксаков «Бабочка»

Когда все разезды были кончены, деревенская жизнь с возможными по тамошней местности удовольствиями пошла по своей обыкновенной колее. Что и говорить – не было никакого сравнения между Старым и Новым Аксаковым! Там была река, огромный пруд, купанье, ужение и самая разнообразная стрельба, а здесь воды совсем почти не было, даже воду для питья привозили за две версты из родников; охота с ружьем, правда, была чудесная, но лесная, для меня еще не доступная, да и легавой собаки не было. Впрочем, отец возил меня несколько раз на охоту за выводками глухих тетеревов, которых тамошний охотник, крестьянин Егор Филатов, умел находить и поднимать без собаки; но все это было в лесу, и я не успевал поднять ружья, как все тетеревята разлетались в разные стороны, а отец мой и охотник Егор всякий раз, однако, умудрялись как-то убивать по нескольку штук; я же только один раз убил глухого тетеревенка, имевшего глупость сесть на дерево. Вальдшнепов было великое множество, но для них еще не наступила пора. Впрочем, Егор приносил иногда старых и молодых вальдшнепов: молодых он ловил руками, с помощью своей зверовой собаки, а как он ухитрялся убивать старых – я и теперь не знаю, потому что он в лёт стрелять не умел. Около моховых болот, окруженных лесом, жило множество бекасов, старых и молодых; но я решительно не умел их стрелять, да и болотные берега озер под ногами так тряслись и опускались, «ходенем ходили», как говорили крестьяне, что я, по непривычке, и ходить там боялся. Езжали мы иногда в лес, целой семьей, за ягодами, за грибами, за орехами; но эти поездки мало меня привлекали. Итак, поневоле единственным моим наслаждением было собирание бабочек; на него-то устремил я все свое внимание и деятельность. Бабочек, по счастью, в Старом Аксакове оказалось очень много, и самых разнообразных пород; особенно же было много бабочек ночных и сумеречных. Гусениц попадалось уже мало, да я и не занимался ими, потому что выводиться было им уже некогда или поздно: наступал август месяц. При первых моих поисках и в старом плодovitом саду, и на поникшей речке Майне, и около маленьких родничков, которые кое-где просачивались по старому руслу реки, и на полянах между лесами я встретил не только бабочек, водившихся в окрестностях Казани, но много таких, о которых я не имел понятия. Сумеречных бабочек я караулил всегда в сумерки или отыскивал в лесном сумраке, да-

же среди дня, где они, не чувствуя яркого солнечного света, перепархивали с места на место. Ночных же бабочек, кроме отыскивания их днем в дуплах деревьев или в расщелинах заборов и старых строений, я добывал ночью, приманивая их на огонь. Я сделал себе маленький фонарь и привязывал его на вершину смородинного или барбарисового куста, или на синель, или невысокую яблонь. Привлеченные светом бабочки прилетали и кружились около моего фонаря, а я, стоя неподвижно возле него с готовой рампеткой, подхватывал их на лету. В непродолжительном времени я поймал около двадцати новых экземпляров; трудно было определить их названия по Блуменбаху, как мы ни хлопотали над ним вместе с сестрой. Не ручаюсь даже за точность имен, принятых мною по некоторым признакам и сходству в описании. Я заимствовал их из нашего немецкого руководителя, и они казались мне тогда верными. Расскажу о самых замечательных бабочках по порядку, как они мне доставались. Первая бабочка, пойманная мною, должна принадлежать к породе не настоящих сумеречных бабочек, потому что признаки в ней были смешанные. Мне казалось, что ее можно отнести к одному из многочисленных видов моли, принадлежащих к породе ночных бабочек; но в описанных у Блуменбаха ее нет, да она и крупна для пород моли. Это была бабочка несколько менее средних, но и не маленькая; крылушки у ней круглые, как снег белые, покрытые длинным пухом, который на голове, спинке и брюшке еще длиннее; на этом белом пуху ярко выдаются черные, как уголь, глазки, такого же цвета длинный волосяной хоботок, толстые усики и ножки.

Когда я увидел ее в первый раз, тихо вьющуюся около какого-то дерева в лесу, то опускающуюся, то поднимающуюся, я подумал, что это летает пух в душном, недоступном продольному ветерку лесном воздухе. Но когда в другой раз увидел я эту точно косматую пушинку, прильнувшую к древесному листку, тогда, подойдя поближе, к великой моей радости, я разглядел, что это бабочка. Много предстояло мне хлопот. Много надо было ловкости, чтобы ее поймать и разложить, не помявши и не потерши ее пушистых крылушек. Вторую бабочку поймал я и назвал, по Блуменбаху, Иперант (*Hyperanthus*). Она принадлежала по величине к породе средних бабочек; на всех ее четырех темносизых, вырезных, угольчатых крыльях находятся беленькие точки, а на изнанке нижних крыльев по три светлых очка или кружочка; она была довольно красива, или, правильнее сказать, необыкновенна. Потом поймал я Атропу, или Мертвую Голову; в ее названии ошибиться нельзя – признак слишком очевиден: возле самой ее головки, на спинке, находится нечто похожее на человеческий череп и две кости, сложенные под ним крестообразно. Верхние крылья у нее светлобурные, а задние – желтые с двумя черными поперечными полосами; брюшко желтое с черными перевязками. Хотя она показана у Блуменбаха в числе сумереч-

ных бабочек, но мы признавали ее за ночную, по величине ее крыльев и толщине туловища.

Очень была красива узором и замечательна относительной величиной своей Настоящая сумеречная бабочка, у которой крылушки верхние и нижние были совершенно клетчатые: кофейные клеточки лежали по белому полю. Маленькие в этом роде бабочки попадались часто, но такой величины я никогда уже не встречал. Она ночью залетела в комнату моей сестры и уселась очень низко в углу. Я заметил ее поутру и подумал, что это лоскуточек клетчатого ситца или кисеи пристал как-нибудь к стене, – и боже мой, как обрадовался, когда разглядел, что это бабочка. У Блуменбаха ее вовсе нет. Была также у меня очень большая ночная бабочка, вся светлобурая, у которой на крыльях лежала диагональная полоса беловато-розового цвета, так что когда я разложил ее и поднял верх длинноватые и угловатые ее крылья, то конец перевязки на верхнем сошелся с началом перевязки на нижнем крыле и они составили бы треугольник, если бы продолжить их сходящиеся концы. У Блуменбаха есть некоторое сходство с нею в описании Огородной ночной бабочки. Впрочем, сходство это ограничивается только перевязкою, похожею на треугольник. Но самыми драгоценными приобретениями, из которых каждое в свою очередь привело меня в восторг, были две бабочки: Кавалер Махаон и Большой Павлин. Вот каким образом достались мне эти сокровища. Шел я однажды по иссохшему руслу речки Майны и увидел в небольшом углублении, вероятно высохшего от жаров родничка, дно которого было еще мокро, целую кучу белых простых капустных бабочек. Многие из них лежали уже мертвые или умирали, другие сидели в кучке, сложив свои крылья, ползали, но уже не летали, остальные вились над ними. Подобные явления для меня были не новость. Я видел, как некоторые породы бабочек, как, например, белые маленькие, голубые и маленькие же светлокоричневые с точками на задних крыльях, собираются в кучи, чтобы вместе умирать.

Я подошел, однако, из любопытства, потому что подобные необъяснимые явления всегда любопытны. Вдруг вижу, что в числе сидящих и ползающих сидит одна большая желтая бабочка. Я наклонился ее рассмотреть и пришел в такой восторг, который трудно передать моим читателям. Эта бабочка была Кавалер, и не Подалириус, потому что широкие сверху и узенькие внизу поперечные черные полосы ясно изображались и на исподней стороне ее верхних крыльев, чего совсем нет у Подалириуса, да и концы шпор были совершенно другие. Итак, это Кавалер Махаон!.. Необычайность такого счастья отуманила меня... Как бы для полного моего удостоверения, бабочка раскрыла свои крылья, проползла вершка два и опять плотно сложила их. По рисункам и по одному эк-

земляру у Фукса я знал хорошо отличительные особенности Махаона, и у меня не осталось сомнения, что это он. Я накрыл его поспешно рампеткой и, успокоившись от волнения, вздохнув свободнее, стал думать, как бы взять бережнее мою драгоценную добычу. Сначала я старался спугнуть бабочку, чтоб она взлетела и чтоб я мог завернуть ее в мешочке рампетки; но она не двигалась с места. Тут я догадался, что она находится в таком же полусонном или болезненном предсмертном состоянии, как и окружавшие ее белые бабочки; я подпустил правую руку под рампетку, преспокойно взял двумя пальцами Кавалера за грудку, сжал и, не выпуская из рук, поспешил домой. Раскладывая Махаона, я, к моему огорчению, увидел, что верхняя сторона левого нижнего крыла была потерта. Вообще при внимательном рассмотрении можно было заметить, что бабочка уже много жила и много потеряла цветной своей пыли, следовательно, потеряла яркость и свежесть своих красок, точно полиняла. Но, несмотря на эти недостатки, Кавалер Махаон мог назваться драгоценной добычей.

Здесь я считаю кстати объяснить недоразумение, в котором мы находились тогда относительно обоих Кавалеров, то есть Подалириуса и Махаона.

Имея в руках Blumenбаха, Озерецковского и Раффа (двое последних тогда были известны мне и другим студентам, охотникам до натуральной истории), имея в настоящую минуту перед глазами высушенных, нарисованных Кавалеров, рассмотрев все это с особенным вниманием, я увидел странную ошибку: Махаона мы называли Подалириусом, а Подалириуса – Махаоном. Правда, что с первого взгляда они несколько похожи друг на друга; но не сходство этих бабочек, а профессор Фукс ввел нас в это заблуждение. Он назвал Махаона Подалириусом, а мы, положась на его слова, уже невнимательно прочли описание Blumenбаха, Озерецковского и Раффа. Итак, первые Кавалеры, пойманные Тимьянским и мною, были Махаоны. Вот описание последнего с натуры, по возможности подробное и точное. Махаон принадлежит к числу крупных наших бабочек; крылья имеет не круглые, а довольно длинные и остроконечные, по желтому основанию испещренные черными пятнами, жилками и клетками; передние крылья перевиты по верхнему краю тремя черными короткими перевязками, а по краю боковому, на черной широкой кайме, лежат отдельно, в виде оторочки, желтые полукружочки, числом восемь; к туловищу, в корнях крыльев, примыкают черные углы в полпальца шириною; везде по желтому полю рассыпаны черные жилки, и все черные места как будто посыпаны слегка желтоватою пылью. Нижние крылья овально-кругловаты, по краям вырезаны городками или фестончиками, отороченными черною каймою, с шестью желтыми полукружочками, более крупными, чем на верхних крыльях; непосредственно за ними следуют черные, широкие дугообразные полосы, также с шестью, но

уже синими кружками, не ясно отделяющимися; седьмой кружок, самый нижний, красно-бурого цвета, с белым оттенком кверху; после второго желтого полукружочка снизу или как будто из него идут длинные черные хвостики, называемые шпорами, на которые они очень похожи. Подалириус же – цветом также желтый, но гораздо бледнее, с черными пестринами; на верхних своих крыльях имеет широкие, сначала черные перевязки, идущие с верхнего края до нижнего, но внизу оканчивающиеся уже узенькой ниточкой; на нижних крыльях у Подалириуса лежат кровавые небольшие ободочки с синей середкой; синюю же каймою оторочены нижние крылья с наружного края; шпоры имеет такие же длинные и черные, с желтыми оконечностями. Вообще Подалириус в объеме уже Махаона. Для меня он даже красивее.

Ночная бабочка Павлин, редкой величины и красоты, залетела ко мне сама. Недели за две до моего отъезда были у нас гости. Часов в девять вечера все сидели в гостиной около самовара и пили чай; моя мать сама его разливала. Вечера становились уже прохладны, но окна были открыты; четыре свечи горели в комнате. Взглянув нечаянно вверх, я увидел на самом потолке мелькающую тень от чего-то летающего. Я сейчас подумал, что это летучая мышь: их водилось там очень много, и они часто по вечерам влетали на огонь в горницы. Мать моя имела к ним непреодолимое отвращение, и я хотел уже сказать, чтобы она вышла, покуда мы выгоним незванную гостью. Но, взглядевшись попристальнее, я заметил, что это была не летучая мышь, а бабочка, бабочка огромная и непременно ночная. Я поднял страшный крик и бросился затворять двери и окна. Все были испуганы, мать осердилась и начала бранить меня; но когда я, задыхаясь от волнения, указывая вверх рукою, умоляющим голосом выговорил: «Бабочка, огромнейшая, чудеснейшая бабочка! позвольте мне ее поймать...» – все расхохотались, и мать, знавшая мою безумную страсть, не могла не улыбнуться; она позволила мне поймать залетевшую к нам бабочку, огромнейшую и чудеснейшую, по моим словам. Но это было не так легко сделать. Она летала под самым потолком и садилась иногда отдыхать на карнизе. Я сбегал за самой длинной рампеткой, поставил на стол стул и вскарабкался на него. Мать ушла с гостями в залу, чтобы я мог возиться на просторе, а сестра и отец остались помогать мне. Отец придерживал стул, на котором я стоял, а сестрица влезла на стол и, держа в руках две горящие свечи (остальные две мы потушили), вытянув руки вверх и стоя на цыпочках, светила мне и приманивала бабочку на огонь. Распоряжения мои увенчались успехом: бабочка стала кружиться около меня, и я скоро поймал ее. Это была бабочка Большой Павлин, немного поменьше летучей мыши. Не берусь описывать, до какой степени я ей обрадовался и как я был счастлив тогда! Об огромном Павлине, как о великой редкости, слышался я от Фукса; без всякого сомнения, это была та самая бабочка. У

Блуменбаха описание ее совершенно недостаточно, а в отношении к образованию крыльев вовсе не верно. Вот его описание: «Ночная бабочка Павлин (Pavonia) с гребенчатыми усиками, безъязычная, у коей крылья округленные, серовато-мутные, с некоторыми (?) повязками, а на них несколько прозрачный глазок». Пойманная же мною бабочка, признанная впоследствии за настоящего Большого Павлина и профессором Фуксом, имела крылья не округленные, а несколько продолговатые и по краям с маленькими, чуть заметными вырезками. Пожалуй, можно их назвать серовато-мутными, но это не дает настоящего понятия о цвете ее крыльев; они были прекрасного пепельного цвета с темноватыми и беловатыми по краям полосками, или струями, с оттенками и переливами такого красивого узора, что можно было на них заглядеться. Нижние крылья были также хороши, но какого-то мутного, пепельного цвета, на всех четырех крыльях находилось по большому кружку, или глазку, блиставшему цветом павлиньих перьев, то есть глазков, находящихся на длинных перьях в хвосте самца павлина, отчего, вероятно, и бабочка названа Павлином. Испол под крыльев просто серый, с белыми жилками, но глазки обозначались и там очень красиво, хотя не так ярко, с примесью бледнопунцового цвета, которого на верхней стороне совсем не видно. Хотя лучше было разложить прелестную бабочку при дневном свете, но я побоялся отложить эту операцию по двум причинам: если Павлин умрет от сжатия грудки, то может высохнуть к утру; если же отдохнет, то станет биться и может стереть цветную пыль с своих крыльев. Итак, я решил разложить ее сейчас, зажег несколько свеч и в присутствии всех гостей и моего отца, смотревших с любопытством на мою работу, благополучно разложил чудесного Павлина.

Само собою разумеется, что у меня давно уже был сделан прекрасный ящик со стеклом, оклеенный внутри белую бумагою, с мягким липовым дном для удобного втыкания булавок с бабочками. Мало-помалу ящик наполнился поистине прекрасными и даже редкими экземплярами бабочек; но теперь предстоял вопрос: как его довести до Казани на почтовых, в ямской кибитке? Булавки могут повыскакать от тряски, и тогда один вывалившийся экземпляр перепортит множество других. Оставалось одно средство: во всю дорогу держать ящик в руках; езды было всего сутки, можно ночку и не поспать.

Тридцатого августа утром я уже скакал по казанской дороге, именно с ящиком в руках. На каждой станции я пробовал, крепко ли держатся булавки. Бодро не спал всю ночь, и только на другой день поутру уступил просьбам моего Евсеича, который, вызвавшись поддержать моих бабочек, уговорил меня «соснуть часок-другой». К обеду приехал я благополучно в Казань, на свою квартиру. Панаевы еще не приезжали. Я немедленно отправился в университет,

разумеется с ящиком бабочек. Я нашел Тимьянского выздоравливающим от болезни. Он, бедный, прохворал почти все лето лихорадкой. Наши бабочки, хранившиеся в библиотеке, и хризалиды и гусеницы находились в совершенном порядке; во все это время неусыпно смотрел за ними Кайсаров, – я не знал, как и благодарить его! Почти все червяки превратились в хризалиды, а остальные померли; многие из прежних хризалид превратились в бабочек; замечательных не оказалось, но все до одной были разложены. Мое деревенское собрание бабочек привело в восхищение Тимьянского, Кайсарова и других студентов, принимавших более или менее участие в этом деле. Почти все студенты, уезжавшие на вакацию, воротились к августу, потому что начинались лекции. Собрание насекомых Тимьянского мало приобрело нового со времени моего отъезда сколько от его болезни, столько и от того, что ближайшиe окрестности Казани не представляли особенных удобств к добыванию новых, разнообразных и редких насекомых. Что же касается бабочек, то не оставалось никакого сомнения, что наше с Панаевым собрание, не принимая в расчет того, что привезет мой товарищ, было несравненно лучше собрания Тимьянского. С мучительным нетерпением ожидал я возвращения друга моего Александра. Что-то удалось поймать ему? И что скажет он, взглянув на моих бабочек? Я беспрестанно посылал узнавать, не приехали ли Панаевы, и сам несколько раз ездил осведомляться о том же. Наконец, августа, вечером, прислали сказать мне из дому Панаевых, что «молодые господа сейчас приехали», – и через несколько минут я был уже на Черном Озере. Ящик с бабочками, конечно, был со мною; но я завязал его платком, чтоб показать вдруг с большим эффектом тогда уже, когда общее внимание будет устремлено без помехи на мои драгоценные приобретения. После первых радостных объятий и восклицаний мы оба с Александром в один голос спросили друг друга: «Ну, что же ты привез?» Я отвечал многозначительно, что «привез кое-что, чем он будет доволен». Панаев отвечал в таком же роде с самодовольною улыбкой; но братья его не вытерпели, и все четверо вдруг начали рассказывать и хвалиться своими бабочками, прибавляя, что у меня, «конечно, ничего подобного нет». – «Ну, так показывайте», – сказал я. «Нет, покажи наперед ты!» – возразил Панаев. В таких перекорах прошло несколько минут. Наконец, я уступил и открыл свой ящик. Панаевы были поражены, уничтожены; Александр в радости бросился меня обнимать. Махаона, то есть Подалириуса, и Павлина никто не ожидал. «Ну, – сказал Александр Панаев, рассмотрев внимательнее моих бабочек, – после этого наших нечего и показывать! Да и как ты стал хорошо раскладывать, не хуже меня!» – прибавил он. Но это было несправедливо. Я стал лучше прежнего раскладывать – это правда; до Панаева же мне было далеко. После он разглядел, да я и сам указал ему многие мои грехи, происшедшие от неловкости и нетерпения. Наконец, Александр

принес свой ящик. Цельность экземпляров, красота и чистота раскладки поистине были изумительны; но, конечно, таких редких бабочек, как Махаон и Павлин, у него не было. Он привез около двух десятков новых экземпляров и несколько дубликатов прежним нашим бабочкам в превосходнейшем виде. Лучшие бабочки его были следующие: дневная бабочка, которую мы признали за Полихлора (*Polichloros*), по Блуменбаху, значительной величины; она имела крылья угловатые, желто-красные, с черными пятнами; на верхних крыльях сверху находились четыре черные крупные точки, идущие от конца крылушка к туловищу. Она имела некоторое сходство с крапивной бабочкой. Другая дневная бабочка, которую с грехом пополам мы назвали Пафия, тоже по Блуменбаху, была средней величины, крылья имела зубчатые, оранжево-желтые, с темносиними блестящими пятнами. Это была бабочка необыкновенной красоты, но «с исподи на крыльях серебряных поперек черт», как пишет Блуменбах, никаких не оказалось. Впрочем, это могло происходить от случайной причины. Из ночных замечательными можно было назвать двух бабочек: одна из них, Антиква, довольно большая, имевшая крылья очень плоские, хорошего, то есть яркого темнокрасного цвета; на передних или верхних ее крыльях, у заднего угла, находилось по белой лунке или пятну. Другая ночная бабочка, признанная всеми за Смородинную Геометру (*Grossulariata*), имела крылья белесоватые, испещренные кругловатыми черными пятнушками; на передних крыльях были заметны желтые черточки или желтые оторочки черных крапинок. Особенно были хороши у Панаева средней величины сумеречные бабочки. Первую из них признали мы, по Блуменбаху, за Сфинкса (*Celerio*); у ней были верхние серые или дымчатые крылья с продольною чертою, или, лучше сказать, двумя чертами, вместе соединенными; одна половина черты была черная, а другая белая, задние крылушки к корню, или туловищу, были красные, каждое с шестью точками или пятнушками. Про нее сказано у Блуменбаха, что она водится на винограде; но там, где его нет, вероятно она водится по другим кустарникам или растениям.

Вторую же сумеречную бабочку можно назвать Собачья Голова (*Stellatarum*), по необыкновенно бородастой груди, мохнатому брюшку и задним красновато-желтым крылушкам; верхние же крылья не сходны с описанием Блуменбаха: они не белые и черные, как он говорит, а самого простого серого цвета, как у всех обыкновенных свечных, ночных бабочек. Остальных сумеречных, тоже очень красивых, не часто попадающихся бабочек, пойманных Панаевым, мы определить и назвать не могли.

Когда мы соединили наши четыре ящика и привели их в надлежащий порядок, то есть расположили бабочек по родам, выставили номера, составили ре-

гистр с названиями и описаниями, то поистине наше собрание можно было назвать превосходным во многих отношениях, хотя, конечно, не полным. Все студенты соглашались беспрекословно, и уже не было никакого спора, чье собрание лучше, наше или Тимьянского. Можно сказать, что мы с Панаевым торжествовали.

В. Пикуль «Известный гражданин Плюшкин»

Конечно, все мы высоко чтим Плюшкина, однако напомнить о нем никогда не будет лишним, ибо этот человек заслуживает внимания и уважения в любознательном потомстве.

Валдай издревле славился на Руси богатством расторопных жителей, склонных к торговле; край был сытный, привольный, разгульный; в реках водилась жирная форель, находили и жемчужные раковины; изобилие скота в уезде просто ошеломляло, а сам город был знаменит не только валдайскими колокольчиками, но и кренделями особой выпечки, так что путник не проедет мимо, прежде не вкусив от Валдая его природных благ.

Вот в этом краю и родился Федор Михайлович Плюшкин...

Отец его жил с торговли, но в 1848 году отца прибрала холера, а мать, в делах коммерции несведущую, вконец разорили бывшие компаньоны. Поплакала она и сказала сыну:

– Мал ты ишо, десяти годочков нетута, а жить при деле надобно, иначе дураком помрешь. Кому кланяться? Братцы твою тятеньки, дядя Коля да дядя Ваня, уж на что свирепы, ну чисто собаки на всех кидаются, а делать, сыночек, неча – к родным супостатам на поклон идти надобно...

Пошли! Дядя Коля сразу на них орать начал:

– На што ты мне, Анька, пащенко суешь? Или думаешь, глупая, что я Федьку ублажать стану, ежели он племянником мне доводится? Да я никого даром не кормил и кормить не стану.

– Возьми, Николай Федорович, – взмолилась мать, на колени падая. – Не дай пропасть сиротинушке, а уж он постарается. Не гляди, что мал., он у меня смышленный!

– Ладно, оставьте, – разрешил дядя. – Поглядим, на какое проворство способен...

В четыре часа утра сдергивали с полатей, чтобы снег перед домом убрать, потом с ведрами – за водой, время самовар ставить, а покупатели из дядиной лавки не желают товары нести – Федя тащит; так весь день и крутился мальчонка. Подвырос он, и дядя Николай стал посылать его с товарами по ярмаркам – следить за извозчиками, чтобы чего не сперли. Бывало, едет-едет, а морозы-то лютейшие. На остановках в пути извозчики водки нажрут да, в тулупы завернувшись, дрыхнут по амбарам, а бедный Федя на возу скрючится, спит на морозе, ажно слезы на щеках замерзают.

Тут к ним подковылял юродивый Тимоха Валдайский, босиком по снегу шастая, и стал что-то нашептывать Николаю Плюшкину по секрету. Дядя послушал его речей да как треснет убогого в ухо – бедный Тимоха в сугроб так и завалился. Дядечка сказал ему:

– Ты мне тут не колдуй, тварь вшивая! Штобы я, купец второй гильдии, да побираться ходил..., не-а, тому не бывать.

А юродивый – из сугроба – на Федю палкой указывал:

– Эвон, отрок с метлой..., гляди, какой ясный! Вот его угол всегда будет полон добра всякого, а ты, Николай Плюшкин, завшивеешь, как я, и к нему за милостыней шляться станешь...

Ох, не понравилось дяде Николаю такое пророчество, долго он переживал, думая, потом заявил племяннику:

– Езжай от меня..., мне с твоей будущей конкуренции стали вши сниться. Я письмо написал в Москву – фабриканту Бутикову, чтобы приспособил тебя. С глаз долой – из сердца вон!

Езжай, а то и всамделе завшивею...

Федя в Москве-то и подюжал для расцвета юности, ежедневно таская пудовые тюки на Остоженку. Но Бутиков скоро его приветил, разглядев в парне грамотность и любовь к чтению.

– Вот что! – сказал фабрикант. – Из крючников перевожу тебя в приказчики..., на всем готовом. Семь рублей жалованье...

Рад ли? А кстати, кой годочек тебе пошел?

– Двадцатый, – пояснил Федя Плюшкин.

– Тады семи рублей хватит. Живи и наслаждайся...

И верно – хватало, даже маменьку финансировал. Но в доме Бутикова расцветала Наташа, дочь фабриканта, и так молодые полюбились друг другу, что роман меж ними в тайнстве не остался. Бутиков же совсем не хотел иметь такого зятя, как Плюшкин, который семи рублям радуется.

– Удались-ка ты во Псков, отвезешь деньжата моим кредиторам, опосля седи во Пскове, жди от меня указаний.

Приехал Федя во Псков, где недавно поселился и дядя Коля, купивший в городе дом для своих магазинов. Федя исполнил хозяйское поручение, стал ожидать, что прикажут ему далее делать, и вскоре Бутиков известил его, чтобы катился на все четыре стороны, а Наташки не видеть ему, как своих ушей...

Федя устоял, но мать его зашаталась от горя:

– Хосподи! На што ж мы жить-то нонеча станем? ..

Перебрала вдовица свое барахло, что от мужа осталось, сняла с пальца кольцо золотое, велела идти на поклон к дяде Николаю, чтобы тот ссудил деньгами под залог вещей его покойного братца. Услышав такое, Николай Плюшкин осатанел:

– Под такое-то барахло.., да ишо кредитовать тебя? Узнаю добра молодца по соплям до колена.., дурак такой!

Вышиб его дядя прочь, швырнув юнцу десять рублей:

– Вот тебе, племяшек родненький.., на разжирение!

Приютил Федю с матерью другой дядя – Иван, у которого тоже был дом во Пскове, и в этом доме Иван Плюшкин не только магазин содержал, но и номера сдавал для проезжающих; а чтобы приезжие не скучали, он даже театр имел – с актерами.

– По мне так живите, – благодущничал дядя Ваня. – Можете в театре моем даже комедь подсматривать.., не жалко!

На десять рублей, что швырнул ему дядя Коля, Феденька накупил всякого барахла – иголок швейных, гребенок, наперстков, мыла, тесемок, катушек с нитками разноцветными, а матушка его – искусница! – сотворила немало «венчиков» (бумажных цветочков, ибо в те времена, читатель, русские крестьяне на шляпах-гречневиках имели обыкновение носить цветочки). Вот с таким товаром Федя стал коробейником и пошел по деревням псковским, еще от околиц баб и девок зычно скликая:

– А кому нитки, а кому иголки острые, а кому наперсточки, чтобы не уколоться... Налетай, у других дороже! А вот и книжечка для вечерне-семейного чтения – «Прекрасная магометанка, умирающая на гробе любимого мужа...».

Далеко ушел Федя Плюшкин, даже до Порховского уезда, и однажды вернулся с таким барышом, что сам не поверил. Уже в старости, известный не только в России, но даже в Европе, Федор Михайлович переживал тогдашнюю выручку:

– Семьдесят семь копеек.., кто бы мог подумать! Маменька как увидела, так и села. Вот праздник-то был! Поели мы сытно, а потом комедию даром смотрели... Это ли не жизнь?

Торговля – дело наживное, только знай, чего покупателю требуется, и через три годочка коробейник Федя Плюшкин имел уже сто рублей...

С этими деньгами поехал он в Петербург, чтобы накупить выгодных товаров. Столичным коммерсантам понравился парень, непьющий и разумный; поверив Плюшкину, они даже открыли ему кредит, и скоро он завел в Пскове собственную лавчонку, где и начал торговать дешевой галантереей. Псковские модницы повадились навещать его лавку, что размещалась в доме на углу Сергиевской и Петропавловской улиц: в этом же доме Федя Плюшкин снимал комнаты – для себя и для матушки.

– Слава те, Хосподи, – крестилась маменька, – жить стали так, что люди позавидуют. Мне бы еще внуков баюкать, чтобы старость была утешная. Уж я бы и померла спокойно...

Федя Плюшкин жил иными заботами; его тянуло к людям умным, начитанным, сам много читал. От галантерей не поумнеешь, потому парень, отсидев в лавке, вечерами постигал книжную мудрость. Да и сам Псков, еще не трону-

тый вандализмом казенных архитекторов, раскрывал многие тайны былого – еще цела была крепостная стена, выстоявшая под напором Стефана Батория, еще красовались древние храмы, помнившие Марфу Борецкую, наполняя град звонами древних колоколен, а сколько легенд, сколько преданий... Однако Плюшкин поначалу увлекался природными курьезами. Завел клетки для птиц редкостных, где-то раздобыл даже заморскую диковину – колибри; не успевал менять воду в аквариумах, где плавали рыбешки – несъедобные, зато красивые. Скоро разместил в своей квартире террарий для всяких рептилий.

Однажды еще с порога порадовал свою матушку:

– Вы, маменька, тока не пужайтесь – я для вашего удовольствия гадюку принес. Таких, как моя, даже у царя во дворце не водится... Гляньте, как ощерилась да шипит – у-у-у!

Анна Ивановна так и обмерла от страха:

– Пресвятая мати-богородица, да когдась ты в дурня мово разум вколо-тишь? Где бы ему жениться, а он... Мало тебе попугаев да ершей с миногами – ты еще и гада приволок... Ведь заедят нас ночью, ты о себе-то подумал ли, коли тебе родимой матушки не жалко?

– Не, маменька, не думал. Но очень уж мне по нраву, чтобы вокруг меня плавали, летали, ползали да чирикали.

– Женись, дуралей! – настаивала матушка, – Жена тебе всех канареек, всех гадюк с ядом заменит. Сразу осчастливит...

Повинуясь матери, Федя отъехал на родимый Валдай, где и выбрал в жены Марью Ивановну Шаврину; были меж ними любовь и согласие – на всю жизнь. Поворчит иногда Машка да и смирится. Но летом 1867 года случилась беда: дом дяди Ивана, в котором Федя держал лавку, сгорел дочиства, одни стенки остались. Плюшкины сообща делили обгорелые кирпичи и сам участок, где дом раньше стоял. Племяннику отвели самый угол участка и даже кирпичей ему накидали, сказав при этом:

– Ты у нас больно ученый, все в книжку глядишь. Вот и посмотрим, како-во сам уладишься на погорелище...

Федя подзаял денег, и скоро на углу Петропавловской вырос его собственный дом в два этажа, ничем не примечательный, архитектуры самой простенькой. Внизу разместил торговлю ситцами да побрякушками для псковских

барышень, а второй этаж отвел для прожития. Дабы отразить любовь к старине, выкатил он перед магазином древнюю мортиру с кучею ядер времен Батория, а жена даже обиделась, сложив губки «бантиком»:

– Ты бы обо мне заботу возымел! На што мне пушка твоя, я бы вечерком хотела в садике посидеть..., с сиренью.

Для любимой жены Плюшкину ничего было не жаль. Но просто садик его никак не устраивал, и скоро Машка по вечерам грызла орехи каленые

– вся в окружении канадских елочек да американских папоротников, а сам Плюшкин, начитавшись всяких пособий по ботанике, «производил опыты со всевозможными прививками, разведением грибов и акклиматизацией чужестранных растений... Жажда знаний, особенно при том скудном образовании, которое он имел, была у него прямо поразительная» – так было сказано в некрологе на смерть этого человека.

– Нет на тебя угомону, – выговаривала ему жена.

– И не жди – не будет, – отвечал Феденька.

Так и жили. Но скоро Плюшкин перестал метаться, обретя главный интерес жизни – к истории как таковой и к тем предметам старины, которые помогали ему освоиться в истории, как в своем доме. Прослышав, что завелся в Пскове такой чудак, который любое «старье» покупает, к Плюшкину потянулись мальчишки, находившие древние монеты, посуду и оружие предков, наезжали крестьяне из деревень, желавшие выручить лишний рубелек за всякую ненужную заваль из своих сундуков. Федор Михайлович покупал все, что несли, и правильно делал, приобретая даже такой хлам, который выбрасывал потом на помойку. Много позже он объяснял ученым-археологам свое поведение:

– Я, поймите, был вынужден приобретать все подряд, – что бы ни предложили! Потому как если бы я покупал выборочно, а не все, что несли, то в другой раз продавцы ко мне бы не пришли. А теперь, глядите, у меня всякого жита по лопате!

Старуха мать, осчастливленная внуками и внучками, не смела перечить сыну, когда Плюшкин властно расселил семейство в тесных «боковушках», а весь второй этаж здания отвел под создание музея старины. Теперь и мортира с ядрами, поставленная перед магазином, служила верным указателем душевных вкусов хозяина. Нежданно-негаданно, как это и случается в жизни, о собрании

Плюшкина заговорили в столичной печати, затем эхом откликнулись и газеты европейские... Правда, наезжим во Псков корреспондентам не все казалось достойным внимания, исподтишка они даже посмеивались, увидев на стендах музея Плюшкина коллекцию старинных лаптей и башмаков, выставку бальных туфель тех женщин, которые давным-давно отплясали свой век.

Федор Михайлович все насмешки сурово пресекал:

– Да не отворачивайтесь от лаптей! Где вы еще, господа, подобную выставку сыщете? Ни в Эрмитаже, ни в Третьяковской галерее, ни в Румянцевском музее такой выставки отродясь не бывало. Зато вот в музее Парижа целый зал отвели под витрины с обувью предков, так теперь нет отбою от заезжих туристов – ведь всякому интересно, что носили их предки...

«Псковский г-н Ф. М. Плюшкин вполне оправдывает свою знаменитую фамилию», – острили журналисты в газетах, и это очень обижало Федора Михайловича, который жене признавался:

– Все бы оно ничего, да уж больно мне господин Гоголь подгадил.., фамилией! Собираю я вот всякую мелочь от времен стародавних, а люди-то глядят и смеются, подлые: «Во, Плюшкин-то, мол.., сразу видно, с кого все крохи побрал – с Гоголя!»

Марья Ивановна распивала чаек из чашки, когда-то украшавшей сервиз Екатерины I, она черпала варенье ложечкой шведской королевы Христины, а над ее кокошником с головы боярышни Милославской красовался пейзаж работы Пуссена.

Домашний уют г-жи Плюшкиной щедро освещала старинная люстра из усадебного дома генералиссимуса А. В. Суворова.

– Не журишь, Феденька, – отвечала она. – На всякий роток не накинешь платок. Иные и хотели бы иметь такой дом – полная чаша, да не могут – кишка тоньше нашей...

Между тем Плюшкин не просто собирал старину, он самоучкой развился в большого знатока истории. Псковский купец, он вдруг заявил о себе уже серьезно, вполне научно, когда вмешался в грубую реставрацию знаменитых Поганкиных палат, документами из своего собрания доказав археологам, что они делают крыльцо не псковского, а московского типа:

– Эдак вы, господа хорошие, историю искажаете! Да-с. Вы уж извините, но безграмотности я не потерплю...

Как и предсказывал юродивый, иногда к Плюшкину являлся дядя Николай и, терпеливо покашливая у порога, ожидал милостыни – Христа ради и ради хлеба насущного. Получив от племянника пособие, старик, давно разорившийся, сумрачно и почти враждебно оглядывал музейные покои, говорил без зависти, но зато с каким-то угрожающим сожалением:

– Ох, высоко залетел, Федька.., гляди, свалишься!

– Залетел, верно. Однако не выше второго этажа. Мне бы и третий надо-бен, чтобы все собранное разместить...

Плюшкин был сравнительно молодым, когда стал членом Псковского археологического общества, в которое принимали людей только знающих; человек большого добродушия и щедрый, Плюшкин по праву стал попечителем детских приютов для сирот и подкидышей. Двери своего хранилища он держал открытыми, осмотр сокровищ позволял без платы за вход, а экскурсоводом выступал сам хозяин, каждой вещи, каждой картине и любому предмету Федор Михайлович давал точное определение, даже не скрывая, как и когда эти вещи ему достались.

– Здесь вы видите атрибуты масонства, принадлежавшие императору Павлу Первому.., в этом же ларце собраны драгоценные перстни и старинные пуговицы, иные весом в полфунта. А вот дамские камеи эпохи Наполеона, тут же обратите внимание на коллекцию вееров с рисунками в духе Ватто и собрание табакерок – золотых, фарфоровых, перламутровых, а эта вот выточена из слоновой кости... Пройдемте далее. Перед вами бранные доспехи русских витязей, щиты и шлемы времен Ледового побоища. Обращаю ваши взоры на собрание древних монет Пскова, каких нет даже в императорском Эрмитаже, иные монеты оправлены черепаховой костью. Здесь, дамы и господа, образцы русской народной вышивки, душегрейки и сарафаны, украшенные бисером, а вот набор кошелев наших пращуров... Наконец, мы узрели серию разбойничьих кастетов. А в углу комнаты поникло знамя Наполеона и разложен английский платок с изображением московского пожара. Прошу удивиться прекрасному лунному пейзажу, сделанному из селедочной чешуи... Сие есть работа каторжников!

Посещавшие музей Плюшкина всегда изумлялись тому, что японские и китайские вещи Федор Михайлович приобрел для своего музея, никогда не бывав ни в Японии, ни в Китае.

– Да как же вам это удалось? – спрашивали его.

– А сам не ведаю... Ведь тут, не забывайте, проживали разорившиеся дворяне, от них много чего осталось. А ежели покопаться в бабкиных сундуках.., у-у-у, чего там только нету! Но она добро тебе покажет, ничего не продаст, сундук захлопнет и сама на него сядет. Тут, на Псковщине, благо она к рубежам близко, ныне появились наезжие из Европы комиссионеры – скупают все подряд, и все то, на что мы сейчас поплеываем, за границей весьма высоко ценится. Вот и собираю редкости в свой музей, как в сундук, и сижу на собранном, словно бабка, а может, после моей кончины соотечественники и скажут обо мне благодарственное слово.

Подлинный коллекционер, вкладывая в собрание всю свою душу, Федор Михайлович никогда не посмел бы задуматься о продажной ценности своих уникальных сокровищ.

– Не считал гроши, когда покупал, а посему стыдно рубли считать для продажи, – говорил он. – Я ведь, милые мои, в гроб с собою все это не заберу – и пусть все, мною собранное, и достанется русским чловецам.., на память обо мне!

В 1889 году скончалась мать Плюшкина, дожившая до свадьбы внучки, а через год после кончины матери разъехались служить сыновья – Михаил да Сережа. Старик всплакнул, но тут же поспешил занять комнаты детей музейными экспонатами. В доме Плюшкина спальня, столовая, кабинет, прихожая только назывались так, на самом же деле все домовые покои были битком забиты собранием старинных вещей, и, кажется, один только хозяин мог разобраться, где что лежит, где что в тени притаилось, едва заметное, но зато драгоценнейшее. От самых первых ступеней лестницы, ведущей на второй этаж, сразу начинался музей, богатствам которого могли бы позавидовать даже в столицах Европы, не имевших ничего подобного...

Мне поневоле делается страшно!

Да, мне страшно рассматривать гигантский разворот громадных страниц журнала «Искры», сплошь заполненный фотоснимками плюшкинского дома-музея. Страшно еще и потому, что ни я, автор, ни вы, читатели, никогда больше

этого не увидим – нам остались жалкие крохи. Известно, что П. М. Третьякову тоже было тесно, все залы его знаменитой галереи уже не вмещали собрание картин, но в доме Плюшкина буквально (я не преувеличиваю) было негде ткнуть пальцем в стену – ни единый сантиметр в комнатах второго этажа не оставался пустым.

Не сразу пришла к Плюшкину известность, в Псков зачастили историки, коллекционеры, археологи и просто жуликиторгаши, желавшие дешево купить, чтобы продать подороже; приценивались к вещам, брезгливо косоротились от слов Плюшкина:

– Не ради того собирал, чтобы выгоду иметь...

Столичный историк Илья Шляпкин, навещавший Псков ради знакомства с музеем, не раз укорял Плюшкина:

– Эх, Федор Михайлович! Собрали вы столь много, что скоро второй этаж обрушится и раздавит ваш магазин внизу дома... Но, простите, какой же музей без научного каталога?

Каталогом оставалась сама голова хозяина, который, входя в преклонные годы, сделался образованнейшим археологом, нумизматом, искусствоведом и даже вещеведом (если так можно выразиться). Федор Михайлович частенько говорил:

– Не считал, сколько у меня единиц хранения, но соперничать со мною может только один московский миллионер Петр Иванович Щукин... Меня, как и Щукина, ученые грамотеи винят во «всеядности». Верно, что для меня старая пуговица с мундира полтавского гренадера иногда кажется дороже бриллиантового перстня с пальца светлейшего князя Потемкина. Но прошу – не судите строго мою неразборчивость. Это правда, что у меня всякого жита по лопате, но моя «всеядность» проистекает от громадной любви ко всему, что уцелело от нашего прошлого...

Так рассуждал Федор Михайлович Плюшкин.

Что же нам от его музея осталось?

Скажите, пожалуйста, положи руку на сердце, какой из музеев нашей провинции не позавидовал бы теперь собранию живописи из дома Плюшкина?

Шутка ли – собрать более тысячи живописных полотен, и не просто картинок, какие поныне встречаются в наших комиссионках, а – подлинные шедевры кисти Левицкого, Греза, Боровиковского, Буше, Венецианова, Тернера, Брюллова, Сальваторе Розы, Маковского, Верещагина и многих-многих других. А какое было великое изобилие гравюр, офортов, литографий! Наконец, на фотоснимках дома-музея Плюшкина я вижу массу миниатюр: есть указание на редкостную миниатюру с изображением Ивана Грозного., зная бы, где она! В иконах я плохо разбираюсь, но со стен хранилища Плюшкина – чувствую – на меня глядят лики святых, писанные еще в незапамятные времена, и я понимаю, что таким великолепным собранием икон можно бы гордиться любому музею... Где же они теперь? Не счесть было и автографов, писем, которые, возможно, и не пропали, ибо в коллекции Плюшкина были даже письма поэта Пушкина, были и портреты его предков. О собрании же монет, перстней, вериг схимников, женских украшений, фарфора, пытошних инструментов, хрусталя, древнейших манускриптов, указов царей, посуды предков, коллекций часов, оружия, предметов культа Приапа, кошельков, привязных карманов, барских шандалов и мужицких поставцов для держания лучин – обо всем этом я уж и не говорю.

Была нужна книга, чтобы составить опись вещам...

– Федор Михайлович, – спрашивали иногда Плюшкина, – а вы не боитесь, что вас обворуют? Знаете, стащат один ларец с перстнями – и на всю жизнь себя обеспечат.

– Не боюсь, – отвечал Плюшкин. – Я, сударь, огня страшуся. Тут недавно полыхнуло поблизости, так со мною сердечный приступ случился, потом и почки схватило. Слава богу, пожар загасили, а я целый месяц в постели валялся...

Был 1905 год, когда Федор Михайлович, почасту болея, стал думать, куда бы пристроить свои сокровища. О том, чтобы продать музей в частные руки, он и не помышлял.

– Я свое получил при жизни, – говаривал он. – Дай Бог каждому вдоволь насладиться лицезрением редкостных раритетов, а теперь, близясь к порогу смерти, я могу передать свои сокровища едино лишь моему отечеству...

Все, что имело отношение к истории Псковщины, он хотел подарить псковскому музею, размещенному в Поганкиных палатах; остальное же Плюшкин желал бы передать в Русский музей, с которым и начал вести переговоры. Однако чиновники из Петербурга тянули дело, хотя и обещали, что место для

размещения плюшкинских экспонатов в Русском музее найдется. В 1909 году – после одного неприятного случая

– Федор Михайлович был вынужден закрыть двери своего хранилища для публики.

– Приехали ко мне солидные господа петербужцы, – рассказывал он, – предъявили рекомендательные письма от знатных особ столицы. А когда они, мерзавцы, ушли от меня, я гляжу, нет двух миниатюр, нет часиков императрицы Екатерины, пропали и редчайшие монеты, сделанные из перламутра.

Уже больной, Плюшкин тихо передвигался по комнате, часто отдыхал в кресле, сидя под иконою Богородицы.

– И не стыдно тебе, старик? – попрекала его жена-старуха. – Под кем сидишь-то? Под блудницею графа Аракчеева...

Верно! На громадной иконе, под видом богоматери с младенцем, возведя очи горе, была изображена Настасья Минкина, известная фаворитка Аракчеева, и Плюшкин того не отрицал:

– А что? Хороша ведь, язва..., залюбуешься!

Профессор Илья Шляпкин не поленился подсчитать.

– Федор Михайлович, – сказал он, – могу вас поздравить с тем, что в вашем музее собрано более МИЛЛИОНА исторических экспонатов. Таким образом, – уточнил Шляпкин, – ваша коллекция занимает ТРЕТЬЕ место в России и ОДИННАДЦАТОЕ место во всем мире – по количеству редкостей.

Плюшкин и сам не ожидал этого. Он разрыдался:

– Кто бы мог подумать? Ведь коробейником по деревням ходил..., семьдесят семь копеек однажды выручил, до сих пор тот день помню. Эх, полным-полна моя коробочка! Прощайте, я свое дело сделал, как и должно гражданину российскому...

Переговоры с Русским музеем безбожно затянулись, и, не дождавшись решения столичных чиновников, Федор Михайлович Плюшкин опочил сном праведным 24 апреля 1911 года.

Почти сразу после его смерти П. А. Столыпин, председательствуя в Совете министров, настоял на скорейшем приобретении плюшкинского собрания для Русского музея, и все министры дружно поддержали его в этом мнении, говоря:

– Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы коллекция покойного господина Плюшкина ушла за границу...

Тогда же было решено подготовить особый законопроект, дабы казна не скупилась в приобретении от наследников всего плюшкинского собрания редкостей. Но осенью того же года Столыпина застрелили в киевском театре, после чего дело о покупке музея Плюшкина снова застопорилось. Правда, в Псков нагрянула весьма авторитетная комиссия ученых, в числе которых были очень громкие имена; эта комиссия была составлена из специалистов по живописи и нумизматике, по древностям Египта, России и Востока, по археологии каменного века, по оценке старопечатных изданий, а знаменитый ювелир Карл Фаберже не поленился выступить в роли оценщика старинных драгоценностей.

Сыновья Плюшкина, люди довольно-таки сведущие в оценке вещей покойного отца, были крайне удивлены, когда ученые хотели скупить монеты древнего мира на вес, словно картошку на базаре, оценивая фунт монет в 13 рублей.

– Помилуйте, – возмутился Михаил Плюшкин, юрист и уже статский советник, – да вы нас дураками считаете. Ведь вот одна эта монета ценится среди знатоков в тысячу рублей...

Ученые мужи весь музей Плюшкина оценили в 80 тысяч рублей, о чем и было доложено императору Николаю II.

– Дорого, – загрустил тот. – Более шестидесяти тысяч дать нельзя. При этом желательно приобрести только предметы религиозного культа и вещи приапического толка, ибо давно назрел вопрос о создании отдела эротики в моем Эрмитаже...

После визита комиссии музей напоминал свалку, все было перемешано, будто на пожарище, многое сломали, разбили, пообрывали со стен, все перепутали, «и от прежнего внешнего вида музея, от прежнего порядка остались одни воспоминания да прекрасные фотографии». Как раз в это время в Псков примчался специалист древностей из Британского музея, некий антиквар Коген, который, оглядев только одну комнату Плюшкина, сразу же предложил:

– Сто семьдесят пять тысяч рублей.., угодно ли?

Плюшкины отказались от выгодной сделки, ибо хорошо помнили заветы отца – чтобы ни одна вещь не ушла из отечества.

В 1913 году коллекция Ф. М. Плюшкина, который более сорока лет своей жизни посвятил собиранию, была оценена и куплена за сто тысяч рублей, о чем говорит бумага директора Департамента Государственного Казначейства, копию которой любезно прислали мне внук и правнук моего героя, проживающие в Ленинграде. Приведу ее содержание:

«Милостивый Государь Сергей Федорович.

По приказанию Г. Председателя Совета Министровъ, Министра Финансов, имею честь уведомить Васъ, что по всеподданнейшему его докладу въ 27 день июня сего года последовало Высочайшее соизволение на приобретение въ казну собранныхъ Вашим покойным отцомъ коллекций русскихъ древностей на 100.000 руб.

Для приема этих коллекций будутъ командированы въ г. Псковъ уполномоченные отъ Русского Музея ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III И ИМПЕРАТОРСКОЙ археологической Комиссии, деньги же будутъ уплачены при приеме коллекций.

Примите, Милостивый Государь, уверение въ совершенном моемъ уважении и искренней преданности».

Большинство экспонатов музея Ф. М. Плюшкина находится в запасниках Русского музея. Будем надеяться, что когда-нибудь они будут открыты для обозрения.

И последнее. Мне очень хотелось бы знать: есть ли в современном Пскове хоть одна улочка, названная именем гражданина Плюшкина? Вряд ли! Ибо жители станут думать, что названа она в честь гоголевского Плюшкина... И пусть городские власти не листают тома громоздких энциклопедий: в них не нашлось места для того, чтобы сохранить память о нашем герое.

Портреты, портреты, портреты... Вельможи в кафтанах с кружевными жабо и кружевными манжетами, царские генералы в раззолоченных мундирах, дамы с высокими прическами, тетки в салопах и чепчиках, купцы в шубах, похожие на великого драматурга Островского, девочки с бантиками, мальчики в бархатных костюмчиках...

Тесно стояли шкафы, буфеты, конторки, секретеры, диваны, козетки, ломберные столики. На потолке люстры. Все это, как объяснил Веэн, старинное и ценное. На двух креслах даже натянуты веревочки, как это делается в музеях, чтобы на кресла не садились. Меня удивило, что Нора, Игорь и Костя уселись на таком ценном диване. Нора даже взобралась с ногами. Я думал, что этой мебелью пользоваться нельзя. Оказывается, можно. Нельзя сидеть только в креслах, перевязанных веревочкой, – они сломанные.

Нора курила. Игорь перебирал магнитофонные ленты, Костя перелистывал книгу. Здорово устроились, ничего не скажешь.

В застекленном шкафу стояли на полках крохотные фигурки из дерева, камня, фарфора. Это *нэцкэ*, японская миниатюрная скульптура, я видел их в Музее восточных культур.

– В моей коллекции есть уникальные экземпляры.

Сказав это, Веэн снял с полки несколько фигурок и поставил на стол. Они изображали крестьян, монахов, всадников, детей, маски, цветы, птиц, зверей, рыб.

Я бездарен в живописи. Нравится, не нравится – вот все, что я могу сказать. Но почему нравится или не нравится – сказать не могу. В натюрмортах, пейзажах, во всяких абстракциях я не разбираюсь совершенно. Мне нравятся картины, где изображены люди. Моя любимая картина в Третьяковке – это «Крестный ход» Репина. Помните мальчика с костылем? Сколько радости и надежды на его лице, как он весь устремлен вперед! Сейчас произойдет чудо, он выпрямит спину, бросит костыль и будет такой, как все... Вот это мне нравится! А как положены краски и как распределен свет – в этом я не разбираюсь.

Веэн взял в руки фигурку старика с высоким пучком волос на голове и длинной редкой бородой. Одной рукой старик придерживал полы халата, в другой сжимал свиток. Фигурка была величиной всего с мундштук, и все равно было ясно, что этот старик – мудрец. Что-то вечное было в его лице, в длинных морщинах, в худом, истощенном теле. Его высокий лоб, скошенные монгольские глаза выражали спокойную и мудрую проницательность. Много нужно за-

тратить труда, чтобы вырезать из дерева такую крохотную и выразительную фигурку.

– Мудрец? – спросил я.

– Мудрец, – ответил Веэн, любуясь фигуркой. – Работа великого мастера Мивы-первого из города Эдо, восемнадцатый век, вишневое дерево. Для профана она ничто, но знаток ее оценит.

Мне стало немного не по себе – в сущности, я тоже профан.

– Искусство принадлежит тому, кто его любит, понимает и отстаивает, – продолжал Веэн. – Человек, сохранивший для нас «Слово о полку Игореве», сделал не меньше того, кто это «Слово» написал. Шлиман, открывший Микены, превосходит его создателей – они строили город, подчиняясь необходимости, он открыл его, ведомый любовью к искусству. Что было бы с русской живописью без братьев Третьяковых?

В ответ я напомнил слова Пушкина:

– Чувства добрые я лирой пробуждал» – вот что главное.

– Что я говорила?! – злорадно произнесла Нора.

Эта реплика означала, что Нора предупреждала Веэна: я не подхожу для их компании. Это меня не удивило – мы с Норой терпеть не можем друг друга.

– Крош, ты баптист, – объявил Игорь.

– Но это сказал Пушкин!

– Пушкин жил сто лет назад. Каменный век.

– »Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно», – сказала Нора.

– Задираемся? – неодобрительно заметил Веэн.

– Мы любим Кроша. Давай поцелуемся, Крош, – сказал Игорь.

– Не шурши! – предупредил я его.

– »Попроворней одевайтесь, смотрит солнышко в окно», – продолжала Нора. – «В лесу раздавался топор дровосека...»

– Дружба не терпит подобных шуток, – сказал Веэн, – а без дружбы нет человека. Одиночку сокрушают, в коллективе человек нивелируется. Тройки, четверки, пятерки – вот кто покоряет мир.

– Три мушкетера... – сказал я.

– Ремарк! – сказал Веэн. – Но герои Дюма покоряли мир, герои Ремарка обороняются от него.

– »Три танкиста, три веселых друга», – громко пропел Игорь.

– »Чувства добрые...» – снова заговорил Веэн. – Самое доброе чувство – дружба. Есть только одна убежденность – в своем товарище, только одна вера – в прекрасные творения человека. Все проходит – идеи, взгляды, убеждения, а эта фигурка будет жить вечно. Ее держали в руках цари и полководцы, писатели и философы. Если бы время не стирало отпечатков пальцев, можно было бы

по ней создать дактилоскопический альбом многих великих людей. Научись мы создавать скульптурные портреты людей по отпечаткам пальцев, они были бы точнее, чем создаваемые по черепу.

Черт возьми, может быть, эту фигурку держали в руках Наполеон или Бальзак, какой-нибудь микадо или братья Гонкур! Замечательная идея! Странно, что Веэн так буднично ее высказал, Нора и Игорь спокойно сидели на диване, Костя молча перелистывал журнал.

– Может быть, отпечатки пальцев все же остаются, – сказал я, – совсем крошечные, незаметные, но с помощью сверхмощного электронного микроскопа их со временем удастся обнаружить.

– Возможно, – согласился Веэн. – Но и без того старинная вещь рассказывает о многом. Собирать произведения искусства поучительно. Каждая фигурка – эпопея, ее розыски – тоже эпопея. Собираение – это гигантский труд и медные деньги. Впрочем, – Веэн как-то особенно посмотрел на меня, – мы живем в век новой алхимии, и медь иногда превращается в золото.

Я не совсем понял, что он хотел этим сказать.

– Собираательство – это соревнование, – продолжал Веэн. – Мы, собиратели, хорошо знаем друг друга и свои поиски держим в секрете.

На этот раз я понял, что он хотел сказать.

– Я не трепач.

– Я нуждаюсь в помощниках. Вот Костя помогает и Игорь. Хочешь, и ты будешь помогать?

– С удовольствием.

– Мир искусства обогатит тебя духовно, поможет стать культурным человеком. Ты хочешь стать культурным человеком?

– Хочу.

– На одну удачу приходится двадцать неудач. Но на мелкие расходы ты всегда заработаешь.

Наверно, я здорово покраснел. Получать деньги за помощь, за услугу!.. Но, с другой стороны, надоело обращаться к маме за каждым гривенником. И мне необходим магнитофон.

– У тебя не должно быть секретов от твоих родителей, – продолжал Веэн, – но и не обязательно им все рассказывать. Каждый имеет право на личную жизнь.

Логично. Ведь я не все рассказываю своим родителям, как и они мне, – каждый имеет право на личную жизнь.

– Мои родители не вмешиваются в мою личную жизнь, – сказал я.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве заключения хочется обратить внимание на возможности исследования темы современного коллекционирования и коллекционеров. С этой целью предложено два задания:

Задание 1: В. Беньямин размышляет в эссе о коллекционировании: «Факт, в сущности, поистине странный: коллекционные предметы как таковые производились промышленным способом. С какого времени? Следовало бы поизучать различные модные веяния, которые овладевали коллекционированием в XIX веке. Характерной для бидермейера – так ли во Франции? – была мания собирательства чашек. «Родители, дети, друзья, родственники, начальство и подчиненные выражают свои эмоции в чашках, чашка – лучший подарок, излюбленное украшение интерьера; и Фридрих Вильгельм III заполнил свой рабочий кабинет целыми пирамидами фарфоровых чашек в своем серванте, храня в них память о важнейших событиях, о драгоценнейших часах своей жизни».

Приведите пример из современного коллекционирования – какие предметы создаются промышленным способом специально для коллекционирования? Кто их собирает?

Задание 2: Проведите интервью с коллекционером. Поразмышляйте над мотивами собирательской деятельности современных коллекционеров.

Вопросы для интервью:

1. Не каждый человек, собирающий какие-либо предметы, называет себя коллекционером. Можете ли вы о себе сказать, что вы коллекционер? Что значит «быть коллекционером?». Это увлечение, хобби или скорее образ жизни? Или что-то другое? Что значит быть филателистом?
2. Как люди становятся коллекционерами? Что может повлиять на решение стать коллекционером? Как это произошло с вами, с вашими знакомыми коллекционерами?
3. Существуют ли для современных российских и пермских коллекционеров какие-то примеры, образцы для подражания в области коллекционирования? Кто стал таким примером?
4. Коллекционер – это одиночка или скорее член какого-то сообщества? Есть ли российское сообщество коллекционеров? Есть ли пермское сообщество коллекционеров?
5. Как возникают связи между коллекционерами: разные люди начинают общаться друг с другом, потому что увлечены общей идеей коллекционирования, или, наоборот, в уже сложившемся кругу политиков, бизнесменов коллекционирование возникает как еще одна сфера деятельности?

6. Как и где проходит общение коллекционеров? Есть ли специальные встречи, события, которые организованы коллекционерами или для коллекционеров? Если есть, то кто является их инициатором, организатором? Кто задает тон, темы для общения? Какие темы преобладают?
7. Существует ли соревнование, конкуренция в коллекционировании? В чем это проявляется? Если можно – примеры.
8. С вашей точки зрения, настоящий коллекционер всегда будет стремиться показать свою коллекцию публике или нет? Кому важно презентовать свою коллекцию: специалистам, партнерам, широкой публике?
9. Отличается ли коллекционирование в России от европейской традиции, с вашей точки зрения? Можно ли сказать, что мы отстаем от Европы по количеству коллекционеров, насыщенности событий в области коллекционирования или нет?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. К введению

Беньямин В. О коллекционерах и коллекционировании. М.: ЦЭМ, V-A-C press, 2018. 104 с.

Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Изд-во «РУДОМИНО», 2001. 224 с.

Игнатъева О.В. Частное коллекционирование в процессе европеизации России в XVIII – начале XX в. // Вестник ПГУ. Серия История. 2014. № 2. С. 22–27.

Малинкин А.Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 192 с.

Саверкиева И.В. История частного коллекционирования в России: учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: СПбГУКИ, 2006. 207 с.

Таньчук Р. Искусство коллекционирования. Коллекционирование как форма культурной активности / пер. с польск. Харьков: изд-во «Гуманитарный Центр»; М.В. Григорьева, 2016. 370 с.

Belk R. Collecting in a consumer society. London and New York: Routledge, 1995. 198 p.

Pearce S. On Collecting: An Investigation into Collecting in the European Tradition: Routledge, 1995. 456 p.

2. К разделу «Императорское коллекционирование в России»

Аделунг Ф.П. Предложение об учреждении рускаго национального музея // Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 170–182.

Бабин А.А. Александр I и его коллекция французской живописи // Частное коллекционирование в России. М., 1995. С. 112–121.

Врангель Н. Искусство и государь Николай Павлович // Свойства века. СПб.: Журнал Нева, 2001. С. 153–178.

Игнатъева О.В. Коллекционирование как способ репрезентации власти в России XVIII века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (33). С. 21–30.

Игнатъева О.В. От Императорского музея – к музею национальному: значение частного коллекционирования в развитии национальной идеи в России

XIX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 3 (37). С. 56–61.

Каминская А.Г. Ю.И. Кологривов и его участие в создании первых коллекций скульптуры в Петербурге // Музей-5. Художественные собрания СССР. М.: Сов. художник, 1984. С. 136–151.

Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. 2-е изд. СПб.: издание А.С. Суворин, 1885. 330 с.

Карчева Е. Путешествие Николая I по Италии и приобретение скульптуры для Эрмитажа // Николай I и Новый Эрмитаж: каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 2002. С. 119 – 121.

Койманс Л. Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша. СПб.: Наука, 2008. 464 с.

Левинсонг-Лессинг В. История картинной галереи Эрмитажа. Л., 1986. 407 с.

Назаревская Н.О. Антикварный рынок в России XVIII – XX веков. М.: ИД «Любимая книга», 2006. 160 с.

Неверов О.Я. Собиратели редкостей из окружения Петра Великого // Из истории Петровских коллекций: Сб. науч. тр. Памяти Н.В. Каминской. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 129 – 145.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: типография товарищества «Общественная польза», 1862. Т.1. 578 с.

Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М.: Искусство, 2000. 573 с.

Прахов А. Александр III как деятель русского художественного просвещения // Художественные сокровища России. 1903. Т.3. 148 с.

Сальникова И.И. Государственное и частное собирательство произведений русского искусства в России в XVIII – первой половине XIX в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1997. М.: Наука, 1999. С. 336–350.

Штелин Я. История картин в России // Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 86–102.

Phillips C. Collecting Drawings: Russian Engagement in Elite Artistic Collecting Practices // A Century Mad and Wise. Russia in the Age of the Enlightenment. Papers from the IX International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leuven, 2014. Groningen: Netherlands Russia Centre, 2015. P. 471–487.

3. К разделу «Аристократическое коллекционирование в России»

Безсонов С.В. Архангельское. Подмосковная усадьба. 3-е изд. М., 2012. 416 с.

Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М.: Изд. В.Г. Фон-Бооля, 1897. http://az.lib.ru/b/buslaew_f_i/text_1892_moi_vospominania.shtml

Буторов А.В. Князь Николай Борисович Юсупов. Вельможа, дипломат, коллекционер. М.: Астрель, 2012. 655 с.

Врангель Н.Н. Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. СПб.: Журнал «Нева»: ИТД «Летний сад», 1999. 320 с.

Игнатьева О.В. Эволюция частного коллекционирования в русской дворянской усадьбе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 1 (39). С. 47–53.

Игнатьева О.В. Коллекционирование в среде русской аристократии в XVIII–XIX вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 54–62.

Игнатьева О.В. История женского коллекционирования: по материалам женских автобиографий в России в XVIII – начале XX вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 2. С. 55–63.

Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981. 168 с.

Кузнецов С.О. Строгоновы. 500 лет рода. Выше только цари. М.: Изд-во Центрполиграф, 2012. 557 с.

Неверов О. Частные коллекции Российской Империи. М., 2004. 256 с.

Петрова Е.Н. Павел Свиньин и его «Русский музей» // Страницы истории отечественного искусства: XVIII – первая половина XIX века. Вып. IV. СПб.: ГРМ, 1999. С. 183 – 199.

Рузвельт П. Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории. СПб.: Коло, 2008. 520 с.

Савинская Л. Коллекция живописи князей Юсуповых – феномен художественной культуры России второй половины XVIII – начала XX века: от истоков формирования до издания каталога // Искусствознание: журнал по теории и истории искусства. 2012. № 1 – 2. С. 434 – 479.

Строганов А.С. К читателю [Предисловие к каталогу коллекции] (1792) (пер. с фр. М.В. Борисовой) // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. // отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. С. 145 – 146.

Ученая прихоть. Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова: Каталог выставки: в 2 т. М.: Художник и книга, 2001. Т. 1. 344 с. Т. 2. 256 с.

Щербатов С. Художник в уходящей России. М.: Изд. дом XXI век – Согласие. 2000. 464 с.

4. К разделу 3 «Коллекционирование во второй половине XIX – начале XX в.»

Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М.: Искусство, 1993. 374 с.

Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989. 192 с.

Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М.: Искусство, 1986. 382 с.

Игнатьева О.В., Докучаев Д.С., Руденко К.А. Коллекционирование в России. XVIII – XX вв. К формированию европейской идентичности образованных классов. Пермь: ПГПУ, 2015. 260 с.

Игнатьева О.В. П.М. Третьяков и В.В. Стасов: диалог о природе национального изобразительного искусства // Вестник ПГУ. Серия История. 2017. №2 (37). С. 75 – 84.

Переписка П.М. Третьякова и В.В. Стасова. 1874–1897. М.; Л.: Искусство, 1949. 283 с.

Плюшкин С.А. Федор Михайлович Плюшкин (1837–1911) и его музей. СПб.: Сударыня, 2008. 98 с.

Полунина Н.М., Фролов А.И. Коллекционеры Москвы. М.: Независимая газ., 1995. 526 с.

Семенова Н.Ю. Жизнь и коллекции Сергея Щукина. М.: Трилистник, 2002. 176 с.

Семенова Н.Ю. Московские коллекционеры. С.И. Щукин, И.А. Морозов, И.С. Остроухов. Три судьбы, три истории. М.: Молодая гвардия, 2019. 402 с.

Трубников А.А. От Императорского музея к Блошиному рынку. М.: Наше наследие, 1999. 189 с.

Федоров-Давыдов А.А. Русское искусство промышленного капитализма // Разногласия. Кто платит за культуру? 2016. № 10. С. 17 – 81.

Юденкова Т.В. Братья Павел Михайлович и Сергей Михайлович Третьяковы: Мировоззренческие аспекты коллекционирования во второй половине XIX века. М.: БУКСМАРТ, 2016. 528 с.

5. К разделу «Особенности женского коллекционирования»

Аксареева В.Г. «Мы, французы, не привыкли видеть русскую даму, занимающуюся науками, и в особенности археологией...»: мемуары графини Прасковьи Сергеевны Уваровой в гендерном прочтении // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35. С. 157 - 163.

Дашкова Е.Р. Воспоминания княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самой / пер. с англ. Г.Е. Благосветлова. Лейпциг: Э.С. Каспрович, 1876. 328 с.

Достоевская А.Г. Воспоминания А.Г. Достоевской / под ред. Л.П. Гроссмана. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. 310 с.

Игнатьева О.В. История женского коллекционирования: по материалам женских автобиографий в России в XVIII – начале XX вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 2. С. 55–63.

Николаевская Т.Ю. Грачева Мария Андреевна // Музей и коллекционеры. Эра Румянцевского музея. Картинная галерея. Из истории формирования ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.: Изд-во Красная площадь, 2010. С. 3–11. Нохлин Л. Почему не было великих художниц? / Пер. на рус.: А. Матвеева // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 15–46.

Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991. 288 с.

Савинская Л.Ю. Опыт реконструкции коллекции: на примере собрания живописи Зинаиды Ивановны Юсуповой (1809–1893 гг.) // Вестник МГУКИ. 2011. № 6 (44). С. 244–250.

Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 293 с.

Belk W. Russell, Wallendorf M. Of mice and men: gender identity in collecting // *Interpreting Objects and Collections* / ed. by S.M. Pearce. London and New York, 2003. P. 240–254.

6. К разделу «Коллекционирование в советский период»

Амальрик А. Художники и коллекционеры в Москве // Ковчег. Лит. журн. 1978. № 2. С. 81–95.

Богданов К. К истории филателии в СССР. Обзор тем и исследовательских контекстов // *Acta Slavica Iaponica*. Т. 40. P. 19–41.

Журнал «Советский филателист» за 1921–1932 гг.

Игнатьева О.В. Советское коллекционирование в контексте культурной революции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 4. С. 80–89.

Костаки Г. Мой авангард. Воспоминания коллекционера. М.: Модус Граффити, 1993. 127 с.

Рачков О. Мир коллекционера. Алма-Ата: изд-во Казахстан, 1967. 223 с.

Grant J. The Socialist Construction of Philately in the Early Soviet Era // *Comparative Studies in Society and History*. 1995. Vol. 37, No. 3. P. 476–493.

7. К разделу «Пермские коллекционеры»

Бейлин И.Г., Парнес В.А. А. Е. Теплоухов. М.: Наука, 1969. 150 с.

Дмитриев А.А. Ф.А. Волегов. Очерк его жизни и переписка // Пермский край: Типография Н-ков и П.Ф. Каменского. Пермь, 1895. Т. 3. С. 122–175.

Игнатъева О.В. Пермский звериный стиль: история коллекций и их изучения. Пермь: ПГПУ, 2009. 159 с.

Мельников П.И. Дорожные Записки из Тамбовской Губернии в Сибирь. Статья восьмая, с рис. (Обва. – Бармийцы. – Пермские древности. – Кабинет г-на Волегова) // Отечественные записки. 1841. Т. XVIII. С. 63–65.

Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб. Тип. В. Безобразова и Кш., 1902. 112 с.

Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. VI, вып. 1. Екатеринбург, 1880. С. 4–24.

8. К разделу «Образ коллекционера в литературе»

Бальзак О. Кузен Понс. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. 311 с.

Генри Дж. Трофеи Пойнтона. М.: Текст, 2006. 320 с.

Домбровский Ю.О. Хранитель древностей. М.: Изд-во АСТ, 2011. 416 с.

Клиффорд С. Коллекционер. М.: Радуга, 1993. 367 с.

Памук О. Музей невинности. СПб.: Азбука СПб., 2015. 608 с.

Рыбаков А. Каникулы Кроша. М.: Изд. дом Мещерякова, 2016. 128 с.

Фаулз Дж. Коллекционер. М.: Эксмо-Пресс, 2011. 400 с.

Фишер Т. Коллекционная вещь. Б.С.Г. – Пресс, 2003. 290 с.

Учебное издание

Игнатьева Оксана Валерьевна

Антропология коллекционирования

Учебно-методическое пособие

Редактор *Л. А. Богданова*

Корректор *Л. И. Семицетова*

Компьютерная верстка и дизайн: *О. Н. Бастырева*

Объем данных 2,0 Мб

Подписано к использованию 07.06.2021

Размещено в открытом доступе

на сайте www.psu.ru

в разделе НАУКА / Электронные публикации

и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр

Пермского государственного

национального исследовательского университета

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15